

Часть I

Жизнь и искания ученого и эзотерика А. В. Барченко

*Знающим тайну «Дюнхор»
Великое дает возможность созерцать мир
и жизнь из Центра в бесконечность глазом Будды.
А. Барченко*

Пролог

Счастливая страна Шамбала и ее искатели

Вспоминаю, как много лет назад — весной 1983 г. — я, в то время вольнослушатель факультета Урало-Алтайских языков Индианского университета в Блумингтоне, заглянул однажды в кабинет профессора Тубтена Жигме Норбу (старший брат нынешнего Далай-ламы), чтобы расспросить его о Шамбале — действительно ли в древности существовала такая страна и если да, то где. Мои вопросы, как кажется, сильно смутили известного тибетского ученого, и он довольно туманно ответил мне что-то вроде того, что Шамбала не имеет отношения к нашему миру, ибо это реальность иного порядка. Такой ответ меня мало удовлетворил, поскольку я уже знал о поисках этой загадочной страны Рерихами в Центральной Азии в 1920-е годы и о том, что Л. Н. Гумилев и Б. И. Кузнецов в конце 1960-х «локализовали» ее на карте древнего мира. Вскоре после встречи с Норбу в мои руки попала только что опубликованная книга американского тибетолога Эдвина Бернбаума «Путь в Шамбалу»[1], в которой в довольно увлекательной форме рассказывалось как о самом мифе о Шамбале, так и о поисках страны-фантома ее многочисленными искателями на Востоке и на Западе, в том числе предпринятых в начале 1970-х самим автором. В этой книге я нашел различные толкования и земные «адреса» Шамбалы — если, конечно же, считать, что в основе мифа лежат какие-то вполне конкретные историко-географические реалии и много другой полезной информации. Тем не менее это не приблизило меня, как наверное и других читателей книги Бернбаума, к разгадке тайны древнего сказания, ввиду невозможности однозначного ответа на вопрос: что-же такое Шамбала и где ее искать...

В переводе с санскрита слово *shambhala* означает «место покоя, безмятежного существования», иначе — «счастливая земля». Основным источником наших сведений о такой земле являются книги священного буддийского канона, Ганжура. Расположенная на севере мифического материка Джамбудвипа, который современные ученые обычно ассоциируют с Индийским субконтинентом, Шамбала окружена цепью высочайших гор и потому недоступна для людей остального мира. В Шамбале царят мир и благоденствие. Ее жители добродетельны и разумны; им не ведомы болезни, голод и вообще какие-либо страдания. Большинство из них становятся совершенными существами (буддами) еще при жизни благодаря изучению и практике тантрического буддизма. Одним словом, Шамбала, в том виде, в каком эту страну изображает древнее буддийское предание, — прообраз земного рая, земли обетованной.

Буддийская традиция прочно связывает Шамбалу с учением о Калачакре (санскр. *kālacakra*) — Колесе Времени. Это некое сокровенное знание, обладание которым позволяет достичь просветленного состояния будды в течение одной жизни, высший Гносис, доступный лишь посвященным. Считается, что Будда Шакьямуни через год после достижения просветления, или нирваны, преподал сокровенное учение царю Шамбалы Сучандре внутри ступы Дханьякатака, находящейся на юге Индии. Вернувшись на родину, в Шамбалу, Сучандра стал проповедовать это учение, а также написал пространный комментарий к нему. Много столетий спустя учение о Калачакре вернулось из Шамбалы в Индию, где получило широкое распространение среди буддийских монахов. Произошло это на рубеже X и XI веков н. э. Из Индии учение затем было перенесено странствующим пандитом (учителем) Соманатхой в Снежную страну — Тибет. Соманатхе также приписывается введение в Тибете в 1027 г. лунно-солнечно-юпитерного календаря — 60-летнего цикла, изложенного в Калачакре. Впоследствии, между XI и XIV веками, тибетские ламы под руководством индийских проповедников осуществили перевод основных текстов Калачакры с санскритского на тибетский язык.

В Тибете Калачакра-тантра, или Дуйнхор (*dus 'khor*), становится особенно популярной среди монахов секты «гелуг» (добродетельной), основанной в XIV веке знаменитым ученым и реформатором буддизма Цзонкхапой. В то же время большой интерес к системе Калачакра начинают проявлять Панчен-ламы, в результате чего монастырь Таши-лхумпо в южном Тибете (в провинции Цзян), являющийся их резиденцией, превращается в один из главных центров Учения. В лице Панчен-лам (считающихся воплощением будды Амитабхи — создателя и владыки рая Сукхавати, куда попадают все уверовавшие в него) Калачакра приобретает совершенно особых покровителей. Согласно древнему буддийскому пророчеству, в конце Кали-юги, или Железного века на земле, когда учение Будды придет в упадок, 25-й кулика-царь Шамбалы Рудра Чакри (по-тибетски Ригден Джапо), воплотившись в одном из Панчен-лам, начнет войну против варваров — последователей религии Лало (явный намек на мусульманских гонителей буддизма). В результате великой битвы, кото-

рая произойдет на берегах реки Шрита (Сита) в Индии, полчища Лало будут разбиты и на земле вновь воцарится счастливый Золотой век — Крита-юга.

Калачакра, с точки зрения современной тибетологии, — это одна из важнейших и сложнейших систем буддийской тантры, принадлежащая к классу Аннутара-йога. Само слово «тантра» имеет два значения: в широком смысле это название одного из направлений буддизма — Ваджраяна, или Колесница Грома, в котором первостепенное значение придается психофизическим (йогическим) практикам; в узком техническом смысле «тантра» означает базовый текст Ваджраяны, наставление, вложенное его автором в уста Будды. Аннутара-йога-тантра — это тантра наивысшей йоги. Считается, что практикующий ее достигает высшего состояния сознания — «просветления» (санскр. bodhi) и становится буддой в наикратчайший период времени — уже в этой жизни.

Калачакра-тантра традиционно подразделяется на «внешнюю», «внутреннюю» и «альтернативную», или «трансцендентную». Их различие тибетский ученый Геше Джампа Тинлей характеризует таким образом:

«Во внешней Калачакра-тантре (далее КТ — А. А.) содержится подробное объяснение внешнего мира, поскольку он тесно связан с миром внутренним. Круговорот галактик, движение планет и тому подобные вещи описываются именно во внешней КТ. Тибетская астрология также берет начало во внешней КТ. <...> Во внутренней КТ содержится знание о внутреннем мире — внутренних каналах, энергиях и т. д., — изложенное для того, чтобы мы могли использовать это знание для духовной практики. Но основное содержание КТ, необходимое для духовной практики, развернуто в альтернативной КТ, которая является главной по отношению к внешней и внутренней КТ, — последние служат как бы информационной базой для высшей КТ»[2].

Описание страны Шамбалы, сведения о ее истории, правителях (так наз. «кулика-царях») и пророчество о грядущей великой Шамбалинской войне — все это описано в текстах внешней КТ. Здесь же содержатся и разнообразные сведения о физических науках и различных технических устройствах, например, рассказывается о способах изготовления катапульта и других видов оружия, которые будут использоваться воинами Ригден-Джапо в битве с силами зла. Но основной акцент внешняя КТ, как отмечает американский исследователь Э. Бернбаум, делает на времени и астрологии, а также на математике, необходимой для различных хронологических и астрологических исчислений. «В движении звезд и планет практикующий внешнюю Калачакру пытается обнаружить циклические проявления сил, управляющих нашей жизнью»[3].

Сведения о Шамбале проникли в Европу на исходе Средних веков, благодаря рассказам путешественников по азиатскому Востоку. Первыми о загадочной стране поведали португальские миссионеры-иезуиты Эстебан Качелла и Жоао Кабрал. В 1628 г., пытаясь пройти из Бутана в Китай (Cathay), т. е. Китай, о котором в то время имелись очень скудные сведения, они узнали о существовании неведомой им страны — «Ксембала» (Xembala). Бутанский правитель сообщил им, что это очень известная страна и что она граничит с другим государством под названием Согпо. Из такого ответа Качелла заключил, что Ксембала это и есть Китай, поскольку сообщенные ему сведения — огромные размеры Ксембалы и ее соседство с владениями монголов («Согпо») — соответствовали тому, как Китай-Китай изображался на географических картах. После этого Качелла предпринял путешествие в Ксембалу и ему удалось добраться до города Шигадзе во владениях Панчен-ламы (т. е. в Тибете). Сюда в начале 1629 г. из Бутана прибыл и его спутник Ж. Кабрал. Путешественники, однако, довольно быстро сообразили, что попали не в Китай, а в страну, которая на европейских картах того времени именовалась Большой Татарией.

Другой европейский путешественник — венгр А. Чёма де Кёреши, побывавший в Бутане и Тибете в начале XIX века, дополнил сведения португальских монахов. В небольшой статье, опубликованной им в 1833 г. в журнале Азиатского Общества Бенгалии, Кёреши, в частности, сообщает, что Шамбала — это «мифическая страна, расположенная на севере» и что ее столицей является Калапа — «прекрасный город, резиденция многих прославленных царей Шамбалы». Называя Шамбалу «мифической страной», Ч. де Кёреши тем не менее указывает относительно точные, ее географические координаты — «между 45 и 50 градусами северной широты, за рекой Сита или Яксарт»[4].

Эти сообщения о Шамбале долгое время оставались достоянием лишь географов и востоковедов — т. е. очень узкого круга ученых. И только на рубеже XIX–XX веков, благодаря, главным образом, теософскому учению Е. П. Блаватской, тибетский миф о «Счастливой земле» становится известным широкой публике. Пытаясь доказать, что на заре человеческой цивилизации наука и религия были неразделимы, составляя некую единую эзотерическую доктрину — «первоначальное откровение, данное человечеству», — Е. П. Блаватская обратилась к истокам мировых религий — древнейшим мистериальным культам и учениям, сохранившим, по ее мнению, остатки этой неразделенности. В своем капитальном труде «Тайная доктрина» Е. П. Блаватская (со ссылкой на публикации Чёма де Кёреши и сообщения немецких путешественников по Тибету братьев Шлагинтвейт) упоминает о Шамбале и о священной книге «Дус-Кьи-Хорло» (Цикл Времени). Содержащаяся в этой книге система тибетского мистицизма, по утверждению Блаватской, столь же древняя, как и человек, практиковалась в Индии и Тибете задолго до того, как Европа стала континентом (!), хотя первые сведения о ней появились только 9 или 10 веков тому назад. «В глуши Транс-Гималаев — слишком общо называемых Тибетом — в наиболее недоступных местах пустынь и гор до сегодняшнего дня живет Эзотерический „Благой Закон“ — „Печать Сердца“ — во всей своей первоначальной чистоте»[5]. Здесь надо отметить, что Шамбала для Блаватской и ее последователей — это уже не «мифическая страна» Дэджунг (тиб. bde 'byung) — «Источник счастья», но некое реально существующее братство или община посвященных йогов — адептов эзотерического учения, которых она называет «махатмами». Таких мистических братств, хранящих остатки древ-

ней Универсальной науки, на земле, по убеждению Е. П. Блаватской, существует немало, однако они не имеют никакого отношения к так называемым «цивилизованным странам». Более того, местонахождение их должно оставаться тайной для остального мира — до тех пор, пока «человечество в массе своей не очнется от духовной летаргии и не раскроет свои слепые очи навстречу ослепительному свету Истины»[6].

Тогда же, в конце XIX века, путешественники — исследователи Центральной Азии Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, М. В. Певцов, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлов и др. — столкнулись с еще одной удивительной легендой — о Беловодском царстве или Беловодье, стране справедливости и истинного благочестия. Находясь в 1877 г. на берегах «блуждающего» озера Лобнор, севернее реки Тарим в Западном Китае, или Синьцзяне, Н. М. Пржевальский записал рассказ местных жителей о том, как в эти места в конце 1850-х — начале 1860-х пришла партия русских алтайских староверов числом более сотни человек. Староверы разыскивали Беловодскую «землю обетованную». Большая часть пришельцев, не удовлетворившись условиями жизни на новом месте, двинулась затем дальше на юг, за хребет Алтынтаг, где и устроила свое поселение. Но и те и другие в конце концов вернулись на родину, на Алтай. Рассказ об этом хождении искателей Беловодья, записанный со слов одного из его участников А. Е. Зырянова, вместе с приложенной к нему маршрутной картой всего путешествия, был впоследствии опубликован А. Н. Белослюдовым в Записках Русского Географического Общества[7].

Беловодье — еще одна загадка центрально-азиатской истории. Современный исследователь К. В. Чистов, правда, считает, что это «не определенное географическое название, а поэтический образ вольной земли, образное воплощение мечты о ней»[8]. Поэтому не случайно эту «счастливую крестьянскую страну» русские староверы искали на огромном пространстве — от Алтая до Японии и Тихоокеанских островов и от Монголии до Индии и Афганистана. Во второй половине XVIII века название Беловодье носили два поселения в Бухтарминской и Уймонской долинах юго-восточного Алтая. Сюда не доходила власть «начальства» и попов — гонителей староверов, не принявших церковной реформы патриарха Никона. Эта «нейтральная земля» между Российской и Китайской империями была включена в 1791 г. в состав России. Именно тогда, как утверждает Чистов, и возникла легенда о Беловодье. Ее бытование тесным образом связано с деятельностью секты «бегунов», или странников, которая является крайне левым ответвлением старообрядчества.

Первые сведения о поисках староверами заповедной страны относятся к 1825–1826 гг., а во второй половине XIX столетия (1850–1880 гг.) хождения в Беловодье приобретают массовый характер. Для нас, однако, наибольший интерес представляют сообщения о центральноазиатских маршрутах искателей Беловодья (Монголия Западный Китай — Тибет), — именно там, в самом сердце Азии, по-видимому, и произошла контаминация двух легенд — христианской о Беловодье и буддийской о Шамбале. Схожесть христианского и буддийского мифов впоследствии послужила поводом некоторым авторам говорить об их едином «корне». Крайне любопытен также другой факт — побывавшие в Индии и Тибете искатели Беловодья принесли оттуда в Россию какие-то элементы восточных учений (может быть, даже буддийской тантры), которые впоследствии были ассимилированы некоторыми русскими мистическими сектами старообрядческого толка.

В начале XX века среди европейских оккультистов получил распространение еще один центральноазиатский миф — о подземной стране Агарти (или Агарта). В 1911 г. почитатели недавно умершего французского мистика маркиза А. Сент-Ив д'Альвейдра (Alexandre Saint-Yves d'Alveydre) опубликовали в Париже его сочинение под громким названием «Миссия Индии в Европе» (Mission de l'Inde en Europe). (Фактически это было второе издание книги; первое, появившееся в 1886 г., автор собственноручно уничтожил, сохранив лишь один экземпляр.) В этом произведении Сент-Ив д'Альвейдр в довольно претенциозной манере поведал читателям о таинственной подземной стране, скрывающейся где-то в недрах Гималаев — об Агарте (Agarttha). Страна эта имеет «синархическую» форму правления, и ее население достигает 20 миллионов человек (!). Здесь надо пояснить: согласно учению Сент-Ива, существует два типа организации человеческих сообществ: анархический, господствующий на земле в течение последних 5 тысяч лет, и предшествовавший ему синархический. Сущность синархического строя (синархия по-гречески означает «совластие») состоит в троичной «социальной» иерархии власти: жречество, посвященные миряне, главы семейств (отцы и матери). Такая система управления социумом является воплощением высшего Божественного Промысла, залогом социальной гармонии и справедливости, так как полностью соответствует тройственной природе человека — интеллектуальной, моральной и физической. (В книге об Агарте Сент-Ив называет «синархический закон» одновременно теократическим и демократическим.) Именно синархической была созданная около 9 тысяч лет тому назад легендарным Рамом (героем древнеиндийского эпоса «Рамаяна») гигантская Универсальная Империя Овна (Empire Universel du Belier), с которой начинается неизвестная науке сакральная история человечества. В этой империи Агарта выполняла роль одного из религиозных центров, или «университетов», где хранился высший гносис и совершались инициатические обряды. Однако приблизительно за 3 тысячи лет до н. э., вследствие раскольничьей деятельности принца Иршу, отвергшего божественные Принципы, начался распад рамидской империи. На земле постепенно воцарилась Анархия. Поэтому агартийцы и «ушли под землю».

Характеризуя «социально устроенное» — синархическое — государство Агарты, Сент-Ив всячески стремился подчеркнуть его отличие от государств анархического типа. Агарта не знает насилия, ей неведомы такие пороки современного общества, как бедность, здесь не бывает нищих, проституции, пьянства, антагонизма верхов и низов, деления людей на касты и так далее. Управляемая «вождями величайшей духовной силы», она есть «центр посвященных», хранящий в своих недрах «летописи человечества за все время эволюции на земле в течение 556 веков». Города Агарты, по утверждению Сент-Ива, «размещены чаще всего в подземных постройках» и потому невидимы людьми. Там, в чреве земли, надежно упрятаны от взоров и посягательства

профанов богатейшие библиотеки агартийцев, содержащие в себе «полное собрание всех искусств и всех древних наук». Там же в подземных кельях «бесчисленный народ двиджасов» (т. е. дважды рожденных) занят изучением всех священных языков, в том числе «универсального языка» Ватан. «Физиологический состав Планеты и Космоса раскрыт ими до самых мельчайших подробностей, <...> все ими исследовано, от огненных недр земного шара до подземных рек газа и вод, сладких и соленых, и даже до живых существ, находящихся в этих газах, в этом пламени и в этих водах». То, что верховные правители подземной страны «безжалостно» скрыли от наземной цивилизации свой «религиозный Университет», Сент-Ив объясняет стремлением не допустить, чтобы высокоразвитая наука Агарты стала «орудием борьбы против человечества Антихристу и Анархии подобно тому, как это сделали наши науки»[9].

Столь необыкновенные сведения о скрытой гималайской «стране посвященных» Агарте, Сент-Ив д'Альвейдр почерпнул в основном у своих восточных учителей. Французский историк П. Невиль называет имя некоего «афганского принца» Харджи Шарифа, по внушению которого якобы и была написана книга об Агарте[10]. Любопытно, что Сент-Ив был не только первым западным оккультистом, кто создал «конспирологическую модель Истории» (говоря словами А. Дугина), но и приложил немало усилий, чтобы воплотить свои идеалы в жизнь, неоднократно обращался с различными воззваниями к «анархическим» правителям, в том числе к французскому премьеру Ж. Клемансо и императору Александру III, и создал во Франции организацию с целью пропаганды принципов «социального государства» — Синархии. Организация эта отвергала западный либерализм и капитализм и призывала к возврату к традиционным культурным ценностям.

«Свидетельство» Сент Ива д'Альвейдра об Агарте кажется совершеннейшей утопией, ибо трудно вообразить себе невидимое существование 20-ти миллионной материальной суперцивилизации, будь то подземной, подводной или островной, с многочисленными библиотеками, лабораториями, обсерваториями и пр. Пытаясь устранить это противоречие, один из современных интерпретаторов Сент-Ива Серж Ютен обращается к новомодной ныне концепции «параллельного мира», обитатели которого якобы проникают в наш мир с помощью совершенных летательных аппаратов и получают таким образом возможность влиять на ход земных событий[11]. Но такое объяснение одного неизвестного явления с помощью другого, еще менее известного, едва ли можно считать удовлетворительным.

Как бы то ни было, идеи французского мистика оставили заметный след в истории европейского эзотеризма. Особенно привлекательными они оказались для немецких оккультистов, будущих мифотворцев Третьего Рейха, которые, как известно, использовали легенды об Агарти и Шамбале для создания своей собственной конспирологической парадигмы мировой истории. Ее смысл можно свести к следующему: 3 или 4 тысячи лет тому назад в районе нынешней пустыни Гоби обитал народ, обладавший высокоразвитой культурой. Эта культура погибла в результате какой-то катастрофы, и именно тогда древняя гобийская страна и превратилась в пустыню. Оставшиеся в живых мигрировали частично в Северную Европу, частично на Кавказ. Народ, вышедший из Земли Гоби, представлял собой «коренную расу» (Grundrasse) человечества — арийскую расу. Руководители погибшей культуры — великие мудрецы, духовные сыны «инога мира», поселились после катастрофы на огромном высокогорье, «под Гималаями». Там они разделились на две группы: одни пошли «Путем правой руки» (Weg rechter Hand), другие «Путем левой руки» (Weg linker Hand). Центром первых стал Агарти — «неведомый Град, Обитель созерцания, Храм удалившихся от мира»; центром вторых — Шамбала — «Град могущества и власти», повелевающий стихиями и многочисленными народами[12]. (Грезивший о мировом господстве Гитлер, естественно, стремился вступить в контакт с вождями Шамбалы, а не Агарти.)

Идейные нити от Сент-Ива д'Альвейдра тянутся, однако, не только в кайзеровскую и затем нацистскую Германию, но и в Россию — как царскую, так и советскую. Русские оккультисты проявляли большой интерес к идеям французского мыслителя-эзотерика и, насколько можно судить, поддерживали с ним связь через его русскую жену графиню М. В. Келлер и ее сына графа Александра Келлера. Благодаря их усилиям в 1915 г. в Петербурге был опубликован русский перевод «Миссии Индии». С учением о Синархии, как кажется, имели возможность познакомиться в годы эмиграции в западной Европе и лидеры русской левой социал-демократии. А. Дугин высказывает любопытное предположение — о заимствовании большевиками у Сент-Ива термина «Советы» (le Conseil), входящего в название трех высших институтов власти в Империи Рама[13]. (Уже в наше время другой его ключевой термин — «Социальное Государство» (l'Etat Social) — неожиданно появился в новой конституции Российской Федерации (ст. 7), хотя в этом случае, конечно же, едва ли можно говорить о каком-либо сознательном заимствовании.) После Октябрьской революции главным проводником идей Сент-Ива в России — в Петрограде и Москве — выступил литератор и ученый-эзотерик А. В. Барченко, один из главных героев этой книги.

Для Барченко, познакомившегося с учением Сент-Ива д'Альвейдра еще в начале XX века, в пору юности, Агарта, Беловодье и Шамбала являлись понятиями одного порядка — свидетельством существования где-то в дебрях высокогорной Азии, «на стыке Афганистана, Индии и Тибета», тайных эзотерических братств, бережно хранящих секреты универсальной «синтетической науки» древних. Эту науку Барченко называл тибетским словом «Дюнхор» и считал, что овладение ею поможет человечеству разрешить острейшие социальные и экономические проблемы, порожденные кризисом современной (техногенной) цивилизации, в частности овладеть неизвестными дотоле источниками мощных психических и космических энергий, и выйти на новый эволюционный виток. Поисками следов исчезнувшей «доисторической культуры» ученый интенсивно занимался в 1920-е годы на Кольском полуострове (в Русской Лапландии), на Алтае и в Крыму; в те же годы он также пытался дважды организовать научные экспедиции в Тибет и Афганистан с помощью

советского правительства с целью установления контактов с тайными братствами Шамбалы-Агарты.

О Барченко, его трагической судьбе и удивительных поисках стало известно сравнительно недавно. В 1991 г. в Москве вышел в свет однотомник его литературных произведений с многозначительным названием «Из мрака», снабженный обширным биографическим очерком, написанным сыном писателя и ученого С. А. Барченко. За этим сборником последовал целый ряд статей в журналах и газетах, посвященных главным образом научным и оккультным аспектам деятельности Барченко. Надо сказать, что эпоха «бурных 1920-х и 1930-х», несмотря на огромное количество публикаций об этом периоде, появившихся в России и за рубежом в последнее десятилетие, все еще продолжает хранить немало неразгаданных тайн. Речь в данном случае идет не о секретах советской внутренней и внешней политики, а о малоизвестных и вовсе неизвестных нам научных поисках и открытиях ученых, впоследствии оказавшихся в Гулаге. Так, во время ареста Барченко в 1937 г. были конфискованы и канули бесследно в недрах НКВД все его научные труды, в том числе большая монография по нейроэнергетике, над которой он — руководитель одной из лабораторий Всесоюзного Института Экспериментальной Медицины — трудился много лет.

Не меньшей тайной окутана и деятельность в те же 1920–1930-е годы и самого известного из русских искателей Шамбалы — художника и мыслителя Николая Рериха. Лишь недавно мы узнали о «Великом плане» Рериха, предполагавшим создание в центре азиатского материка — при содействии советского правительства — большого монголо-сибирского государства, «Новой Страны»[14]. Эта страна должна была стать оплотом обновленного буддо-коммунистического миропорядка в Азии, местом пришествия Будущего Будды, иначе говоря, материализовавшейся на земле Северной «Красной Шамбалой». Как показали исследования В. А. Росова, Н. К. Рерих во время поездки в Москву летом 1926 г. вел интенсивные переговоры с Г. В. Чичериным, А. В. Луначарским и другими большевистскими вождями с целью заручиться их поддержкой для реализации своего грандиозного, хотя и откровенно утопичного, плана, сродни социальным утопиям Томмазо Кампанеллы и Томаса Мора. В то же время Рерих пытался побудить большевиков принять «высокое покровительство Гималайских Учителей — Махатм» с целью привлечения миллионов буддистов Азии к мировому коммунистическому движению и осуществлению в мировых масштабах идеалов Коммуны, или Общины (термин Н. К. Рериха)[15].

Еще более невероятной для читателей этой книги покажется затея самого Барченко, пытавшегося в середине 1920-х — практически одновременно с Рерихом — передать тайны учения Калачакры-Дюнхор («Древней Науки») группе старых большевиков в Москве посредством чтения лекций, организованных начальником Спецотдела при ОГПУ Г. И. Бокием. Эти опыты по «скречиванию» буддизма с ленинизмом оказались, увы, бесплодными. Да иначе, наверное, и быть не могло, ибо мощное дерево ленинизма не «переносило» инородных прививок. А десятилетие спустя советские идеологи громогласно объявили учение Шамбалы «орудием японского фашизма».

Н. К. Рерих, как и А. В. Барченко, ничуть не сомневался в реальности существования земной Шамбалы, полагая, что вступившие в контакт с ним и его женой восточные учителя Мория и Кутхуми как раз и являются «представителями Гималайского Братства». Вообще Шамбала для Рериха — это прежде всего великий символ Грядущего, «знак нового Времени», «новой эры могучих энергий и возможностей». Учение же Шамбалы (т. е. Калачакра) — «высокая йога овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединение этой мощи с космическими энергиями»[16]. Такое учение, позволяющее человеку через синхронизацию или, лучше сказать, гармонизацию внутренних и внешних энергий осуществить свое высшее, космическое предназначение, Н. К. Рерих назвал Агни-йогой (Огненной йогой). Во время своего Тибетского путешествия, задуманного как религиозное посольство Западных буддистов к главе буддистов Востока — Далай-ламе (с целью объединения тех и других), Рерих то и дело мысленно уносится в направлении Шамбалы, которой отводит совершенно конкретное место на карте — северо-западную часть Тибетского нагорья (по-тибетски «Чантанг»). Едва перевалив хребет Поющей Раковины — Думбуре, Рерих тут же указывает своим спутникам, что поблизости начинается «запретная область» Гималайского Братства, «неведомая европейцами». Доступ на эту заповедную территорию, охраняемую самой природой (посредством ядовитых испарений многочисленных гейзеров и вулканов, разбросанных вдоль ее границ) закрыт для непосвященных, а вернее «незванных», ибо придти в Шамбалу без приглашения — «зова» ее владык — невозможно. В дневнике одного из спутников Рериха, Н. В. Кардашевского, мы находим довольно реалистичное, на первый взгляд, описание Шамбалы:

«За обедом Н. К. Р. говорит о месте нахождения Шамбалы — прекрасной, закрытой со всех сторон долине с субтропической растительностью, окруженной холодными и дикими пустынями, тянущимися на сотни квадратных миль и перерезанными неприступными горными системами. Приблизительно в таких же условиях находится и „Национальный парк“ Североамериканских штатов. После красивой Аризоны поезд пробегает неприглядную печальную пустыню с жалкой растительностью и чахлыми кустами. Наконец, последняя остановка, и нигде ничего особенного. Через несколько сот шагов от станции — балюстрада. Подойдите, взгляните вниз, и перед вами в глубине обрыва долина, и в ней — вся красота, вся роскошь залитого солнцем южного пейзажа»[17].

Однако в самом конце путешествия Рерих, под впечатлением от зрелища полного упадка буддизма в Тибете и в то же время глубоко оскорбленный поведением тибетских властей, не пропустивших его посольский караван в Лхасу, резко меняет свое мнение. Шамбала, как он теперь заявляет, не имеет ничего общего с Тибетом — этой «музейной редкостью невежества». В эссе «Шамбала Сияющая», написанном в Дарджилинге в 1928 г., мыслитель-мистик хотя и связывает по-прежнему понятие Шамбалы с существованием тайных горных обитателей (называемых тибетцами словом «баюл»), тем не менее по-

мещает эти обитатели (иначе ашрамы Махатм) в области высокогорных Гималаев, где процветает буддизм — в Бутане, Сиккиме и Непале, то есть за пределами собственно Тибета[18]. Исчезновение же Махатм из расположенных на юге Снежной страны владений Панчен-ламы (антипода Далай-ламы и истинного «духовного вождя» Тибета) Н. К. Рерих объяснил в своем трактате «Shambhala» так: наблюдая упадок буддийской веры — часть всеобщей деградации человечества в Железный век, Учителя, известные в этих местах под именем Азаров и Кутхумпа, стали покидать свои ашрамы и удаляться в самые недоступные уголки бескрайней горной страны. Для большей убедительности Рерих привел слова одного странствующего тибетского монаха:

«Многим из нас в жизни доводилось встречать Азаров и Кутхумпа и снежных людей, которые им служат. Только недавно Азары перестали появляться в городах. Они все собрались в горах. Очень высокие, с длинными бородами, они внешне напоминают индусов... Кутхумпа теперь больше не видно. Раньше они совершенно открыто появлялись в области Цанг у Манасаровара, когда паломники ходили к священной горе Кайласа. Даже снежных людей теперь редко увидишь. Обычный человек, в своем невежестве, ошибочно принимает их за призраки. Есть глубокие причины, почему именно теперь Великие не появляются так открыто. Мой старый учитель много рассказывал мне о мудрости Азаров. Мы знаем несколько мест, где жили эти Великие, но в настоящее время эти места опустели. Какая-то глубокая причина, великая тайна!»[19]

Идеи Блаватской, Рериха и других эзотеристов-визионеров довольно неожиданно получили дополнительный стимул после публикации осенью 1933 г. (когда к власти в Германии только что пришли фашисты) романа-утопии английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт»[20]. В этом произведении Хилтон необычайно увлекательно и, главное, правдоподобно изобразил расположенный в одной из труднодоступных горных долин — где-то в западном Тибете — буддийский монастырь-«ламасерию» Шангри-ла, населенный представителями различных народов, в том числе и европейцами. Благодаря каким-то тайным знаниям и особым практикам, эти люди сумели подчинить себе ход времени, замедлив его течение. Они живут замкнутой общиной — мирно и счастливо, погружившись в занятия науками и искусством, не ведая тревог и забот, терзающих остальное человечество. Роман Хилтона в короткое время приобрел большую популярность на западе, многократно переиздавался и даже был экранизирован (в 1937-м г.) американским режиссером Фрэнком Капра. С легкой руки Хилтона слово Shangri-La прочно вошло в английский язык в значении «воображаемый земной рай, убежище от тревог современной цивилизации»[21]. Такое название присваивают обычно роскошным отелям, ресторанам, горным курортам и прочим «райским уголкам» на земле, а президент Ф. Д. Рузвельт даже назвал так свою летнюю резиденцию в горах Мэриленда (впоследствии переименована в Кэмп Дэвид).

Возможно ли существование в наше время где-нибудь в недоступной горной долине Трансгималаев — Тибета или другой точке земного шара подобно эзотерического братства, хранящего какие-то неведомые остальному человечеству знания? Едва ли. Во всяком случае можно сильно сомневаться, что такое братство существует на тщательно контролируемой Китаем территории Тибетского Автономного Района. И потому нынешние эзотерики все чаще говорят о Шамбале невидимой, скрытой то ли в подземных пещерах, то ли в «параллельном мире», то ли на другой планете. В то же время ученые — прежде всего востоковеды-тибетологи — продолжают поиск страны, послужившей прообразом мифической Шамбалы. На сегодняшний день существует несколько гипотез относительно возможного местоположения буддийского «парадиза» на картах древнего мира. Так, ряд ученых (Б. Лауфер, П. Пеллио, Д. Ньюман) связывают Шамбалу с процветавшими в VII–X веках нашей эры буддийскими городами-государствами Таримского бассейна в Восточном (Китайском) Туркестане, где некогда пролегал Великий Шелковый путь[22]. Другой регион поисков — обширная территория между Ираном и западной Индией. Согласно гипотезе отечественного тибетолога Б. И. Кузнецова, Шамбала — это древний Иран эпохи Ахеменидов (VI–IV в. до н. э.). К такому неожиданному выводу ученый пришел в результате расшифровки древней географической карты из тибетско-шаншунского словаря 1842 г. Термин Шамбала как утверждает Кузнецов, использовался индийцами для названия Ирана и может быть переведен как «держатели мира (блага)»[23]. Из Ирана же индийцы заимствовали и зурванитское учение о Бесконечном Времени — Зерван Акарана, которое затем было положено в основу буддийской системы Калачакра. Зурванитизм — возникшая в рамках ортодоксального зороастризма ересь — исповедовался, главным образом, Сасанидскими царями (III–VII в. н. э.). Зурваниты считали, что только Время — бесконечное, вечное и никем не сотворенное — является источником всего сущего. М. Бойс предполагает, что такое учение было создано западными иранскими магами под влиянием древней вавилонской традиции, согласно которой история делится на большие временные циклы и внутри каждого из них все события периодически повторяются[24].

Современный английский путешественник-исследователь Чарльз Аллен помещает Шамбалу в крайне-западном уголке Тибета, вблизи священной горы Кайлас, там, где возникла первая тибетская цивилизация и вместе с ней загадочная религия левосторонней свастики — бон. Именно в этих местах сложилась бонская легенда о райской земле Олмо-лунрин, которую индийцы позднее окрестили Шамбалой. Что касается учения о Калачакре, то оно, как полагает Аллен, происходит из древней Гандхары (территория, охватывающая северный Пакистан и восточный Афганистан). Входившая в VI в. до н. э. в состав государства Ахеменидов Гандхара позднее (в I–III в. н. э.) составила ядро могущественной Кушанской Империи, границы которой простирались от берегов Аральского моря до Индийского океана и Восточного Туркестана. Одна из областей Гандхары — Уддияна, которую обычно отождествляют с живописной долиной Сват (Уддияна в переводе с санскрита означает сад), расположенной среди южных отрогов Гиндукуша на севере Пакистана, считается колыбелью тантрического буддизма. Посетивший эту долину в 629 г. китайский паломник Сю-ань Цзан с удивлением обнаружил там остатки почти полу-

тора тысяч (!) различных буддийских памятников (монастыри, ступы) и поселений, что свидетельствовало о сказочном расцвете буддизма в Уддияне в предшествующую эпоху (II–V в.). Можно представить себе, пишет Аллен, каким райским уголком должна была казаться эта долина обитавшим в ней буддистским монахам. После завоевания Гандхары белыми гуннами Калачакра-тантра переместилась в «бонский регион» западных Гималаев и крайне-западный Тибет. Здесь учение нашло временное пристанище в стране Шан-шун — родине бона. Однако начавшиеся затем гонения на бон правителей буддийского королевства Гуге побудили адептов Калачакры бежать еще дальше на юг, за Гималаи, где они обосновались в буддийском монастыре Наланда — первом центре учености древней Индии. Оттуда КТ (в XI в.) снова вернулась в Тибет, однако уже в сильно ревизованном учеными монахами виде с целью привести ее в соответствие с ортодоксальной буддийской традицией того времени. История о потерянной или сокрытой райской земле Шамбале, содержащаяся в текстах Калачакры, утверждает Аллен, представляет собой по сути контаминацию трех легенд — об Уддияне, Олмо-лунрин и Шаншуне[25]. Версия английского ученого, умело увязывающего древние буддийские и бонские предания с реальными историческими фактами и рисующего весьма достоверную картину «странствий» Калачакра-тантры по странам Центральной Азии и ее постепенной трансформации, безусловно интересна, при этом особенно любопытно то, что Аллен локализует Шамбалу именно там, где ее обычно помещает эзотерическая наука, — в западной части Тибета.

Еще один «адрес» легендарной Шамбалы — северо-западная часть Индии. Именно здесь, по мнению итальянской исследовательницы Джакомеллы Орофино, находились колонии карматов — последователей одного из двух основных течений исмаилизма, сыгравших первостепенную роль в формировании буддийской тантры (в том числе Калачакра-тантры)[26].

Что касается самих тибетских лам, то они придерживаются самых разных точек зрения: одни считают, что Шамбала находится (поныне!) в Тибете или же в горной системе Куньлуня, возвышающейся над Тибетским плато, другие — в соседнем Синьцзяне (Западном Китае), однако большинство из них, как пишет Э. Бернбаум, верит, что Шамбала расположена в гораздо более северных широтах — в Сибири или в каком-то другом месте России или даже в Арктике (!)[27]. Это курьезное на первый взгляд утверждение, впрочем, не совсем лишено смысла, особенно если связать его с ведущимися в настоящее время довольно интенсивными поисками другой легендарной «Страны блаженных» — Гипербореи-Арктиды. Так, некоторые российские ученые ассоциируют Рипейские (Гиперборейские) горы, за которыми, по представлениям скифов и древних греков, находилась эта страна, а вместе с ними и священные горы индо-иранской мифологии Меру и Хару, с Уральскими горами или с возвышенностью Северные Увалы на северо-востоке европейской части России — главным водоразделом северных и южных морей на Русской равнине[28].

В последние годы немалую сенсацию вызвали интервью и публикации уфимского хирурга-офтальмолога Э. Р. Мулдашева, в которых он рассказывает о своих открытиях, сделанных в ходе нескольких экспедиций в район Гималаев — Тибета в конце 1990-х. Так, Э. Р. Мулдашев утверждает, что обнаружил вблизи священного Кайласа огромный комплекс ступенчатых пирамид и различных монументов (каменные «зеркала» и «статуи») искусственного происхождения?[29]. Все эти памятники, по мнению ученого, принадлежат легендарному «Городу Богов», сведения о котором якобы содержатся в тибетских текстах бонской традиции и в эзотерической (в основном теософской) литературе. Чтобы попасть в эти заповедные места, Э. Р. Мулдашеву и его спутникам пришлось заручиться содействием непальских и тибетских лам, ибо территория, на которой расположен Кайлас, представляет собой «зону действия тантрических сил», закрытую для непосвященных.

Шамбала и Агартти, согласно Э. Р. Мулдашеву, — это существующая уже много тысячелетий под землей (?!) техногенная цивилизация, созданная нашими предками, лемурийцами (представителями 3-й «расы»), «на базе древних знаний»[30]. Локализована она преимущественно в районе Гималаев — Тибета, но, возможно, и в других местах планеты (например, в Египте). Населяют эту подземную страну люди «предыдущих цивилизаций» (третьей и четвертой) — гиганты лемурийцы и атланты, пережившие глобальную геологическую катастрофу (всемирный потоп или даже несколько потопов) и ряд других разрушительных катаклизмов. Там же под землей — в пещерах и пирамидах — располагается и «генофонд человечества» — застывшие («законсервированные») в каменно-неподвижном состоянии глубокого транса «сомати» (искаженное санскритское «samadhi»), иначе нирваны, практически бессмертные «лучшие люди» трех последних человеческих «рас» — лемурийцы, атланты и арийцы (нынешнее человечество). Этот генофонд, полагает Э. Р. Мулдашев, может быть востребован в случае новой глобальной катастрофы, которая, по-видимому, неизбежна, поскольку полный цикл земной цивилизации, согласно древним учениям, предполагает семикратную смену рас. Лемурийцы — наиболее продвинутый духовно тип homo sapiens; они в совершенстве владеют психическими энергиями («энергиями тонкого мира»), а также способны к дематериализации и материализации своего тела — именно за счет этого феномена лемурийцы и смогли уйти под землю и организовать там параллельную цивилизацию. В то же время они обладают исключительно высокоразвитыми технологиями — аппаратами и машинами, «созданными на иных научных принципах», примером чему могут служить особенно часто наблюдаемые людьми в последнее столетие совершенные летательные аппараты, так называемые «летающие тарелки».

Оставляя в стороне весьма экстравагантную теорию антропогенеза Э. Р. Мулдашева, заимствованную в основном у Блаватской и Штайнера, хотелось бы сказать несколько слов о его собственных открытиях — о «Стране Пирамид» и «сомати-пещерах». Надо признать, что район Кайласа — озера Манасаровар, являющийся одним из самых высокогорных участков Тибетского плато, действительно поражает воображение своим сказочным, почти неземным ландшафтом. Побывавшие в этих местах путешественники отмечают прежде всего геометрическую правильность форм горных образований, первое ме-

сто среди которых, несомненно, занимает сам Кайлас, представляющий собой правильную четырехгранную пирамиду. Странствовавший по западному Тибету в 1930-е гг. немецкий буддолог и буддист Эрнст Лотар Гоффман (лама Анагарика Говинда) необычайно живо описал этот зачарованный горный мир в книге «Путь белых облаков». Вот, например, какое зрелище открылось западному буддисту-паломнику на подступах к Кайласу в Долине Амитабхи: «Вступая в узкую долину на западном склоне Кайласы (места, посвященного Амитабхе, цвет которого красный), он (паломник) оказывается в красном скалистом каньоне, структура которого напоминает архитектурные сооружения. Он будто окружен стенами гигантских храмов, украшенных высокими колоннами, карнизами, и уступами скал, а высоко надо всем этим сверкает ледяной купол Кайласы»[31]. Гоффман говорит также о завораживающей атмосфере «духовной мощи и безмятежного покоя», царящей в этом бесплодном, давным-давно оставленном людьми краю. Тибетская «страна каньонов» простирается на несколько сотен миль, и здесь до сих пор можно найти следы, напоминающие о ее великом прошлом, о королевстве Гуте и легендарной стране Шаншун, — руины буддийских монастырей, ступы-чортены и множество пещер-ритод, вырытых в скалах монахами-отшельниками. Однако, при всей поразительной «архитектурности» горных формаций, у нас нет никаких серьезных оснований считать их искусственными, рукотворными, как это делает Мулдашев. По мнению советского географа Б. В. Юсова, например, подобные формы рельефа (наблюдаемые на всем участке бассейна реки Сатледж, берущей начало вблизи Кайласа) типичны для высоких внутриконтинентальных пустынь: «... отдельно стоящие блоки, высокие башни и мощные колонны, бесконечное количество похожих на трещины земной коры ущелий; кое-где глыбы упали, усыпав дно ущелья или каньона обломками. Все это создает картину огромного, разрушенного временем фантастического мертвого города»[32]. К тому же, использованный Э. Р. Мулдашевым способ «опознания пирамид» — компьютерное оконтуривание гор «слепым методом» — на наш взгляд, не является достаточно убедительным. (Аналогичным образом, наверное, можно обнаружить немало каменных «конструкций» и в Колорадских каньонах.)

Еще более фантастической представляется теория доктора Э. Р. Мулдашева о «генофонде человечества», законсервированном в гималайских «сома-ти-пещерах»[33]. (С буддийской точки зрения, сама идея консервации чего-либо на земле совершенно абсурдна.) Дело в том, что ученый рассказывает об этих пещерах исключительно со слов своих непальских и индийских информаторов, ибо его собственная попытка проникнуть вглубь подземного мира закончилась неудачей. Допущенный в одну из пещер, пройдя первый из внутренних залов, спрятанный за массивной железной (?) дверью, он натолкнулся затем на невидимую преграду — мощный психоэнергетический барьер, сознательно «наведенный», как полагает Э. Р. Мулдашев, «сома-ти-людьми». Таким образом, подземная Шамбала-Агартти, как и следовало ожидать, оказалась недоступной для незваного гостя «мира сего».

Какой бы смысл, однако, ни вкладывали в понятие Шамбалы ее современные западные интерпретаторы и искатели, следует помнить, что существование мифической Счастливой страны ограничено во времени. Согласно буддийской хронологии, содержащейся в текстах Калачакра-тантры, в 1928 г. (год окончания Тибетской экспедиции Рериха) на престол Шамбалы взошел 21-й кулика-царь Анируддха (тиб. Ма-gag-ра). Его правление закончится в 2028 г. Затем Шамбалой будут править поочередно еще 4 царя — по сто лет каждый. В 2425 г. — в год Воды-овцы — по истечении 97 лет правления последнего, 25-го кулика-царя произойдет великая битва между силами добра и зла. После чего на земле наступит эра торжества Учения Будды — Дхармы. Однако она будет длиться не вечно, но строго определенное время — 1800 лет, как гласит предание. А затем новый поворот неумолимого Колеса Времени положит конец этому золотому веку, и вместе с ним кончится и история Шамбалы.

В заключение я хотел бы поблагодарить всех тех, кто помог мне в сборе материалов для этой книги: прежде всего А. Г. и О. А. Кондияйн, предоставивших в мое распоряжение свой семейный архив, Беатрис Викар, Марину Бозек и Ива-Фреда Буассе за присланные мне сведения и публикации об идейном учителе А. В. Барченко Александре Сент-Иве д'Альвейдре, московского журналиста и исследователя Олега Шишкина, указавшего мне на ряд интересных документов о Барченко в Государственном архиве РФ в Москве и предоставившего для публикации обнаруженную им там лекцию А. В. Барченко «Таро», С. А. Барченко, благодаря которому я смог ознакомиться с протоколом допроса Г. И. Бокия в архиве УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области, В. А. Росова за сведения о Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха, а также В. С. Дмитриева за компьютерное сканирование фотографий и другого иллюстративного материала.

1. Начало пути

Александр Васильевич Барченко родился в городе Ельце в 1881 г. Его отец Василий Ксенофонович Барченко был нотариусом окружного суда. Мать происходила «из духовной семьи». Благодаря ее влиянию мальчик воспитывался в религиозном духе — по словам самого А. В. Барченко уже в юношеском возрасте он отличался «склонностью к мистике и ко всему таинственному». Довольно рано родители отправили сына в Петербург, где он поступил в классическую гимназию, которую окончил, по-видимому, в 1898 г., если предположить, что учиться его отдали в 9-летнем возрасте, как это обычно бывало в дореволюционной России. (Поясним: курс обучения в классических гимназиях был 8-летним и 7-классным, при этом последний класс учащиеся проходили за 2 года.) После этого Барченко попытался получить высшее образование — в течение двух с половиной лет, опять же по его словам, он слушал лекции на медицинском факультете, сперва в Казанском, а затем в Юрьевском (Дерптском) университетах. Из-за нехватки средств, однако, занятия медициной ему пришлось оставить и поступить на государственную службу, «по Министерству финансов». Здесь, однако, у нас возникает серьезная проблема с хронологией, ибо А. В. Барченко утверждал впоследствии, что в 1905 г. («в годы революции») он пребывал в стенах Юрьевского университета. Но если это так, то нам придется признать, что юноша поступил в университет не сразу после окончания гимназии, а по прошествии нескольких лет, или же, что он учился в названных выше университетах не два с половиной года, а более длительный срок.

Карьера чиновника, очевидно, мало прельщала юного А. В. Барченко, и потому вскоре он оставляет службу. Следующий отрезок жизни Барченко связан с мучительными поисками своего места под солнцем. Из его краткого автобиографического наброска, сохранившегося в архивах, мы узнаем, что приблизительно в 1905–1909 годах ему довелось немало постранствовать по свету — с целью заработка и в то же время, очевидно, из желания посмотреть мир. «В качестве туриста, рабочего и матроса» Барченко объехал, по его собственным словам, «большую часть России и некоторые места за границей»[34]. Одной из таких стран, как вспоминала впоследствии Э. М. Кондияйн (жена будущего ближайшего друга и сподвижника Барченко), была сказочная Индия, будоражившая в то время воображение многих молодых людей на Западе. Вернувшись в Петербург, обогащенный опытом и впечатлениями Барченко пробует свои силы на журналистско-литературном поприще. К этому же «периоду исканий» относится и начало его увлечения эзотерическими науками — в этой связи А. В. Барченко особо упоминал о своей встрече с профессором римского права в Юрьевском университете А.С. Кривцовым, от которого впервые и услышал о Шамбале:

«Кривцов рассказал мне, что, будучи в Париже и общаясь там с известным мистиком-окультистом Сент-Ив д'Альвейдром, он познакомился с какими-то индусами; эти индусы говорили, что в северо-западном Тибете в доисторические времена существовал очаг величайшей культуры, которой был известен особый, синтетический метод, представляющий собой высшую степень универсального знания, что положения европейской мистики и оккультизма, в том числе и масонства, представляют искаженные перепевы и отголоски древней науки. Рассказ Кривцова явился первым толчком, направившим мое мышление на путь исканий, наполнявших в дальнейшем всю мою жизнь. Предполагая возможность сохранения в той или иной форме остатков этой доисторической науки, я занялся изучением древней истории, культур, мистических учений и постепенно с головой ушел в мистику»[35].

Именно в это время — примерно в 1909–1911 — Барченко пробует заниматься «рукогаданием» — хиромантией. Начитавшись различных пособий, он уезжает в Боровичи (городок в Новгородской губернии), где с разрешения местной полиции начинает давать «консультации» всем желающим узнать свою судьбу. Здесь мы прервем наш рассказ, чтобы чуть ближе познакомить читателя с той атмосферой, в которой протекали эзотерические искания Барченко.

2. Храм Шамбалы в Петербурге

Начало XX века по праву называют «Серебряным веком» русской культуры. Этот период характеризуется также необычайно широким распространением в России новых религиозно-философских воззрений. Именно в начале XX столетия в России стремительно набирает силы теософское движение, все более привлекавшее к себе тех, кого не удовлетворяла позитивистская материалистическая наука, равно как и религиозная ортодоксия. В конце 1908 г. в Северной столице — Санкт-Петербурге, с разрешения городских властей, учреждается Российское Теософическое Общество. Главной его целью, согласно уставу, должно было стать «служение идее всемирного братства и научное изучение всех религий, а также исследование природы и скрытых сил человека»[36]. Помимо теософии и, несколько позднее, ее разновидности антропософии, распространение получают и другие оккультные течения — спиритуализм, спиритизм, медиумизм. Петербург — «холодный головной центр» Империи — все более погружался в мир иррационального. Эту обстановку «религиозно-мистического брожения» в столице — всего через несколько месяцев после опубликования Октябрьского Манифеста — корреспондент популярного оккультнистского журнала «Ребус» охарактеризовал такими словами:

«... Весь Петербург охвачен необычайно сильным мистическим движением, и в настоящее время там образовался уже целый водоворот маленьких религий, культов и сект. Движение охватывает собою как верхние слои общества, так и нижние. В верхних слоях мы находим теософско-буддийское течение. Любители теософии соединяются вместе и уже начинают обсуждать вопрос об устройстве буддийской ламасерии (общезития) и теософско-буддийской моленной-храма. С другой стороны, наблюдается возникновение сильного интереса к масонству и возникают вновь заглохшие было формы религиозных движений прошлого столетия»[37].

Любопытно, что это сообщение появилось на страницах «Ребуса» за два дня до того, как Николай II принял в частной аудиенции в Зимнем дворце прибывшего в Петербург инкогнито посланника 13-го Далай-ламы Тубдена Чжамцо, российско-подданного буряты Агвана Доржиева[38]. На этой встрече Доржиев обсуждал с царем, главным образом, тибетские дела — весьма щекотливый для российской дипломатии вопрос о помощи Далай-ламе, бежавшему из Тибета летом 1904 г. от вторгнувшихся в страну англичан. В то же время Доржиев просил монарха позволить петербургским буддистам устроить в городе небольшую молельню для удовлетворения своих духовных нужд. Оба вопроса, однако, остались нерешенными. Лишь три года спустя, после нового ходатайства Доржиева, подкрепленного личным обращением к царю Далай-ламы, Николай II согласился удовлетворить «просьбу» тибетского первосвященника (на самом деле инспирированную самим Доржиевым), разрешив постройку буддийской молельни-«ламасерии». Рассказывают, что царь якобы даже заявил Доржиеву на встрече весной 1909 г., что «буддисты в России могут чувствовать себя как под крылом могучего орла»[39]. Это обещание воодушевило небольшую буддийскую колонию в Петербурге, во главе которой находился все тот же Агван Доржиев, окончательно переселившийся на невские берега осенью 1905 г. Ее костяк составляли осевшие в столице буряты и калмыки. К буддистам причисляла себя и горстка этнических русских — это были в основном представители петербургского «высшего света», неожиданно увлекшиеся буддийским учением. Многие из них пришли к буддизму через теософию, которая, как известно, имеет сильную буддийскую закваску и потому нередко рассматривается как своего рода «необуддизм». По мере того как ширилось теософское движение, неуклонно росло и число теософо-буддистов, или необуддистов. Здесь необходимо отметить, что буддийское учение в основном привлекало тех, кто стремился к нравственному совершенствованию и искал идеалы вне укоренившейся в западном обществе крайне эгоцентричной системы моральных ценностей. Ответ на свои запросы эти люди находили в раннем «этическом» буддизме Хинаяны, или Малой Колесницы, т. е. индийской разновидности вероучения, получившего в то время наибольшую известность на Западе. Основу Хинаяны составляет учение Будды о Четырех истинах и Среднем пути, при этом особый акцент делается на достижении человеком трансперсонального состояния «нирваны» — понятие, крайне интриговавшее в ту пору западных интеллектуалов. Сложнейшие психологические концепции и философско-религиозная проблематика более позднего буддизма Большой Колесницы, или Махаяны, представленные множеством различных (главным образом, тибетских) школ, равно как и его ритуальная практика, были по сути дела неведомы в ту пору европейской, в том числе и русской, буддийствующей публике. Не удивительно поэтому, что Агван Доржиев во время своей поездки в Париж летом 1898 г. устроил в помещении Музея Восточных искусств (Музей Гимэ) показательное богослужение для французских буддистов. На этой необычной службе присутствовали в основном представители столичного бомонда, дипломаты и политики, включая будущего премьера Жоржа Клемансо, а также несколько русских. Среди последних оказался поэт Иннокентий Анненский, передавший впоследствии свои переживания в стихотворении «Буддийская месса в Париже».

В конце XIX века в Париже, Лондоне и некоторых других европейских столицах уже существовали небольшие буддийские «общины», объединявшие тех, кто принял новомодную альтруистическую веру Будды. В Париже, между прочим, было немало и «русских буддистов» — так, нам известно о некоей А. В. Гольштейн, которая познакомила поэта М. А. Волошина с Агваном Доржиевым осенью 1902 г. во время нового визита посланца Далай-ламы в Париж. Под влиянием этой встречи Волошин восторженно писал в Петербург: «Теперь — Лама. Кто Вам сказал, что он без языка? Я с ним очень много беседовал, через переводчика, конечно. Он мне много сказал такого об нирване, что сильно перевернуло многие мои мысли. От него я, например, узнал, что в буддизме всякая пропаганда идеи считается преступлением как насилие над личностью. Какая моральная высота сравнительно с христианством: религией

пропаганды и насилия!»[40]. Этой встрече с буддийским священником Волошин придавал большое значение, поскольку она позволила ему «прикоснуться к буддизму в его первоисточниках». «Это было моей первой религиозной ступенью», отмечал он позднее в одной из автобиографий[41].

Таким образом, в Петербурге в начале XX столетия встретились два буддийских потока: один шел с Запада — из Парижа и Лондона, этих главных теософских центров Европы, и представлял собой ранний, «этический» буддизм Индии, воспринятый преимущественно европейской интеллектуальной средой — назовем его «интеллектуальным буддизмом»; другой — с Востока, от бурят и калмыков, исповедовавших ламаизм, или Северный буддизм Тибета и Монголии, возникший в более позднюю эпоху. Оба эти потока на недолгое время — до 1917 г. — соединились под сводами петербургского буддийского храма, построенного Доржиевым не только для своих единоверцев, бурят и калмыков, но и для русских «интеллектуальных» теософо-буддистов[42]. Именно на последних намекал корреспондент «Виленского вестника», писавший в середине 1909 — вскоре после начала строительных работ в Старой деревне: «Сооружаемый буддийский храм, кроме целей чисто религиозного культа, преследует, между прочим, и цели создания специального центра, во круг которого смогут группироваться все интересующиеся буддизмом в Петербурге»[43]. Еще более откровенно высказывался о строительстве буддийского храма и. о. вице-директора Департамента полиции Н. П. Харламов в докладной записке министру внутренних дел П. А. Столыпину:

«Организаторы постройки буддийской молельни в С.-Петербурге имеют намерение вербовать себе адептов из среды С.-Петербургского высшего общества, в достаточной степени, по мнению местных главарей буддизма, зараженного „англоманией“, а следовательно, и склонного к буддизму, т. к., по словам буддистов, их миссионеры в последнее время имели наибольший успех среди англичан. С этой целью предполагается образовать в С.-Петербурге буддийские общины наподобие Лондонских и устроить больших размеров здание дацана, в котором бы совершалось торжественное служение с соблюдением всего ритуала Индийских буддийских храмов»[44].

Затевая постройку «экзотического» буддийского храма в столице Российской Империи, ее инициатор и руководитель Агван Доржиев по сути дела преследовал две цели — политическую и религиозную: во-первых, способствовать русско-тибетскому сближению и, во-вторых, «продвинуть» буддийское учение (Дхарму) на Запад, туда, где традиционно господствовала христианская церковь. И это ему отчасти удалось. Сохранились фотографии, запечатлевшие петербургскую «буддийскую колонию» начала 1910-х, на которых можно видеть русских «великосветских» буддистов, стоящих бок о бок с простыми бурятами и калмыками на ступенях еще не достроенного Храма Будды в Старой деревне.

Постройка храма, или, правильнее сказать, дацана (монастыря), долгая и трудная, благополучно завершилась в 1915 г., в самый разгар мировой войны. По его освящению, состоявшимся 10 августа, храм получил название «Источник Святого Учения Будды Всесострадающего». Посетившие Старую деревню по этому случаю корреспонденты петербургских газет были немало удивлены, увидев вместо ожидаемой ими скромной молельни для местных бурят и калмыков величественное, импозантного вида сооружение — «буддийскую пагоду». Внешняя форма здания с мощными, несколько наклоненными внутрь стенами, отделанными красно-фиолетовым финским гранитом, напоминала неприступную крепость. Внутри храма вели три массивные деревянные двери, скрывавшиеся в глубине изящно орнаментированного портала с колоннами. Капители колонн и верхний фриз основного объема здания украшали позолоченные щиты с эмблемой-монограммой Калачакры, представляющей собой причудливое соединение 10 мистических санскритских слогов. Это — формула «Десяти могуществ» (Намчувангдан), выражающая глубинную связь макро- и микрокосма, вселенной и человека, поскольку каждый из знаков-слогов имеет два смысла — космический и человеческий. По преданию, символ «Десяти могуществ» был изображен на воротах знаменитого буддийского монастыря Наланда, одного из первых центров учености в древней Индии.

Над храмом в его задней части возвышалась выложенная из красного кирпича башня (так называемый «гонкан»), ориентированная строго на север, туда, где, по представлению буддистов, находится блаженная земля Шамбалы (Шамбалын орон), в которой ныне пребывает Будда Шакьямуни. В этой башне помещался особый алтарь с изображением гения-хранителя храма — богини Лхамо. Основной же алтарь с почти трехметровой статуей Большого Будды, изваянной из алебаstra забайкальскими мастерами, находился в главном молитвенном зале — в первом этаже башни по оси здания. Не менее сильное впечатление на посетителей производили и интерьеры храма, создававшие особую мистическую атмосферу. Прежде всего поражало отсутствие окон — свет в основное помещение храма (нижний зал) проникал сверху, прямо с неба, через остекленную часть крыши и потолка (световой фонарь), и падал на восьмилепестковый лотос, выложенный цветными плитками в полу и воспроизводивший символические очертания Шамбалы; чуть ниже лотоса, у самых дверей, из тех же плиток была составлена свастика — древний арийский (индо-буддийский) символ счастья. Завораживало и богатое убранство молитвенного зала — густая позолота и яркие цвета красок, загадочные восточные иероглифы, унизывающие собой барельефы колонн, идущих вдоль храма, но особенно — писанные на ткани буддийские иконы — «танга», среди которых имелось и изображение Блестящей Шамбалы.

Прообразом для петербургского дацана послужил классический тибетский «цогчен-дуган» — монастырский соборный храм. По желанию Доржиева, однако, архитекторы Г. В. Барановский и Р. А. Берзен придали петербургскому храму вполне современный европейский облик в стиле модного Северного модерна, чтобы сделать его привлекательным в глазах западных буддистов. Особенно тщательной была отделка интерьеров, которой в 1914–1915 гг. руководил Николай Рерих. Так, например, по эскизам Рериха были выполнены цветные витражи плафона и «светового фонаря» (сохранились до наших дней), на которых изображены традиционные буддийские символы — «Восемь счастливых знаков». Основой для эскизов послужили, очевидно, рисунки

бурятских художников, которые западный мастер затем искусно стилизовал в духе модерна. По признанию самого Н. К. Рериха, именно во время строительства храма он впервые услышал о Чанг Шамбале (Северной Шамбале) от «одного очень ученого бурятского ламы»[45]. Возможно, это намек на Агвана Доржиева. В то же время собеседником Рериха вполне мог быть и бурят Гэлэг-Чжамцо, высокоученый лама, автор трудов по буддийской астрономии и математике.

Расчеты Доржиева сделать дацан центром буддизма в Петербурге вполне оправдались: уже первое богослужение в храме, состоявшееся по случаю празднования трехсотлетия Дома Романовых 21 февраля 1913, собрало практически всю буддийскую колонию города, включая русских «необуддистов». Кто были эти люди, которых право-радикальная пресса того времени саркастически именовала «идолопоклонниками» и «богоискателями»? Корреспондент «Нового времени» обнаружил среди присутствующих «кн. Дондукову, несколько офицеров во главе с полковником ген-штаба И. и двух воспитанников училища правоведения»[46]. «Княгиня Дондукова» — это Ксения Александровна Тундутова, дочь русского генерала А. М. Бригера, бывшая замужем за калмыцким князем («нойоном») из Малых Дербет, блестящим гвардейским офицером Данзаном (Дмитрием) Тундутовым[47]. Салон красавицы-княгини К. А. Тундутовой являлся центром петербургских «необуддистов» в 1910-е годы (тогда как центром столичных теософов был салон А. А. Каменской, основательницы РГО и редактора-издателя «Вестника теософии»).

Кроме князей Тундутовых, у Доржиева в Петербурге был еще один влиятельный покровитель — «лицо, занимающее довольно высокий служебный пост», как писала одна из газет. «Благодаря сочувствию, высказанному к идеям буддийской религии этим лицом, а также благодаря усиленным хлопотам его, петербургской буддийской колонии удалось получить разрешение на сооружение в С.-Петербурге первого буддийского храма»[48]. Речь, по-видимому, идет о князе Эспере Эсперовиче Ухтомском. Ученый (большой знаток ламаизма), дипломат, предприниматель, редактор-издатель «С.-Петербургских ведомостей», наконец, коллекционер произведений буддийского искусства, князь Ухтомский был довольно колоритной фигурой для своего времени. Являясь сторонником активной русской политики в Тибете, он немало способствовал осуществлению политических планов Доржиева. Именно Ухтомский, благодаря своей близости ко двору, помог «тибетскому посланнику» получить аудиенцию у царя в 1898 г. и ввел его в петербургское высшее общество. И если политики поначалу восприняли Доржиева весьма сдержанно и холодно, ибо просимая им помощь Тибету грозила России серьезными дипломатическими осложнениями с Англией, то совсем иным было отношение к нему великосветской публики, особенно тех, кто в своих религиозно-нравственных исканиях пришел к принятию учения Будды. Эти люди видели в Доржиеве не закулисного дипломата и политика, но прежде всего высокое духовное лицо, стоящее близко к Далай-ламе, одного из Учителей мистического Тибета.

3. Доктор Черный

Волна увлечения теософией и буддизмом, охватившая молодых петербуржцев в 1910-е гг., едва ли могла миновать А. В. Барченко, хотя нам и ничего не известно о его связях с теософами или буддистами в эти годы. Мы знаем только то, что, вернувшись в Петербург после своих странствий по миру, А. В. Барченко целиком отдался литературному творчеству — с увлечением пишет он очерки, рассказы и повести, которые начиная с 1911 г. довольно регулярно появляются в петербургских журналах — таких как «Мир приключений», «Природа и люди», «Жизнь для всех», «Русский паломник» и др. Сюжеты произведений Барченко по большей части навеяны его путешествиями или взяты из истории. При этом содержание некоторых его рассказов (таких как «Вавилонская башня», «Рогатый вор», «Поселок Нэчур», «Услуга метиса» и др.)[49] определенно включает описание тех мест, которые ему довелось посетить: Северная Америка, Канада, Калифорния. Можно предположить, что Барченко, как и герой его рассказа «Мертвый мститель»[50], плавал на товарно-пассажирском пароходе, совершавшем рейсы между Старым и Новым Светом. В тот же период путешественник, по-видимому, побывал также и в двух основных буддийских регионах России — в Забайкалье и Калмыцких степях (как о том свидетельствуют рассказы «Пожар в тайге» и «На Каспии»)[51]. Но Барченко не только исколесил земные просторы — сушу и море; он, если верно наше предположение, опускался под воду (повесть «Петербургские водолазы»[52]) и даже поднимался в воздух (рассказы «На Блерио» и «Хозяева воздуха»[53]). И это в то время, когда русская авиация делала свои первые шаги!

Литературно-журналистский опыт Барченко оказался весьма успешным. Уже в 1914 г. в одном из столичных издательств был опубликован сборник его рассказов «Волны жизни», иллюстрированный, кстати, самим автором. Тогда же журнал «Мир приключений» поместил на своих страницах два больших романа талантливого беллетриста, связанных единой сюжетной канвой, — «Доктор Черный» и «Из мрака» (1913, кн. 1–5 и 1914, кн. 1–5). Оба эти произведения представляют для нас немалый интерес, поскольку изобилуют автобиографическими реминисценциями и в большой степени отражают теософско-буддийское мировоззрение Барченко, вполне сформировавшееся к тому времени.

Действие в романах происходит отчасти в России, отчасти за ее пределами — в Индии (в Бенаресе и Дели) и где-то в Гималаях или даже за Гималаями, т. е. в Тибете. Их главный герой, Александр Николаевич Черный, доктор медицины, приват-доцент физико-математического факультета Петербургского университета, известный на западе под именем профессора Нуара. Он — серьезный ученый и вместе с тем эзотерик, член теософского общества, «брат величайшего на земле посвящения», младший из «махатм». Доктор Черный весьма далеко продвинулся по стезе познания тайн природы, однако не следует думать, что он почерпнул свои необыкновенные знания исключительно из теософии. Напротив, он — поборник самой строгой, но не ортодоксальной на-

уки. Он прекрасно знаком с самыми последними достижениями европейской научной мысли, которые, по его мнению, лишь возвращают человека к тайным знаниям прошлых цивилизаций. Долгих 11 лет он провел в Тибете, наглухо замурованный в горной келье. В результате этой суровой йогической аскезы ему открылись многие тайны мироздания. Но доктор Черный — не оторванный от жизни идеалист-созерцатель, а реалист и практик, использующий свои удивительные способности и знания на благо людей. Например, он знает противоядие от укуса кобры, о котором еще не известно западной медицине, и спасает от верной смерти одного из героев романа, своего соотечественника студента Беляева. По его распоряжению больного для лечения переносят в маленький горный монастырь, расположенный на границе Индии и Тибета. Монастырь этот устроен прямо в скале и принадлежит «братству Желтых колпаков» Желюг — т. е. монахам «желтошапочной» школы Гелуг, наиболее распространенной в Тибете. Там в крошечных кельях находятся добровольно замурованные «посвященные самых низких степеней» и имеющие высшие степени посвящения, «избравшие созерцательный путь совершенствования». Первые находятся в заточении от 6 недель до трех лет, вторые не покидают своих келий до самой смерти. Всем этим порядком руководят те, «кого никто не видал, но которые существуют и... живут не особенно далеко отсюда»[54], — очевидный намек на Гималайское братство «махатм». Черный, как и Барченко, убежден, что на земле в глубочайшей древности господствовала великая цивилизация — «красная раса». Но она одряхла и выродилась, в соответствии с законом циклического развития человеческого общества. Живущие ныне мулаты, метисы и египетские феллахи — это ее «выродившиеся потомки»[55]. О катастрофе, стершей с лица земли эту цивилизацию, свидетельствуют многие древние памятники:

«Лучшая иллюстрация... Легенда о чудовищном потопе живет на Яве, на Алеутских островах точно так же, как в Индии, Палестине и Вавилоне. В древнейшей Америке Ной выступает в лице Кокс-Кокса. Маорийцы тихоокеанских архипелагов рядом с легендой о потопе воспроизводят в точности, почти слово в слово, миф о Прометее в легенде о птице Оовеа. Платон открыто называет Атлантиду, погибшую под волнами океана в геологическом переводе. Он точно устанавливает географическое положение материка, описывает города, постройки, культ, образ правления. В именах атлантских „царей“ под обычным для древности шифром — эпонимами, мы знакомимся с историей культуры атлантов, узнаем, что древнейший Египет был колонией атлантов. И наши ученые, антропологи Топинар и Пеше, без всякой задней мысли удостоверяют, что красные потомки древнейших египтян — феллахи, несмотря на попытки слияния со стороны позднейших завоевателей, до сих пор тот же чистый тип, что на древнейших памятниках»[56].

О том, что Атлантида — не утопия, свидетельствуют, по мнению Черного, поразительные исследования доктора Пленджена в дебрях Юкатана. Этот ученый убедительно показал, что космогония и история древнейших обитателей Юкатана «лишь повторение „легендарного периода“ египетской истории, периода до таинственного законодателя Менеса».

Мы — нынешнее человечество — представители новой после-потопной цивилизации — «5-й расы», которая должна уступить 6-й расе, а за ней грядет 7-я, последняя. В этом утверждении Черного нетрудно увидеть отголосок теософской теории 7 рас, с которой А. В. Барченко, очевидно, был хорошо знаком. Герой Барченко сообщает также читателю о совершенных познаниях предшествующей, т. е. до-потопной цивилизации: «Человечество... переживало в древности ступень развития, перед которой меркнут завоевания современной науки. И если это так, то где же искать памятники этого развития, как не у древнейших народов, всегда сторонившихся ревниво от сношений с народившимся новым, молодым человечеством»[57]. Эти высшие знания доисторического общества, дает понять нам доктор Черный, по сю пору сохраняются одной из «философских» школ Тибета. Однако для большинства европейцев они не доступны.

Восхищаясь Индией Духа, доктор Черный вместе с тем не закрывает глаза на мрачные стороны современной индийской жизни. Он — противник кастовой системы и тех, кто стоит на ее защите, — ортодоксального брахманства. В то же время Черный решительно порывает с теософским обществом, поскольку находит недопустимым его стремление «окружить тайной ключи, раскрывающие науке новые горизонты». Подобные взгляды, по-видимому, отражают позицию самого А. В. Барченко. В пользу такого предположения говорит и то, что именно Черный излагает учение о расах и «доисторической культуре» — хранильнице ключей совершенного знания. И действительно, при внимательном прочтении романов нельзя не заметить определенного сходства в характере, мировоззрении и даже судьбе Барченко и Черного, что наводит на мысль о том, что загадочный доктор есть alter ego его автора. В то же время, возможно, прав и С. А. Барченко, считающий, что прототипом Черного послужил известный эзотерик П. Д. Успенский. А. В. Барченко, как он полагает, мог посещать лекции Успенского по теософии, с которыми тот выступал в Тенишевском зале в Петербурге в 1910–1912 гг. Но учеником П. Д. Успенского А. В. Барченко так и не стал, хотя и посещал какое-то время его лекции.

Романы Барченко написаны в реалистической манере, в них нет ничего мистического — если только не считать мистическими откровения доктора Черного по поводу «семи рас» и «древней науки». Однако, при всей наукообразности рассуждений доктора, многие его утверждения весьма спорны, а ссылки на западные авторитеты при ближайшем рассмотрении оказываются не слишком убедительными. Яркий пример тому — упоминание об исследованиях Огюстуса Плонжона (Планджена). В свое время этот французский ученый-самоучка, горячий энтузиаст идеи родства цивилизаций Америки и древнего Египта, наделал немало шума своими открытиями на полуострове Юкатан, где в течение трех десятилетий вместе с женой Алисой Плонжон изучал развалины городов майя. Результаты его поисков, однако, не получили признания ученых, и за Плонжоном прочно закрепилась репутация «фан-

тазера и фальсификатора». Чрезмерное увлечение своими более чем оригинальными теориями привело к тому, что Плонжон нередко терял чувство реальности и принимал или же выдавал желаемое за действительное. Некоторые его утверждения кажутся совершенно нелепыми, как, например, то, что Иисус произнес свои предсмертные слова на майяском языке (!?). Плонжон, между прочим, был убежден, что индейцы майя обладали не только высоко развитой наукой, но и техникой. Как рассказывает Р. Уокоп, Плонжон, обнаружив однажды, что оконную перемышку древнего здания пересекает какая-то линия и рядом с ней выбиты зигзагообразные желобки, тут же заключил, что у древних майя был электрический телеграф (!)[58]. Впрочем, А. В. Барченко едва ли был знаком с публикациями Плонжона или полемикой вокруг его «открытий» в западной прессе, и потому, скорее всего, ничуть не сомневался в истинности теорий французского археолога.

К несомненным достоинствам романов Барченко следует отнести и ту поразительную достоверность, с которой автор живописует Индию. Один из его героев восклицает: «Вы увидите совсем новую жизнь! Будете сталкиваться с племенами, история и происхождение которых до сих пор остаются для науки загадкой. Вы увидите своими глазами настоящих факиров. За одно это можно отдать десять лет жизни!»[59]. Другое дело Тибет, который Барченко упоминает лишь в связи с горной обителью отшельников, куда случайно попадают его герои. Сведения о тибетских пещерных схимниках, как удалось выяснить, он почерпнул у двух авторов — американца В. В. Рокхилья и англичанина О. Уоддэля[60]. Именно в книге Уоддэля мы находим прототип горного монастыря, описанного Барченко. Английский путешественник называет и сроки «заточения» аскетов в своих кельях: 6 месяцев или 3 года, три месяца и три дня — для 1-й и 2-й степени святости и «пожизненное замуравливание» для принявших обет на третью, высшую степень[61]. У Уоддэля А. В. Барченко заимствует и такую трогательную подробность, как просунутая сквозь узкое «окошко» в скале дрожащая рука отшельника «в перчатке», ищущая миску с едой. Рокхилья и Уоддель, между прочим, не обошли молчанием и вопрос о тибетских «махатмах», о которых в то время много говорили на Западе, в связи с учением Е. П. Блаватской. И Рокхилья и Уоддель высказывались по этому поводу довольно скептически. Так, Уоддель приводит мнение тибетского Регента («Кардинала»), утверждавшего якобы, что ничего не знает о существовании «махатм». Не слышал он также, «чтобы какие-нибудь тайны старого мира сохранились в Тибете: ламы интересуются только миром Будды и не придают никакой цены древней истории»[62]. На основании этого утверждения Уоддель делает собственный вывод: «Я с сожалением должен сказать, что люди, которые воображают, будто бы в этой сказочной стране, Тибете, переставшей быть неведомой, еще хранятся тайны начала ранней цивилизации мира, предшествовавшей образованию Древнего Египта и Ассирии и почившей вместе с Атлантидой в Западном Океане, должны отрешиться почти от всякой надежды на это»[63]. С таким выводом, однако, едва ли согласились бы А. В. Барченко и его герой доктор Черный.

4. Тайны лучистой энергии

Наряду с литературными занятиями А. В. Барченко в 1910–1911 гг. делал и первые самостоятельные шаги в науке. Круг его интересов был необычайно широк и охватывал по сути все стороны естествознания как совокупности наук о Природе — материи, человеку, вселенной. Есть, однако, одна тема, которой А. В. Барченко уделял особо пристальное внимание, — это природная «энергетика» — разнообразные виды «лучистой энергии», имеющие первостепенное значение для жизни человека. Свое понимание «энергетической проблемы» Барченко обстоятельно изложил в очерке «Душа Природы», опубликованном в 1911 г. Начинаясь он с рассказа о роли солнечного светила — источника жизни на Земле, а возможно, также и на других планетах, например, на Марсе. Далее Барченко сообщал своим читателям о присутствии растительности на Красной планете, о выпадении и таянии там снегов и, конечно же, о загадочных марсианских каналах. Все это позволяло ему высказать предположение, что на Марсе обитают «существа, по разуму не только не уступающие людям, но, вероятно, далеко их превосходящие»[64]. Столь же уверенно говорил он и о существовании эфира — «тончайшей, наполняющей вселенную среде». «Ученые пришли к заключению, что вся вселенная наполнена веществом, настолько тонким, что оно свободно проникает в промежутки между малейшими составными частицами всех видимых предметов, свободно проникая насквозь небесные тела со всем, что на них находится». При помощи этой среды солнце сообщает планетам «запасы жизненных сил, которых оно является очагом». (Понятие «эфира», не вызывавшее возражений во времена Барченко, было затем отвергнуто Эйнштейном, но в конце XX столетия оно вновь вернулось к нам в концепции космического вакуума, наполненного виртуальными энергиями огромнейших, еще не познанных человеком мощностей.) В то же время процессы, идущие в недрах Солнца — «этой ослепительной Душе природы, — чудовищные взрывы и вихри, тотчас отражаются на электромагнитном состоянии земли. Стрелки магнитных приборов мечутся, как безумные, вспыхивают северные сияния... Доходит до того, что телеграфы отказываются работать и трамваи двигаться... Кто знает, — восклицает далее Барченко, — не установит ли когда-нибудь наука связи между такими колебаниями (напряжения солнечной деятельности) и крупными событиями общественной жизни?»[65].

Примечательно, что слова эти были сказаны начинающим ученым задолго до того, как А. Л. Чижевский создал свое учение о влиянии солнечной активности на земную биосферу.

В статье Барченко рассматривались и другие виды «лучистой энергии» — свет, звук, теплота, электричество. Но особенно подробно он останавливается на двух новых видах «лучистой энергии», совсем недавно обнаруженных наукой, — радиоактивном излучении и загадочных «N-лучах». Открытие в

1898 г. супругами Кюри радия — первого радиоактивного элемента — имело огромное научное значение. О возможностях практического применения лучей радия в биологии, медицине и сельском хозяйстве в то время много говорили и писали. Разумеется, Барченко также не мог обойти молчанием столь животрепещущей темы. «Взоры ученого мира обращены в данную минуту на радий. Вычислили, что способности работы, скопленной в щепотке радия, достаточно для того, чтобы товарный поезд в сорок вагонов обежал вокруг земли больше 4 раз, для чего нужно сжечь по крайней мере 170 тысяч пудов каменного угля. Но сумей-ка запустить такой поезд радием вместо угля...» Использование энергии радия (радиоактивности) глубоко волнует Барченко, хотя для него этот вопрос является лишь частью более крупной проблемы — «как уловить и подчинить себе рассеянную всюду в пространстве энергию» — ибо разгадка этой тайны сможет «открыть человечеству рай на земле»[66].

Немалое место в статье отводилось и рассказу об открытых французом Блондло (Blondlot) «N-лучах» как особой разновидности психофизической энергии, излучаемой человеческим мозгом. Исследования французских ученых Шарпантье и Андрэ показали, что практически любая мозговая деятельность человека сопровождается обильным излучением «N». Загадочные «мозговые лучи» — энергия «пси», как бы мы сказали сегодня, — заинтересовали Барченко прежде всего потому, что они, как оказалось, имеют непосредственное отношение к проблеме передачи мысли на расстояние. Изучением этого явления в начале 1900-х активно занимались ученые как на Западе, так и в России (среди последних следует в первую очередь назвать В. М. Бехтерева, И. Р. Тарханова, Н. Г. Котика и А. А. Певницкого). Правда, им не удалось придти к каким-либо однозначным выводам. Так, Н. Г. Котик считал возможной передачу мыслей непосредственно от одного человека к другому при помощи лучей Блондло, в то время как В. М. Бехтерев относился к существованию N-лучей довольно скептически, тем более, что проведенные в его лаборатории М. П. Никитиным опыты над лучами дали отрицательные результаты[67]. Хорошо знакомый с работами западных и отечественных психологов Барченко в 1910 г. ставит собственные эксперименты, несколько усовершенствовав «способ исследования», как он отмечает в своей статье, и добивается «весьма интересных результатов»[68]. При этом, однако, он дает понять читателю, что было бы неверным считать N-лучи «исключительным двигателем мысли» — «смотреть на „N“, как на самые мысли, нельзя, но нельзя также отрицать их тесной связи с последними»[69].

В конце статьи, размышляя над важностью открытий в области «лучистой энергии», которые дают науке «средство добиться разгадки здесь, на земле, из чего и как произошел мир», А. В. Барченко неожиданно возвращается к вдохновляющей его идее о том, что древнему миру, возможно, были известны многие тайны природы, еще не познанные современным человеком. «Существует предание, что человечество уже переживало сотни тысяч лет назад степень культуры не ниже нашей. Остатки этой культуры передаются из поколения в поколение тайными обществами. Алхимия — химия угасшей культуры»[70].

В последующие годы появились новые статьи А. В. Барченко, продолжившие обсуждение наиболее волнующих его тем: «Загадки жизни», «Передача мыслей на расстоянии», «Гипноз животных». «В различных популярно-научных столичных и провинциальных изданиях я все время работал как популяризатор по вопросам естествознания, преимущественно биологии», — напишет он впоследствии в автобиографическом наброске, сохранившемся в одном из петербургских архивов[71]. Барченко к этому времени уже был женат (жену звали Наталья) и имел сына, и, чтобы прокормить семью, ему пришлось много трудиться — писать художественные вещи, а также популярные очерки и статьи — не только научного характера, но и «на злобу дня» — на спортивные и бытовые темы. Одновременно А. В. Барченко усиленно занимался самообразованием — много читал по самым разным дисциплинам в поисках ответа на те вопросы, которые ставил перед читателями в своих научно-популярных статьях.

5. Г. И. Гурджиев о «скрытом знании»

Мы уже говорили о возможном знакомстве А. В. Барченко с учением П. Д. Успенского, которое, по мнению С. А. Барченко, оказало влияние на его творчество и мировоззрение в период работы над первыми романами. В 1912 г. в Петербурге появился еще один эзотерик, чье имя впоследствии приобрело широкую известность в России и на Западе, — Георгий Иванович Гурджиев (1877–1949)[72]. Три года спустя вокруг Г. И. Гурджиева начал складываться кружок его петроградских учеников, среди которых оказался и П. Д. Успенский, порвавший к тому моменту по идейным соображениям с Российским Теософским Обществом (история эта чем-то напоминает разрыв «доктора Черного» с теософами). Г. И. Гурджиев, как известно, в юности много странствовал по Востоку в поисках истинного знания — бывал в Турции, Персии, Афганистане, Индии и, если верить его рассказам, даже в Тибете. В книге «Встречи с замечательными людьми» Г. И. Гурджиев рассказывает о своих контактах с членами суфийского братства «Сармун» в одном из тайных монастырей Кафиристана (северо-восточный Афганистан)[73]. Здесь надо сказать, что, согласно учению Г. И. Гурджиева, «Учителя мудрости» (khwajagan или «ходжи») составляют ядро, или «внутренний круг человечества»; все остальные люди принадлежат к «внешнему кругу». Назначение Учителей — быть источником «новых и мощных идей, которые в конечном счете должны изменить ход человеческого мышления», а также служить «генераторами энергий высокого уровня». Вообще Г. И. Гурджиев имел свое собственное объяснение природы энергетического взаимодействия человека с космосом. Роль человека, считал он, состоит в том, чтобы быть «аппаратом для трансформации энергии — некоторые виды энергий, порождаемые человеком, необходимы для космических целей; те, кто понимают, как порождаются эти энергии, — истинно исполняют цель человеческой жизни»[74]. Но и Барченко, как мы уже видели, проявлял большой интерес к проблеме взаимодействия космических и земных энергий, включая в число последних психоэнергетические эманации человека.

К моменту появления Г. И. Гурджиева в Петербурге его эзотерическая Система, основанная на древней суфийской традиции, уже приобрела законченный вид. В 1915–1916 гг. Г. И. Гурджиев напряженно работал с учениками, которым пытался передать свое учение о Четвертом Пути. Не мог ли среди них находиться и А. В. Барченко?

В книге «В поисках чудесного» П. Д. Успенский рассказывает такую историю:

«Однажды в мое отсутствие к Гурджиеву явился некий „окультист“–шарлатан, игравший известную роль в спиритических кругах Петербурга; позднее, при большевиках, он стал „профессором“. Он начал разговор с того, что много слышал о Гурджиеве, о его занятиях, и пришел с ним познакомиться.

Гурджиев, как он сам мне рассказывал, играл роль настоящего торговца коврами. С сильнейшим кавказским акцентом, на ломаном русском языке, он принялся уверять „окультиста“, что тот ошибся, что он только продает ковры, — и немедленно начал разворачивать их перед посетителем.

„Окультист“ ушел, убежденный, что стал жертвой мистификации своих друзей.

„Было очевидно, что у мерзавца нет ни гроша, — прибавил Гурджиев, — иначе я выжал бы из него деньги за пару ковров“»[75].

Незадачливого героя этой полуанекдотичной истории, пересказанной П. Д. Успенским со слов Г. И. Гурджиева, вполне можно принять за А. В. Барченко, который, как мы знаем, действительно увлекался оккультизмом в эти годы и действительно именовал себя «профессором» при большевиках. То, что он стал жертвой розыгрыша эксцентричного Г. И. Гурджиева, не должно удивлять нас. Последний нередко подвергал своих учеников различного рода «проверкам» и «испытаниям»; к тому же, занятия в его кружке стоили немалых средств, поскольку Гурджиев считал, что знание не может даваться даром. Так что стать его учеником было совсем не просто.

У Г. И. Гурджиева, между прочим, имелась довольно оригинальная теория по поводу кажущейся недоступности — «скрытости» — истинного («объективного», по его терминологии) знания древних. Такое знание, говорил он, вовсе не является скрытым. В то же время знание вообще не может быть общим достоянием. Объяснял он это таким образом. Знание по своей природе материально, а это значит, что его количество в данном месте и в данное время строго ограничено. Как количество песка в пустыне или воды в море. Воспринятое в большом количестве одним человеком или небольшой группой людей, знание даст прекрасные результаты. Если же попытаться распределить знание понемногу между всеми-людьми, то пользы от этого не будет никакой, или даже может выйти вред. Все дело в том, что небольшое количество знания не сможет изменить ни жизни людей, ни их понимания мира. Поэтому предпочтительней, чтобы знание находилось в руках немногих и в большом количестве. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство людей вообще не желает никакого знания и даже отказывается от той его крохотной части, которая приходится на их долю в общем распределении для нужд повседневной жизни. Это особенно очевидно в периоды мировых катаклизмов — «массового безумия», сопровождающего войны и революции, когда люди полностью теряют рассудок и превращаются в «автоматы». С другой стороны, никто ни от кого в действительности не утаивает знания. Проблема состоит в том, что приобретение или передача истинного знания требует большого труда и усилий как со стороны дающего, так и со стороны принимающего. Те, кто владеет знанием, стремятся передать его как можно большему числу людей, чтобы облегчить им доступ к Истине. Однако знание

нельзя навязать силой тем, кто его не хочет получить или отвергает. «Желающий обрести знание должен сам сделать начальные усилия, чтобы найти его источник, придти к нему, пользуясь помощью и указаниями, которые даются всем, но которые люди, как правило, не хотят видеть и не замечают. Знание не может придти к людям без усилия с их стороны. <...> Человек обретает знание только с помощью тех, кто им обладает, — это необходимо понять с самого начала. Нужно учиться у того, кто знает»[76].

6. Смутное время

Осенью 1914 г., после того как Германия объявила войну России, Барченко оказался в рядах действующей армии. Правда, не надолго. Уже в 1915 г. после тяжелого ранения он возвращается в Петербург. Вновь берется за перо — пережитое на поле брани подсказывает ему сюжеты «военных рассказов», которые один за другим появляются в журнале «Мир приключений». В то же время литератор-ученый увлеченно собирает материалы, относящиеся к естественно-научным знаниям древних, и на их основе составляет законченный курс «Истории древнейшего естествознания». Этот курс он затем читает в физическом институте Соляного городка. Выступает также с публичными лекциями в Тенишевском зале, в которых проводит сравнение между достижениями «древней науки» и знаниями современного общества.

Февральскую демократическую революцию Барченко встретил, по-видимому, с тем же энтузиазмом, что и большая часть прогрессивной русской интеллигенции. Однако большевистский Октябрьский переворот с его «массовым безумием» вызвал у него неприятие. «Октябрьскую революцию я встретил враждебно, воспринимая только внешнее проявление толпы, смешивавшее в моем понимании люмпен-пролетариат с пролетариатом и создававшее у меня представление о „животной распущенности“ рабочих, матросов и красногвардейцев. Это создавало стремление скрыться, спрятаться от революции» — такими словами А. В. Барченко впоследствии охарактеризовал свое первоначальное отношение к главному событию XX века[77]. Подобные настроения в полной мере отразил на своих страницах еженедельник «Вестник труда» (издание кооперативного товарищества духовных писателей «Соборный разум»), с которым А. В. Барченко тесно сотрудничал в 1918 г. Причина трагедии, разыгравшейся в России, по мнению издателей еженедельника, состояла в том, что революция отвергла христианство с его духовными ценностями, предав забвению учение Христа. «Вместо социалистического земного рая мы видим шаша Сатаны: озверение людей, голод, всюду свистит коса смерти. И понятны делаются вопли о безрадостной жизни, о нестерпимой ее тяготе. Тяжело. Страшно. Кошмарно», — писал в одном из номеров «Вестника труда» священник А. И. Введенский. Но «как же это могло случиться», спрашивает он затем. «Как светлое солнце русской революции стало палящим огнем, который жжет и губит сейчас страну?» И тут же дает ответ, ясный любому христианину: «Не было с нами Солнца правды — Христа!»[78].

Первый шок от октябрьских событий, испытанный А. В. Барченко, однако, вскоре прошел, и он начал рассматривать революцию в более позитивном свете, как «некоторую возможность для осуществления христианских идеалов», в противоположность «идеалам классовой борьбы и диктатуры пролетариата». Эту свою позицию А. В. Барченко определяет как «христианский пацифизм», заключающий в себе идеи «невмешательства в политическую борьбу и разрешения социальных вопросов индивидуальной нравственной переделкой себя». «Свои взгляды в этот период я проводил, читая лекции, и в часто печатавшихся мной литературных произведениях религиозно-мистического характера»[79]. Одним из таких произведений был опубликованный в первом номере «Вестника труда» рассказ «Частное дело», название которого прямо указывало на большевистский декрет об отделении церкви от государства, определивший новый статус религии в Советской России («Религия — частное дело каждого»).

В очерке «К свету» А. В. Барченко пытался перекинуть мостик из прошлого в будущее, возвращаясь к своей излюбленной теме: «Завоевания современного естествознания, открытие целого мира — невидимого, но бесспорно существующего, — мира всепроникающей лучистой энергии, открытие анабиоза, уединения чувствительности, явлений ультралетаргии ставят современность лицом к лицу с головокружительной догадкой: не скрыты ли под индустриальными древнейших религиозно-философских школ действительные достижения, к которым наша наука еще лишь на пути?»[80].

В конце 1917 — начале 1918 г. Барченко часто посещал различные эзотерические кружки, продолжавшие регулярно собираться в Петрограде несмотря на хаос революционного времени. А. В. Барченко называет три таких кружка: известной теософки и мартинистки Ю. Н. Данзас, доктора Д. В. Бобровского (двоюродного брата «черносотенца Маркова 2-го») и общество «Сфинкс». Их посетители, уединившись за плотно закрытыми дверями, горячо обсуждали, однако, не только отвлеченные религиозно-философские вопросы, но и куда более актуальные политические темы. В целом в кружках царил резко антибольшевистская атмосфера. (Квартира Бобровского на Владимирском проспекте, по словам А. В. Барченко, представляла собой «конспиративную квартиру белогвардейцев» — здесь от большевиков в 1918 г. скрывались Марков 2-й, а также ряд террористов, в том числе Борис Савинков.)[81] У доктора Бобровского ученый несколько раз читал доклады «философско-мистического содержания». А в «Сфинксе» А. В. Барченко пришлось однажды вступить в острую полемику с критиками Октябрьской революции, однако его «христианско-пацифистское выступление» не встретило понимания у присутствующих и он покинул собрание. Посещение кружков, впрочем, давало А. В. Барченко возможность пропагандировать свои взгляды — теорию о «Древней науке» — и привлекать к себе единомышленников. Так, он легко сошелся с известным в Петрограде психологом К. К. Владимировым. Следователям НКВД об обстоятельствах этого знакомства А. В. Барченко впоследствии рассказывал так: «С Владимировым я познакомился в 1918 году, когда он пришел

ко мне с профессором Карсавиным»[82]. (Речь, вероятно, идет о Л. П. Карсавине — знаменитом философе, богослове и историке-медиевисте, но это предполагает, что Барченко и Карсавин уже знали друг друга.) Здесь, однако, мы сделаем еще одно отступление от нашего рассказа, чтобы представить читателю нового героя — К. К. Владимирову, человека, который в дальнейшем сыграет немаловажную роль в судьбе А. В. Барченко.

7. К. К. Владимиров — графолог, оккультист и чекист

Константин Константинович Владимиров родился в 1883 г. в Пернове (совр. Пярну), старинном эстонском городке на берегу Балтийского моря. О его родителях практически ничего не известно — сам же К. К. Владимиров указывал в анкетах, что происходит из мещанской семьи. В 1900 г., по окончании перновской гимназии, К. К. Владимиров неожиданно срывается с места и уезжает в Петербург. По всей видимости, это было бегство провинциального юноши-идеалиста в большой столичный город, манивший своими возможностями и соблазнами, что весьма напоминает гончаровскую «Обыкновенную историю». Довольно быстро — очевидно, по чьей-то протекции — Константин устроился на службу, в контору наждачно-проволочного завода Н. Н. Струка, что на Выборгской стороне. Подобно А. В. Барченко, попытался получить медицинское образование, но, как и А. В. Барченко, внезапно оставил занятия. Единственное место в Петербурге в то время, где К. К. Владимиров мог изучать медицину, — это Военно-медицинская Академия. Известно, однако, что администрация ВМА обрушила суровые кары на революционно настроенное студенчество в связи с событиями 1905 г. (учащихся либо отчисляли, либо переводили в другие университеты, например, Казанский, где, как мы знаем, приблизительно в те же годы учился А. В. Барченко). К. К. Владимиров же, между прочим, в одной из поздних анкет сообщал о своем революционном прошлом — что в 1900 г. он вступил в социал-демократическую партию, а в 1904 г. перешел во фракцию большевиков. Таким образом, вполне можно предположить, что в 1904–1905 гг. он учился в Военно-Медицинской Академии и был затем исключен из нее, как и многие его сотоварищи. Впрочем, это всего лишь предположение.

В целом же, о раннем периоде петербургской жизни К. К. Владимирову мы знаем очень мало. Известно лишь, что в 1904 г. он женился, а десять лет спустя у него и его жены Юлии Антоновны было уже четверо детей (что, вероятно, и спасло К. К. Владимирову от мобилизации в 1914 г.). После рождения в 1912 г. третьего ребенка К. К. Владимиров, который до этого перебивался, как кажется, случайными заработками (хотя вел довольно беззаботный образ жизни), вынужден был пойти на службу. До революции он сменил несколько мест: служил в конторе Путиловской верфи, в Русском электрическом обществе «Динамо» и в акционерном обществе «Пулемет» (с начала 1917 г. и до самой осени). Конторская работа, однообразная и рутинная, несомненно тяготила его, человека, как мы увидим вскоре, творческого и ищущего. В юности, еще до приезда в Петербург, К. К. Владимиров пробовал заниматься живописью и писал стихи. Поэзией увлекался он и в более зрелом возрасте. (В личном архиве К. К. Владимирову в Российской Национальной Библиотеке сохранилось несколько его поэтических опусов, подписанных именем Стано, свидетельствующих, впрочем, не столько о таланте автора, сколько о его утонченной натуре и увлечении буддизмом.) И все же Владимиров обладал несомненным талантом, к тому же достаточно редким — талантом графолога.

Здесь надо сказать, что графология стала известна в России лишь в самом конце XIX века. Пропагандистом и популяризатором этой науки (которая в то время еще относилась к разряду эзотерических) выступил И. Ф. Моргенстиэрн (Моргенштерн), долгие годы обучавшийся графологии на Западе (в Германии и Франции) у таких ее адептов, как Ж. Мишон, А. Варинар, Г. Буссе и др. Собственно родоначальником графологии считается аббат Мишон, который в 1871 г. основал в Париже Графологическое общество и стал издавать журнал «Графология» (La Graphologie). Вернувшись в Россию, Моргенстиэрн начал производить с конца 1890-х свои собственные опыты, принесшие ему известность. А в 1903 г. в Петербурге был опубликован его большой труд под названием «Психографология, или Наука об определении внутреннего мира человека по почерку», включавший в себя более 2000 автографов выдающихся людей древности и нашего времени с их портретами. Осенью того же года Моргенстиэрн приступил к изданию в Петербурге «Журнала психографологии», который знакомил читателей с основами новой науки — законами «графизма» — и предлагал им в виде иллюстраций образцы его графологической экспертизы — психологические характеристики («портреты») видных деятелей XVII–XX веков (русских царей и прочих знаменитостей, в том числе С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткина, Э. Э. Ухтомского), составленные на основе изучения их почерков. В 1903 г. увидело свет и еще одно пособие по графологии, принадлежавшее заезжему оккультисту графу Чеславу фон Чинскому (Чеслав фон Чинский. Графология. Краткое руководство для определения по почерку духовного мира человека — нравственных его качеств, склонностей и умственного склада). Несколько позднее в С.-Петербурге возникают общества — Графологическое (1909) и Психографологическое (1910), основанные соответственно А. К. фон Раабеном и И. Ф. Моргенстиэрном.

К. К. Владимиров, очевидно, приложил немало усилий, чтобы овладеть наукой «почерковедения», позволяющей проникнуть в тайники человеческой души: штудировал всевозможные пособия и брал уроки у наиболее авторитетных петербургских графологов, включая самого Моргенстиэрна. Приблизительно в 1909 г. К. К. Владимиров начал производить самостоятельные психографологические экспертизы в Петербурге и добился при этом немалых успехов. Вот как отозвался о его работе некто В. Церер:

«Если когда-нибудь были пророки в области графологии, то бесспорно к ним нужно причислить г. Владимирову, ибо то, что я слышал от него, никто из ныне существующих графологов не скажет. Поразительно верное понимание и суждение об индивидуальных и интеллектуальных сторонах личности по неизвестному почерку дают мне право преклоняться перед графологией и считать себя в числе ревностных почитате-

Но К. К. Владимиров не только составлял «психологические портреты», но и пытался по почерку предсказывать будущее (что, строго говоря, выходит за рамки графологии). «... Все ему открыто, он видит в почерке, как в зеркале, все прошедшее, настоящее и будущее. Он маг...» — восхищенно свидетельствовал о таланте К. К. Владимиров друга его клиента[84]. (Поразительное совпадение: К. К. Владимиров и А. В. Барченко практически в одно и то же время занимались гаданием — один по почерку, другой по руке.) Впрочем, далеко не все «экспертизы» новоиспеченного графолога были столь блестящими. Случались и неудачи и даже курьезы. Так, один из клиентов Владимиров-прорицателя сетует, но не на предсказанную ему в будущем тюрьму, с чем вроде бы он согласен, а на то, что К. К. Владимиров не «разглядел» в его почерке, что ему уже доводилось сидеть в тюрьме в прошлом!

Помимо графологии, К. К. Владимиров увлекался и другими оккультными науками. Спектр его эзотерических интересов был необычайно широк: астрология, каббала, Таро, розенкрейцерство, йога, герметизм, телепатия, магия. Неожиданный переход от революционных идей к оккультизму может кому-то показаться парадоксальным, но таких идейных «перебежчиков», как К. К. Владимиров, было немало среди представителей русской интеллигенции, переживших крах революции 1905 г. Впрочем, те же самые люди десятилетие спустя смогут легко совершить и обратный переход — от оккультизма к революции.

Увлечение К. К. Владимиров оккультизмом, как и у многих его современников, очевидно, началось с интереса к загадочным «психическим феноменам» — телепатии, гипнозу, ясновидению и особенно к спиритизму (медиумизму). Из писем его корреспондентов мы узнаем, что уже в 1907 г. ему нередко доводилось участвовать в спиритических сеансах на квартирах своих знакомых, а в конце года К. К. Владимиров даже обратился к президенту кружка менталистов и издателю журнала «Ментализм» И. Бутовскому с предложением о сотрудничестве «на идейной почве». Себя он скромно охарактеризовал как «человека, сведущего в некоторых областях оккультизма»[85]. В следующем году К. К. Владимиров начал посещать С.-Петербургское Психическое общество (собиралось по четвергам в доме 23 по Садовой ул.), а еще через год завязал отношения с Теософским Обществом. Председательница РТО А. А. Каменская, возможно, уже наслышанная о графологических способностях К. К. Владимиров, лично пригласила его бывать у себя[86]. Впрочем, об участии К. К. Владимиров в работе РТО ничего определенного сказать нельзя. В то же время он, несомненно, проявлял большой интерес к теософии, что подтверждается наличием в его личном архиве значительного количества материалов теософского содержания.

Оккультное мировоззрение К. К. Владимиров, по-видимому, окончательно сформировавшееся в начале 1910-х, представляло собой весьма характерную для того времени смесь западных и восточных учений — теософии, буддизма и каббализма. Некоторый свет на credo К. К. Владимиров проливают письма некой В. Ф. Штейн, относящиеся к 1912–1913 гг.[87] Переписка между молодыми людьми завязалась на книжной почве: К. К. Владимиров, имевший прекрасную библиотеку, вероятно, доставшуюся ему от родителей жены, посылает своей новой знакомой в Сестрорецк, где она отдыхает на даче, ряд книг, в основном оккультного содержания, которые должны помочь ей преодолеть духовный кризис. В письмах Штейн упоминается «Древняя мудрость» и «L'Avenir Imminent» Анни Безант, «Четвертое измерение» П. Д. Успенского, «Учение и ритуал высшей магии» Э. Леви, «Оккультизм» К. Брандлера-Прахта, «Сверхсознание и пути к его достижению» М. В. Лодыженского, «Раджа-йога» Вивекананды и другие книги, которыми в ту пору зачитывались русские оккультисты. Все эти сочинения она старательно штудировала, регулярно сообщая в Петербург Стано, невольно взявшего на себя роль ее духовного наставника, свои мысли о прочитанном. В этих посланиях нередко можно встретить реплики на те или иные суждения Владимиров и цитаты из его собственных писем. Так, К. К. Владимиров излагает своей подопечной учения Будды и Шопенгауэра, ссылаясь на Ницше и других западных и восточных мыслителей, демонстрируя тем самым незаурядную эрудицию. (Правда, иногда кажется, что Стано нарочито щеголяет своими знаниями, чтобы произвести впечатление на молодую и, очевидно, симпатизирующую ему женщину.) В одном из писем Вера Штейн просит своего друга объяснить смысл непонятного ей термина «дважды рожденный», которым он называет себя, что, по-видимому, имеет отношение к принятому Владимировым посвящению в орден мартинистов, или розенкрейцеров. Известно, что в предвоенные годы в России особенно активно велась пропаганда мартинизма. Главными проводниками этого оккультного учения были уже упоминавшийся нами Чеслав фон Чинский — Генеральный делегат мартинистского ордена в России (с конца 1910) и Г. О. Мёбес — Генеральный инспектор петербургского отделения ордена (с того же времени). И тот и другой, между прочим, являлись также известными графологами (Мёбес, например, в 1912 г. возглавил Графологическое общество в Петербурге). Таким образом, К. К. Владимиров легко мог сблизиться как с Чинским, так и с Мёбесом на почве общего увлечения графологией, а отсюда лишь один шаг до вступления в орден, тем более, что оба эти оккультиста изо всех сил стремились к насаждению мартинизма в России.

Другая возможность — вступление в розенкрейцерскую ложу. В книге А. И. Немировского и В. И. Уколовой об удивительном поэте-импровизаторе и ученом Б. М. Зубакине упоминается некто «поэт Владимиров», имевший эзотерическое имя «Ро», как один из участников созданной Зубакиным в Петербурге (около 1912 г.) масонской ложи[88]. Не следует ли в таком случае отождествить розенкрейцера Владимиров с К. К. Владимировым? Правда, о зубакинском друге говорится, что он был выпускником 12-й петербургской гимназии, хотя эти сведения могут быть ошибочными.

Вера Штейн сообщает нам еще один весьма любопытный факт: в конце 1912 г. К. К. Владимиров собирался отправиться в Индию, но его поездка неожиданно расстроилась. («Стано, неужели это Вы?», — читаем мы в ее письме. — «Как я Вам обрадовалась. А я думала, что Вы уже в Индии. Ведь Вы

должны были туда поехать».) [89]

Осенью 1913 К. К. Владимиров, узнав о предполагаемом издании в Петербурге нового эзотерического журнала «Из мрака к свету» и о том, что его зачинатель С. В. Пирамидов ищет сотрудников, тут же обращается к нему с письмом. В своем ответе К. К. Владимирову Пирамидов писал:

«Мне особенно приятно, что на мой призыв откликнулись такие адепты сокровенных наук, как Вы. <...> От всего сердца, с глубокой благодарностью принимаю Ваше желание сотрудничать в возрождающемся журнале. <...> Я состою в непосредственном сношении с Парижем и в переписке с такими светилами западно-европейского эзотеризма, как г. Буржа, Арнюльфи, гр. де Роша д'Еглен. В программу мою входит постепенное ознакомление читателя с тайнами оккультного мира. Зная, что Вы доктор, я хочу просить Вас: не откажетесь ли Вы взять на себя заведывание III отделом, т. е. руководить мною по вопросам медицины?» [90].

Владимиров, однако, не отважился взять на себя такую ответственность, хотя и согласился безвозмездно проводить для читателей журнала анализ почерка и составлять «краткие данные гороскопа».

Журнал Пирамидова (с подзаголовком: «Литературно-мистический и научно-философский журнал сокровенных знаний») начал выходить в 1914 г. Просуществовал он, правда, недолго. В том же году его издатель-редактор отправился на фронт, где вскоре и погиб. Владимиров смог опубликовать в журнале лишь введение из своего оригинального исследования по графологии [91]. Обещанное читателям продолжение, в котором должны были излагаться «основы происхождения законов графизма» древних письмен, так и не увидело свет. Еще одна известная нам публикация К. К. Владимирова — это короткая заметка «Что такое графология?», появившаяся в 1916 г. в журнале «Дамский мир». В ней К. К. Владимиров попытался привлечь внимание прекрасного пола не столько к изучаемой им науке, сколько к своей собственной персоне:

«Почерк — это фотография душевных волнений, это кинематографическая лента всех переживаний в известный срок. Изучив почерки всех национальностей, я впервые являюсь пионером в области исследования индивидуальных и интеллектуальных особенностей почерка. <...> Для моей графологии нет тайны. Только по одному почерку я могу констатировать, в каком состоянии субъект писал письмо, его темперамент, температуру, болезни и физиологические страдания. Точно так же (ни разу не видя писавшего), по одному только его почерку, я могу описать его национальность, пол, характер, талант, способности, нравственные устои и облик, недостатки, привычки, аномалии и дефекты физической натуры, рост, походку, лета, цвет волос, глаз, кожи и т. п., акцент, голос, интонацию, жестикуляцию, мимику, любимые фразы, слова, напитки, пищу, одежду, употребляемые данным субъектом...» [92]

Приведенная цитата, несомненно, свидетельствует об одном из двух — либо о полной гениальности Владимирова-графолога, либо о его величайшем самомнении. (Второе, как мы увидим далее, гораздо ближе к истине.)

В результате многолетних занятий графологией Владимирову к середине 1910-х удалось собрать довольно приличную коллекцию автографов. Кто только ни обращался к нему: одни — из желания лучше узнать свое «я» и заглянуть в будущее, другие — чтобы одолжить ту или иную редкую книгу из его библиотеки. Круг петербургских знакомых К. К. был необычайно широк и включал в себя немало представителей литературно-художественного мира. Начинающий поэт Сергей Есенин, например, в своем письме благодарит Владимирова за верное охарактеризование его творчества — «в период моего духовного преломления» [93]. А вот записка от А. Н. Бенуа:

«Дорогой Константин Константинович, Простите, что так задержал Ваши книги — уж очень тяжело расставаться с ними. И примите мою самую глубокую душевную благодарность за предоставленную мне возможность — почерпать из таких источников! Очень хотел бы познакомиться с Вами — и боюсь отнять у Вас драгоценное время. Искренне уважающий Вас, А. Бенуа» [94].

В 1915 г. у Владимирова появляются планы издания «на западный манер» — возможно, по образцу И. Ф. Моргенштерна — своей уникальной «литературной картотеки» — составленных им психографологических «портретов» деятелей русской литературы и искусства начала XX века. (Здесь необходимо отметить, что «портреты» эти создавались им не только на основе анализа почерка, но и с использованием-фотографий, поскольку фотография, по мнению Моргенштиерна, является главной помощницей почерковеда.) Этим планам, однако, не суждено было осуществиться, скорее всего потому, что Владимиров не смог изыскать необходимые средства для издания своего труда.

В следующем году К. К. пытается организовать, совместно с М. П. Мурашевым, издание газеты, по-видимому, литературно-художественного содержания. Но и это начинание из-за отсутствия средств кончается ничем. В одном из писем Мурашева к Владимирову этого времени обсуждается и другая идея — учредить издательское товарищество. В его состав предполагалось ввести А. Блока, С. Есенина, А. Ремизова, А. Липецкого, М. Мурашева, а также художников — «Рериха и затем кого он наметит» [95]. Судя по письму Мурашева, впрочем, трудно сказать, имел ли он или Владимиров какие-либо личные контакты с Н. К. Рерихом.

Революционные события осени 1917-го застали К. К., старшего счетовода конторы инженера С. Ф. Островского, далеко от столицы, под Кандалакшей, где велось строительство Мурманской железной дороги. Его настроения этого времени хорошо передают несколько коротеньких весточек, отправленных

жене в Петроград. Вот одно из посланий К. К., написанное нетвердой рукой в товарном вагоне на полустанке Полярный круг всего за месяц до Октябрьского восстания: «... Ужас пустыни, холод, ветер, дождь, а сегодня выпал снег. Еле раздобыли печь, сложили ее, набрали дрова и затопили. Сплю на нарах» [96].

В январе 1918 Владимиров вернулся в Петроград в связи с закрытием конторы Островского. До начала августа проработал в ликвидационной комиссии, затем недолгое время заведовал библиотекой и, по совместительству, финансами в Новодеревенском совдепе (К. К. проживал с семьей на окраине города, в Новой деревне). А в начале октября довольно неожиданно пошел работать в ЧК, «на Гороховую».

Что привело Владимирову в это страшное учреждение в самые страшные дни Революции, вскоре после объявления большевиками «красного террора»? Уже в первых числах сентября 18-го «Петроградская правда» сообщила о расстреле «в ответ на белый террор» 512 человек — контрреволюционеров и белогвардейцев, и затем в газете стали регулярно публиковаться списки арестованных ЧК заложников [97]. Что побудило интеллигентного и мягкого человека, — «добротного Константина Константиновича», как обращаются к нему его корреспонденты, оставить скромную работу библиотекаря и поступить на должность следователя «Чрезвычайки»? Ответить на этот вопрос не легко. Возможно, Владимирову попросту соблазнила перспектива получать постоянный продовольственный паек — ведь на руках у него была большая семья. Как бы то ни было, в мае 1918 он повторно вступил в большевистскую партию — то ли из идейных соображений, вспомнив о революционных идеалах своей юности, то ли по расчету. Впрочем, в «органах» К. К. продержался недолго. О своей неудавшейся карьере чекиста десять лет спустя он рассказывал своему более удачливому коллеге-следователю так:

«Там (в ПЧК — А. А.) занимал должность следователя в контр-революционном отделе. Начальник отдела был тов. Антипов, нынешний Наркомпочтель (речь идет о Н. К. Антипове — А. А.). Работал на Гороховой, 2 до февраля 1919. С Гороховой 2 меня уволили. Точно причин моего увольнения я не знаю. После Гороховой я поступил в Украинское Центральное Агентство по распространению печати. Там занимал-должность зав. петроградской конторы. Прослужил там до осени 1919 г. В июле месяце 19-го я ездил в Киев по делам ликвидации агентства и вернулся в Петроград в сентябре 1919 и вновь поступил в ЧК на Гороховую, 2, где занимал должность полит, уполномоченного. Прослужил там до конца 1920 г. и был уволен из-за личной неприязни тов. Комарова (Н. П. Комарова — А. А.), тогдашнего председателя ЧК» [98].

О характере работы Владимирову в ПЧК в отделе борьбы с контрреволюцией мы знаем мало. Имеются сведения, например, что он вел некоторое время дело А. А. Вырубовой, фрейлины и любимой наперсницы императрицы Александры Федоровны. Вырубова, как известно, несколько раз арестовывалась после Февральской революции, то как «германская шпионка», то как «контрреволюционерка», и даже как «большевичка», и провела долгое время в заключении, в том числе и в Петропавловской крепости вместе с бывшими членами Временного правительства. Большевики после прихода к власти также не оставили Вырубову в покое: впервые ее арестовали 7 октября, с Гороховой отправили в Выборгскую тюрьму, а оттуда снова привезли на Гороховую.

«Не зная, в чем меня обвиняют, — вспоминала впоследствии Вырубова, — жила с часу на час в постоянном страхе, как и все, впрочем. <...> Окна выходили на грязный двор, где ночь и день шумели автомобили. Ночью „кипела деятельность“, то и дело привозили арестованных и с автомобилями выгружали сундуки и ящики с отобранными вещами во время обысков: тут была одежда, белье, серебро, драгоценности, — казалось мы находились в стане разбойников! Как-то раз нас всех послали на работу связывать пачками бумаги и книги из архива бывшего градоначальства; мы связывали пыльные бумаги на полу и были рады этому развлечению. Часто ночью, когда усталые мы засыпали, нас будил электрический свет и солдаты вызывали кого-нибудь из женщин: испуганная, она вставала, собирая свой скарб, — одни возвращались, другие исчезали... и никто не знал, что каждого ожидает» [99].

О первом своем допросе у следователя Вырубова ничего не рассказывает. Однако ей запомнился допрос, на который ее вызвали 11 ноября, когда она вновь оказалась на Гороховой.

«Допрашивали двое, один из них еврей; назвался он Владимировым. Около часу кричали они на меня с ужасной злобой, уверяя, что я состою в немецкой организации, что у меня какие-то замыслы против чека, что я опасная контрреволюционерка и что меня непременно расстреляют, как и всех „буржуев“, так как политика большевиков — „уничтожение“ интеллигенции и т. д. Я старалась не терять самообладания, видя, что предо мною душевно больные. Но вдруг после того, как они в течение часа вдоволь накричались, они стали мягче и начали допрос о царе, Распутине и т. д. Я заявила им, что настолько измучена, что не в состоянии больше говорить. Тут они стали извиняться, что „долго держали“. Вернувшись, я упала на грязную кровать; допрос продолжался три часа» [100].

А затем — всего через час — произошло чудо. В камеру зашел солдат и крикнул: «Танеева! С вещами на свободу!». Подобная счастливая развязка наводит на мысль, что рвение следователей было показным, как неотъемлемая часть чекистского ритуала, призванного устрашить врагов революции, показать им всемогущество новой власти.

Мы знаем и еще об одном уголовном деле, которое вел Владимиров в 1918–1919 гг. Это дело о двух английских офицерах, Гарольде Рейнере и Джефри Гарри Тернере, обвинявшихся «в заговоре и в покушении» на М. С. Урицкого — председателя ПЧК между мартом и августом 1918. Эти офицеры как «враги РСФСР» были приговорены к расстрелу 26 января 1919-го. Впрочем, Тернеру удалось избежать большевистского возмездия: в начале марта он умер от ти-

фа в тюремной больнице[101].

Много лет спустя (в 1927-м) Владимиров будет утверждать на допросе, что дело английских шпионов попало к нему в руки «совершенно случайно». Большевики арестовали Тернера и Рейнера при попытке перейти через советско-финскую границу и затем доставили на Гороховую. «(Я) вел это дело примерно недели две и настаивал на применении к перебежчикам ВМН. Закончить это дело мне не удалось. Я уволился из ЧК, и дело было передано в Президиум»[102]. Однако затем произошло невероятное: «дело Тернера — Рейнера» неожиданно пропало из ЧК, что, по мнению допрашивавшего Владимира следователя, косвенно уличало его в причастности к пропаже. И для таких подозрений действительно имелись некоторые основания. Незадолго до того, как Владимиров уволился (или был уволен) из «органов» в начале 1919-го, к нему на Гороховую пришла супруга Тернера, эстонка Фрида Лесман, чтобы узнать о судьбе мужа. Позднее они опять — «случайно» — встретились на улице, разговорились и, как кажется, понравились друг другу. Владимиров стал бывать у Лесман на ее квартире на Миллионной, где часто собиралась артистическая публика. Роман бывшего чекиста с женой английского «шпиона» продолжался несколько месяцев, пока в апреле 1919-го Фрида Лесман не сбежала в Финляндию. Знакомство с Лесман, однако, не прошло для К. К. бесследно — в 1927-го, в период обострения советско-английских отношений, он сам, по иронии судьбы, оказался на скамье подсудимых с клеймом английского «шпиона», пособника Тернера и Лесман!

Подводя итоги недолгой службы Владимира «на Гороховой», следует сказать, что он все-таки не был типичным чекистом эпохи Красного террора. Очевидное отсутствие классового чутья и интеллигентность не позволили К. К. прижиться в этом учреждении, стоявшем на страже завоеваний победившего пролетариата. В архиве Владимира сохранилось несколько писем этого периода, авторы которых обращаются к нему с просьбами о помощи. Так, член правления Толстовского общества и помощник хранителя музея Л. Н. Толстого в Москве В. Ф. Булгаков просит «доброе» К. К. подействовать в освобождении Г. Ф. Флеера, арестованного ЧК[103]. А Василий Иванович Немирович-Данченко, писатель и масон (брат знаменитого основателя МХАТа Владимира Ивановича Немировича-Данченко), обращается к нему с просьбой о выдаче охранной грамоты для своей коллекции оружия, на случай возможного обыска[104]. Вполне возможно, что Владимирову при его природном добросердечии за время работы в ПЧК и доводилось помогать людям и даже спасать кого-то от смерти, но тот же Владимиров, как мы уже знаем, легко мог подвести человека и под расстрельную статью.

Есть, однако, одно загадочное обстоятельство, связанное с Владимировым, которое нуждается в объяснении. Каким образом в его личный архив попали многочисленные материалы, относящиеся к деятельности РГО — автографы (!) рукописей А. А. Каменской («Альбы»), С. В. Герье и других теософов? Известно, что Каменская вместе с членами Совета РГО Ц. Л. Гельмбольдт и В. Н. Пушкиной бежала в Финляндию летом 1921 — наиболее простой способ эмиграции в то время. Можно предположить, что накануне побега председательница Теософического общества передала какую-то часть своего архива на хранение К. К. Но можно предположить и другое: архив Каменской был конфискован чекистами при обыске ее квартиры, отправлен на Гороховую и там благополучно перекочевал в руки Владимира, который, возможно, даже вел дело «Альбы». Таким образом, возможно, к Владимирову и попали черновики статей, конспекты лекций и записные книжки главной российской теософки. Подобное объяснение кажется нам более вероятным, тем более, что Владимиров не принадлежал к ближайшему окружению Каменской и потому едва ли мог рассчитывать на столь большое доверие с ее стороны.

Итак, пути Владимира и Барченко пересеклись в 18-м. К. К. начал захаживать на квартиру к своему новому знакомому, один или с кем-нибудь из друзей, проявлял интерес к исследованиями А. В. в области Древней науки — вероятно, вполне искренне, если вспомнить о его собственных оккультных исканиях в недалеком прошлом. Довольно неожиданно — где-то в 1919 — Барченко вызвали в ЧК: кто-то донес о его «контрреволюционных высказываниях». На Гороховой А. В. допрашивали два следователя, которые вели себя как-то странно, совсем не по-чекистски: говорили, что не верят доносу, чрезвычайно интересовались его работой и даже просили разрешения бывать у него. Это были эстонцы Эдуард Морицевич Отто и Александр Юрьевич Рикс, товарищи Владимира по службе. (Для справки: Э. М. Отто (р. 1884), член РКПб с 1906; работал в ПЧК с февраля 1918 по декабрь 1922. А. Ю. Рикс (р. 1889), член РКПб с 1905; в ПЧК — с июня 1918 по февраль 1923. Известно, что оба следователя вели поначалу дело поэта-террориста Леонида Каннегисера, убийцы М. С. Урицкого, но были затем отстранены от расследования Н. К. Антиповым за «антисемитские настроения» и уволены из ЧК: оба считали, что убийство Урицкого — дело рук сионистов и бундовцев. В 1919, однако, Отто и Рикса снова приняли на службу в ЧК[105]. Кроме того, Отто, наряду с Викманом и Владимировым, упоминались Вырубовой в числе следователей, допрашивавших ее на Гороховой осенью 18-го[106]).

8. С красными моряками в Шамбалу

В 1918 г. судьба свела Барченко еще с одним интересным человеком, который вскоре стал его верным помощником и другом. Это ученый-астроном Александр Александрович Кондияйн (Кондияйни). Родился он в Петербурге в 1889 г. Окончил филологическую гимназию и затем физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета по специальности астрофизика (приблизительно в 1911 г.). В дальнейшем в течение более 10 лет активно сотрудничал с Русским Обществом Любителей Мироведения (РОЛМ), членом которого стал еще в студенческую пору. Общество с таким названием возникло в 1909 г. с целью объединения любителей естественных и физико-математических наук, оказания им содействия, а также распространения естественно-научных знаний в широких слоях населения. Возглавил Общество его знаменитый народоволец и социокосмист Н. А. Морозов (1854–1946) автор популярных книг «История возникновения Апокалипсиса» (1907) и «В поисках философского камня» (1909). С самого начала своей деятельности Общество уделяло преимущественное внимание астрономическим исследованиям, и потому его костяк составляли в основном астрономы — профессионалы и любители. Уже в 1910 г. после передачи обществу «Мироведения» университетом большого 175 мм. телескопа-рефрактора Мерца А. А. Кондияйн активно помогал М. Я. Мошонкину в установке его в обсерватории Тенишевского училища (Моховая, 35), а затем в качестве астронома-наблюдателя вместе с М. Я. Мошонкиным и С. Г. Натансоном начал проводить регулярные наблюдения и фотографировать различные небесные объекты. Здесь надо сказать, что фотография увлекала молодого ученого в не меньшей степени, чем астрономия, — особенно цветная фотография (хроматография), которая в то время делала свои первые шаги. Для фотографирования светил Кондияйн и заведующий обсерваторией М. Я. Мошонкин изготовили серию цветных светофильтров, охватывающих полный спектр.

Первые серьезные работы в обсерватории начались осенью 1911 г. с наблюдения и фотографирования через светофильтры яркой кометы, только что открытой американцем В. Бруксом. Полученные снимки в количестве 22 штук были обработаны А. А. Кондияйном и результаты работ доложены на общем собрании мироведов 15 ноября. Сообщение ученого вызвало большой интерес, о чем свидетельствует публикация его доклада в журнале Общества [107]. В начале 1912 г. А. А. Кондияйна утвердили в должности астронома-наблюдателя сроком еще на два года. Отметим, кстати, что работа астрономической секции мироведов проходила под непосредственным руководством известного ученого, сотрудника Пулковской Обсерватории Г. А. Тихова. Тогда же Александр Александрович Кондияйн был избран членом Совета РОЛМ и введен в состав редакционной коллегии журнала Общества («Известия РОЛМ»). А также назначен секретарем только что созданной фотографической секции.

В годы мировой войны А. А. Кондияйну пришлось прервать свои исследования. Большой телескоп и другие инструменты были перенесены в здание Петроградской Биологической лаборатории (Английский пр., 32), где началось строительство новой обсерватории Общества. Насколько можно судить по публикациям в «Известиях РОЛМ», в 1915–1918 гг. А. А. Кондияйн занимался в основном наблюдениями атмосферных явлений (солнечные «гало», зодиакальный свет и т. д.) и изучением погоды в Петербурге и его северных окрестностях, а также в Финляндии. В тот же период ученый работал некоторое время на метеорологической станции в Севастополе и, вероятно, где-то еще. В 1915 г. он опубликовал несколько популярных статей в журнале «Природа и люди» (в этом же журнале в 1910-е гг., как мы помним, печатался и А. В. Барченко). В целом, однако, остается неясным вопрос, чем А. А. Кондияйн зарабатывал себе на жизнь после окончания университета, поскольку общество «Мироведение» являлось сугубо общественной организацией. После революции основанная П. Ф. Лесгафтом Биологическая лаборатория была преобразована в Естественно-научный институт его имени, который возглавил все тот же Н. А. Морозов, и тогда же (в 1918 г.) РОЛМ объединилось с астрономическим отделением института. Новая обсерватория Общества открылась лишь в 1921 г., но о возобновлении А. А. Кондияйном работы в ней нам ничего не известно. В то же время мы знаем, что в начале 1920-х А. А. Кондияйн некоторое время работал в институте им. Лесгафта и одновременно в недавно созданном Оптическом институте [108].

Дополнительным штрихом к портрету А. А. Кондияйна могут служить сведения о его незаурядных лингвистических способностях и феноменальной памяти. По рассказу сына ученого О. А. Кондияйна, А. А. Кондияйн владел многими языками, в том числе и таким экзотическим, как санскрит. Значит ли это, что ученый-астроном занимался изучением индийской философии — штудировал книги Макса Мюллера, Вивекананды и Рамачараки, модных в то время в России и на Западе авторов, и, быть может, даже мечтал, подобно К. К. Владимирову, совершить путешествие в Индию? Интересно, что в 1914 г. на одном из общих заседаний мироведов выступил некто Б. Ф. Эйсуевич — участник и руководитель научной экспедиции студентов бехтеревского Психоневрологического института в Индию и Цейлон. Докладчик рассказал, как с 400 рублями в кармане, но с огромным запасом молодой энергии и страстной жаждой знаний экспедиции удалось в течение 6 месяцев осмотреть почти весь Восток! [109] Не менее любопытен и тот факт, что общество «Мироведения», очевидно под влиянием Н. А. Морозова, принадлежавшего, между прочим, к масонскому ордену «Великий Восток Франции» (ложе «Полярная звезда» в Петербурге), проявляло большой интерес к мифам и литературным памятникам древности, в которых сохранились ценные астрономические «указания» — в частности и к священным книгам, таким как Библия и Талмуд. Вот названия некоторых докладов, прочитанных в обществе на тему палеоастрономии: «Когда возникла Каббала» (Л. Филиппов, 1913), «Астральная основа христианского эзотеризма первых веков» (Д. О. Святский, 1914), «Зеленый луч в Древнем Египте» (А. А. Чикин, 1918), «Созвездия в Ветхом Завете» (Г. А. Тихов, 1918), «Зодиак в Ветхом и Новом Завете» (Д. О. Святский, 1918),

«Астрономия и мифология» (Н. А. Морозов, 1920). Еще одна тема, живо интересовавшая мироведов, — телепатическая передача мыслей. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что годы, проведенные в тесном общении с мироведами, не только способствовали становлению А. А. Кондияйна как ученого, но и сыграли важную роль в его духовном формировании, и, возможно, именно в эту пору зародился его интерес к эзотерическим знаниям древних цивилизаций.

После революции А. А. Кондияйн наряду с другими членами РОЛМ часто выступал с научно-популярными лекциями в помещении Тенишевского училища в Соляном городке и других местах Петербурга. Именно в Соляном городке в 1918 г. (или начале 1919 г.) он и познакомился с А. В. Барченко. Тогда же на одной из лекций, прочитанных в обществе «Новый Человек» (особняк М. К. Покотиловой, Каменноостровский пр., 48), А. А. Кондияйн встретился и со своей будущей женой, студенткой ВХУТЕМАС Элеанорой Максимилиановной Месмахер, дочерью знаменитого петербургского архитектора М. Е. Месмахера. Элеанора Максимилиановна впоследствии вспоминала, что лекция А. А. Кондияйна называлась «Земля как живой организм» и что в тот же день она познакомилась и с А. В. Барченко, который выступал с рассказом о Древней науке. Целью общества «Новый Человек», возникшего еще до революции, было распространение идей, направленных на «преобразование духовной и физической природы человека», в соответствии с новыми течениями философской и научной мысли. Кроме устройства публичных лекций, общество занималось также издательской деятельностью — печатало книги западных и русских авторов на такие темы, как космическое сознание, четвертое измерение, индийская йога, реформа системы питания человека и т. п.

Горячо пропагандируемая А. В. Барченко теория о существовании на земле в древнейшую эпоху цивилизации, обладавшей высочайшим уровнем научных знаний, необычайно увлекла А. А. Кондияйна. Именно на почве общего интереса к таинственной Древней науке между ними завязались теплые дружеские отношения, а затем и научное сотрудничество, о котором мы расскажем подробнее в одной из последующих глав. Позднее А. В. Барченко даст своему другу шутливое прозвище Тамиил — так древние евреи называли падшего ангела, научившего людей астрономии, — которое станет его вторым, «эзотерическим» именем. А. А. Кондияйн вводит А. В. Барченко в круг мироведов, знакомит со своими коллегами — Н. А. Морозовым и др. 17 января 1920 г. А. В. Барченко прочитал в Обществе научный доклад об Атлантиде. Гипотеза о затонувшем в Атлантическом океане в доисторические времена огромном острове или даже континенте уже давно и широко дискутировалась в России не только теософами и оккультистами, но и весьма серьезными учеными. Достаточно сказать, что в 1924 г. в том же обществе «Мироведения» некто Г. Н. Фредерикс выступил с еще одним докладом на эту тему, который назывался «Атлантида и Ноев потоп». Что касается выступления А. В. Барченко, то «Журнал РОЛМ» отозвался на него следующими словами:

«В этом докладе, иллюстрированном многочисленными диапозитивами, диаграммами и рисунками, докладчик осветил вопрос о древнем мифе об Атлантиде с объективных точек зрения — географической, геологической, антропологической, этнографической. Из приводимых докладчиком доказательств, отчасти косвенных, могущих быть повергнутыми критике, отчасти же более обоснованных с точки зрения науки, он приходил к заключению, что этот миф, указания на который имеются и в памятниках древней письменности, в священном писании, у авторов греческих, римских и др., имеет под собой более или менее твердую почву достоверности»[110].

Лекция А. В. Барченко затянулась допоздна, и потому собравшиеся пригласили докладчика «пожаловать в день следующего собрания, когда могли бы состояться прения по докладу». А несколько месяцев спустя (17 апреля) А. В. Барченко выступил перед мироведами с новым докладом «Антропология мистических теорий», в котором «осветил вопрос об этих теориях, мифах, структуре религий, происхождении их с точки зрения древней и современной науки»[111]. И это выступление А. В. Барченко, по отзыву «Известий РОЛМ», затянулось до полуночи, «вызвав напряженное внимание аудитории». И опять — демонстрация многочисленных диапозитивов, изготовителем которых, как и в первом случае, очевидно, был А. А. Кондияйн.

Известно также, что в 1919–1920 гг. А. В. Барченко прочитал цикл лекций об особенно увлекавших его в ту пору учении Каббалы и картах Таро (Тарот) — последние эзотерическая традиция рассматривает как «синтез и квинтэссенцию Древнего Знания» (текст одной из таких лекций, обнаруженный в Главнауке, публикуется в Приложении 1).

Приблизительно в это же время, под влиянием недавно прочитанной книги об Агарте Сент-Ива д'Альвейдра, А. В. Барченко неожиданно загорелся идеей отправиться в Центральную Азию — в Монголию и Тибет.

«В период 1920–1923 гг. в Петрограде я добыл книгу Сент-Ив де Альвейдра, о которой мне рассказывал Кривцов. В этой книге Сент-Ив де Альвейдр писал о существовании центра древней науки, называемого Агарттой, и указывал его местоположение на стыке границ Индии и Тибета, Афганистана»[112].

Д'Альвейдровский трактат-откровение «Миссия Индии в Европе» был впервые опубликован в Париже в 1886 г., но известно, что автор тогда же уничтожил весь тираж книги, за исключением одного экземпляра. В 1910 г. — уже после его смерти — ассоциация «Друзей Сент-Ива» во главе с Папюсом осуществила переиздание этого труда. В русском переводе интригующее «свидетельство» об Агарте появилось в 1915 г. по инициативе питерских почитателей французского эзотерика. Книга была опубликована крошечным тиражом в издательстве «Новый Человек» А. А. Суворина. К счастью, экземпляр этого редкого издания имелся у К. К. Владимировой, и, по-видимому, именно он и одолжил его для чтения А. В. Барченко.

О местонахождении Агарты в книге французского мистика, между прочим, говорилось весьма туманно — только то, что подземная страна находится «в некоторых областях Гималаев». А. В. Барченко же, в отличие от Сент-Ива, называл два совершенно конкретных центра «доисторической культуры» в пределах Тибетского нагорья. Это, во-первых, расположенная на северо-западе горной страны Шамбала, которую он, очевидно, отождествлял с Агартой, и, во-вторых, «область Саджа»[113]. Последний топоним является искаженной формой «Сакья» — так называется древний монастырь одноименной школы монахов-«красношапочников», находящийся на юге Тибета, во владениях Панчен-ламы. В записках Э. М. Месмахер говорится, между прочим, что именно А. А. Кондиайн — Тамиил — и определил географические координаты Шамбалы, равно как и других центров древнейшей цивилизации, путем расчерчивания поверхности глобуса по некой «Универсальной схеме» (более подробно о ней мы расскажем в отдельной главе).

К разработке планов экспедиции в Шамбалу-Агарту А. В. Барченко приступил весной 1920 г. Следы его проекта — наметки путешествия в Монголию и Тибет — удалось обнаружить в архиве МИД (АВПРФ), в документах чичеринского Наркоминдела. Примечательно, что экспедиция именуется в них «научно-пропагандистской» с целью «исследования Центральной Азии и установления связи с населяющими ее племенами»[114]. Это позволяет говорить о том, что А. В. Барченко, по-видимому, пытался заручиться поддержкой советского дипломатического ведомства для осуществления своих намерений.

Состав участников экспедиции намечался таким: два основных члена и шесть человек «прислуги», или конвоя. Среди тех, кто изъявил желание принять участие в путешествии, называются моряки-балтийцы, большевики И. Я. Гринёв и С. С. Белаш, чему, впрочем, не следует удивляться. В послеоктябрьский период А. В. Барченко выступал на кораблях Балтфлота с лекциями, в которых рассказывал о существовании в прошлом на земле Золотого века, о первобытном коммунистическом обществе и о Шамбале, сохраняющей по сию пору необыкновенные знания древних. Погибшую доисторическую культуру он характеризовал как некую Великую Всемирную Федерацию Народов, что, разумеется, не могло не импонировать его слушателям, имевшим весьма смутные представления о древнейшей истории человечества. (Любопытная параллель: в 1917 г., почти сразу же после Октябрьского переворота, перед балтийскими моряками и красноармейцами с лекциями выступал и известный писатель и мистик Иероним Ясинский, который, между прочим, был коротко знаком с К. К. Владимировым. И. Ясинский говорил в основном о грядущем коммунизме, при этом, по его собственным словам, он рассматривал большевизм «в свете ницшианской философии»[115]). Результатом лекций А. В. Барченко, очевидно, и стало обращение в Наркоминдел в 1920 г. моряков Гринева и Белаша. А. В. Барченко едва ли возражал против таких спутников, поскольку был искренне убежден, что отыскать «пути в Шамбалу» могут лишь «люди, свободные от привязанности к вещам, собственности, личного обогащения, свободные от эгоизма, т. е. достигшие высокого нравственного совершенства»[116]. Красные моряки вполне отвечали этому критерию, если только считать непривязанность к собственности — ввиду ее полного отсутствия — показателем высокой морали. Кроме них, в документах упоминается также некто Г. Б. Борисов, возможно, сотрудник НКВД (не путать с С. С. Борисовым, главой советской миссии в Тибете в 1923–1925 гг.). Присутствие в экспедиционном отряде представителя Наркоминдела было обусловлено тем, что советское правительство уже давно подумывало о восстановлении отношений с Тибетом, прерванных незадолго до начала войны. В 1918 и 1919 гг. в НКВД дважды рассматривались проекты экспедиций в Тибет — научной, под руководством востоковедов Ф. И. Щербатского и Б. В. Владимирцова, и военно-политической, предложенной калмыцкими революционерами А. Ч. Чапчаевым и А. М. Амур-Сананом. Однако от обоих проектов пришлось отказаться, главным образом, оттого, что гражданская война отрезала Центр от Восточной Сибири и Забайкалья, откуда обычно начинался путь в глубь Азиатского континента[117].

Как и в случае с экспедицией Щербатского — Владимирцова, А. В. Барченко намечались два основных маршрута: короткий Кяхта — Урга — Юм-бейсэ — Анси — Цайдам — Нагчу — Лхаса, и длинный: Кяхта — Урга — Алашань — Синин — оз. Кукунор — Тибетское нагорье — Нагчу — Лхаса[118]. Оба они представляли собой хорошо известные бурятским и монгольским паломникам и торговцам караванные пути, связывавшие Россию (Забайкалье), Монголию и Тибет. Примечательно, что конечным пунктом обоих маршрутов являлась столица Страны снегов — священная Лхаса, где находилась резиденция Далай-ламы. Затраты на все путешествие оценивались по смете в 79 тысяч рублей (вероятно, золотых). Отправиться в путь А. В. Барченко, по всей видимости, собирался осенью 1920 года. В случае следования кратчайшим маршрутом он должен был бы добраться до Лхасы за 30–35 дней, как указывалось в проекте — срок совершенно нереальный; в лучшем случае, расстояние между Ургой и Лхасой можно было преодолеть за три месяца. (Доржиев однажды совершил такое путешествие за 72 дня — абсолютно рекордный для своего времени срок!)

Путешествие А. В. Барченко в Тибет, однако, не состоялось. Что помешало ему — отсутствие ли средств у НКВД, гражданская война (вторжение «Белого» барона Унгерна на территорию Монголии осенью 1920 г.) или какие-либо другие причины? Если первые два предположения вполне могли бы удовлетворить нас, то о «других причинах» необходимо сказать особо. Дело в том, что летом 1920 г. руководство НКВД вернулось к проекту Тибетской экспедиции Щербатского. Примечательно, что эта экспедиция, поначалу замышлявшаяся как чисто научная, постепенно трансформировалась в научно-политическо-пропагандистскую. Так, Щербатский после одной из бесед с заместителем Чичерина Л. М. Караханом сообщил в Петроград своему ученому коллеге академику С. Ф. Ольденбургу: «Что касается Тибета, то они (очевидно, намек на верхушку НКВД — А. А.) больше всего желали бы устроить в Лхасе радиостанцию, и он просил моего совета»[119]. Идея большевиков состояла в том, что экспедиция доставит Далай-ламе небольшую радиостанцию в качестве подарка советского правительства, что помогло бы наладить радиосвязь между Москвой и Лхасой через Кабул. Щербатской, довольно тесно сотрудничав-

ший с НКВДом в ту пору, однако, отговорился от участия в такой необычной экспедиции и в конце 1920-го отправился с научно-дипломатической миссией в противоположную сторону — в Западную Европу. В результате Наркоминдел решил самостоятельно организовать экспедицию в Тибет, заручившись активным содействием Дальневосточного Секретариата Коминтерна и лично уже знакомого нам Агвана Доржиева. В этом контексте проект А. В. Барченко, по-видимому, перестал представлять какой-либо интерес для Москвы, и поэтому Чичерин и Карахан, в чьих руках в то время находились все нити тибетской интриги, спокойно положили его под сукно.

К экспедиционным планам А. В. Барченко, помимо А. А. Кондияйна, возможно, был причастен и К. К. Владимиров. В конце мая он — в то время политуполномоченный ПЧК — зачем-то экстренно выезжает в Москву. Об этой поездке мы узнаем из письма его новой пассии Софьи Зарх: «Как съездил в Москву? Где теперь работаешь? Не получил ли новое назначение?»[120]. Не означает ли это, что К. К. Владимиров лично отвозил проект А. В. Барченко в Наркоминдел, но в таком случае за «экспедицией в Шамбалу» первоначально стоял не НКВД, а ВЧК! Аргументом в пользу такого предположения может служить тот факт, что ровно через пять лет история эта удивительным образом повторится при самом непосредственном участии ОГПУ и К. К. Владимирова.

9. Лапландия — страна сказок и колдунов

В середине того же 1920-го А. В. Барченко закончил одногодичный курс петроградской Педагогической Академии. Его дипломная работа была посвящена одной из наиболее загадочных проблем психологии и, по воспоминанию Э. М. Месмахер, называлась «Сон, спячка, угнетение»[121]. К этому же периоду относятся и сведения о начале сотрудничества А. В. Барченко с Институтом изучения мозга и психической деятельности, организованном двумя годами ранее В. М. Бехтеревым. Внимание В. М. Бехтерева, занимавшегося в это время вместе с дрессировщиком В. Л. Дуровым опытами мысленного внушения дрессированным собакам, и его коллег по институту В. П. Кашкадамова, А. К. Борсука, Л. Л. Васильева и др., несомненно, привлекли парапсихологические исследования А. В. Барченко, равно как и его изыскания в области «Древней науки». Так, мы знаем о докладе, прочитанном А. В. Барченко в этом учреждении, под названием: «Дух древних учений в поле зрения современного естествознания», который затем был рекомендован к напечатанию в трудах института[122]. В том же году А. В. Барченко также пригласили прочитать еще несколько ученых докладов, однако он по какой-то неведомой причине от выступлений и от публикации своего оригинального исследования отказался[123].

Почвой для сближения А. В. Барченко с названными выше учеными наряду с парапсихологией служила также восточная (индо-тибетская) медицина, особенно привлекавшая к себе в эти годы западных исследователей. Василий Павлович Кашкадамов (1863–1941), известный врач-гигиенист, в 1899–1900 гг. находился в командировке в Индии, где изучал чуму и способы борьбы с ней, перенимал опыт индийских врачей. По возвращении в Россию Кашкадамов прочитал доклад «Об индусской фармации» и опубликовал «Краткий очерк индусской медицины» (СПб., 1902). Леонид Леонидович Васильев (1891–1965), физиолог-рефлексолог и парапсихолог, увлекался в молодости теософией, выписывал издания Теософского общества в Лондоне, что, по-видимому, и подтолкнуло его к изучению таинственных «психических феноменов». Не меньший интерес Л. Л. Васильева вызывала и тибетская медицина, получившая распространение в Петербурге в начале 1900-х благодаря успешной практике тибетского врача П. А. Бадмаева. Имеются сведения, что незадолго до революции Л. Л. Васильев вместе со своим камердинером совершил путешествие в Тибет, присоединившись к каравану буддийских паломников [124]. Впоследствии он рассказывал об одной довольно необычной водной процедуре, которую ему однажды довелось наблюдать в этой стране: тибетские монахи ходят или стоят неподвижно в проточной воде горного ручья, одновременно вращая установленные там же молитвенные барабаны. (Процедура эта, как кажется, носила скорее профилактический, чем лечебный характер.) Какое-то время пытливым путешественник провел в уединении в пещере, занимаясь созерцательной практикой, что поразительным образом напоминает некоторые страницы «Доктора Черного». (Не означает ли это, что роман А. В. Барченко вдохновил Л. Л. Васильева на его восточное путешествие?!) Ученый продолжил изучение тибетской медицины в 1920–1930 гг. под руководством Н. Н. Бадмаева, племянника П. А. Бадмаева.

30 января 1921 г. Институт мозга, вероятно, по инициативе своего руководителя В. М. Бехтерева, командировал А. В. Барченко на побережье Ледовитого океана в Мурман и в Лапландию «для обследования явления под названием мерячение». Мерячение (эмиряченье) — это психическое заболевание, нечто среднее между припадком истерии и шаманским трансом. Особенно часто оно наблюдалось в то время среди коренного населения Крайнего Севера и Сибири (якутов, юкагиров, ламутов, айносов, забайкальских бурят), а также у малайцев, называющих его «прыгучкой» (юмпинг, джампинг), что позволило Н. А. Виташевскому говорить о мерячении как о «первобытном психоневрозе». Вот как описывает типичный припадок («мэнэрик») у женщины-якутки один из исследователей С. И. Мицкевич: «Сознание делается спутанным, появляются устрашающие галлюцинации: больная видит черта, страшного человека или что-нибудь подобное; начинает кричать, петь, ритмично биться головой об стену или мотать ею из стороны в сторону, рвать на себе волосы»[125]. Мэнэрик может продолжаться от одного-двух часов до целого дня или ночи и повторяться в течение нескольких дней. Якуты обычно объясняют припадки порчей или вселением в тело злого духа («мэнэрика») и потому говорят в таких случаях: «бес мучает». По сообщению С. И. Мицкевича, про «мэнэряков» ходят среди населения разные рассказы, например, что «они могут себя прокалывать насквозь ножами и это не оставляет следов, мо-

гут плавать, не умея плавать в обычном состоянии, петь на незнакомом языке, предсказывать будущее» и т. д.[126]. Одержимый «духом» во многом подобен шаману и обладает силой и способностями шамана, что, по мнению ученых, роднит мерячение и шаманство. Различие между ними состоит лишь в том, что «мэнэрик» вселяется в больного против его воли, а шаман вызывает «духа» по своей воле и может повелевать им. Интересно, что среди русских крестьян, особенно среди мистических сектантов, встречалось похожее заболевание, которое в народе обычно называли кликушеством. Русские ученые, в том числе В. М. Бехтерев, обратили на него внимание еще в конце XIX века[127]. Появившиеся время от времени публикации о «странной болезни», возможно, были известны и А. В. Барченко. Во всяком случае он без колебания принял столь заманчивое предложение В. М. Бехтерева, тем более что оно давало возможность ему и его близким покинуть на время голодный Петроград.

А. В. Барченко выехал в Мурман ранней весной 1921 г. в сопровождении жены Натальи и двух своих наиболее преданных учениц, повсюду следовавших за ним, — Юлии Вонифатьевны Струтинской, исполнявшей функции его личного секретаря, и Лидии Николаевны Шишеловой-Марковой. Последняя была дочерью известного думского деятеля, лидера крайне правых Н. Е. Маркова (Маркова 2-го), с которым А. В. Барченко, как мы помним, несколько раз встречался в 1918 г. Познакомился с ней А. В. Барченко, вероятно, в кружке Д. В. Бобровского, родственника Маркова. Л. Н. Маркова не пожелала последовать за отцом в эмиграцию в 1918 г. и, чтобы облегчить себе существование в большевистской России, заключила фиктивный брак со студентом-востоковником Ю. В. Шишеловым, что позволило ей изменить фамилию. В Мурман — наблюдать полное солнечное затмение — отправились в начале апреля 1921 г. и А. А. Кондияйн вместе с Э. М. Месмахер, ставшей к тому времени его женой, в составе небольшой экспедиции РОЛМ, которой руководил М. Я. Мошонкин. Добирались астрономы-энтузиасты до Мурмана с приключениями: в пути их поезд потерпел крушение, при этом от всего состава на рельсах остались только два последних вагона. К счастью, никто из ученых не пострадал, поскольку теплушка, в которой они ехали, находилась в самом хвосте состава, хотя инструменты получили небольшие повреждения. Затмение наблюдали в мурманском порту 8 апреля. По окончании работ участники экспедиции прочитали несколько популярных лекций для местного населения.

В Мурмане Кондияйны несколько раз встречались с А. В. Барченко и его большой «семьей». Жили они, как вспоминала впоследствии Э. М. Кондияйн, в бревенчатом бараке, стоявшем посреди непролазной тины, у самого моря. Запомнилась курьезная подробность, в бараке было множество клопов, однако А. В. Барченко их не убивал, а только выбрасывал в окошко, уверяя, что они его не кусают. И все три женщины поступали таким же образом[128]. Занимался А. В. Барченко в это время лечением умиравшего от туберкулеза молодого парня, от которого отказались врачи. Лечил его по собственному методу — заставлял принимать солнечные ванны на открытом воздухе, когда еще было довольно морозно. Удивительно, но подобные процедуры действительно оказались целительными — больной вскоре встал на ноги и смог самостоятельно поехать в Крым для продолжения лечения. В другой раз Кондияйны застали своего друга в большом сарае с увлечением читающим какую-то лекцию группе матросов. После недолгого пребывания в Мурмане чета Кондияинов вернулась вместе с экспедицией в Петроград.

А. В. Барченко пробыл на Севере безвыездно около двух лет. Работал на биостанции в Мурмане — изучал морские водоросли с целью их использования в качестве корма для крупного и мелкого рогатого скота. Вел работы по извлечению агар-агара из красных водорослей. Выступал с лекциями, в которых горячо пропагандировал употребление в пищу человеком морской капусты, обладающей ценными питательными и лечебными свойствами. Кроме этого, занимался краеведческой работой в должности заведующего Мурманским морским институтом краеведения — изучал прошлое края, быт и верования его коренных жителей — лопарей. Это служило частью подготовки к уже давно задуманной им экспедиции в глубь Кольского полуострова. Экспедиция эта, снаряженная по инициативе Мурманского Губэкосо (Губернского экономического совещания), началась в августе 1922 г. Участие в ней вместе с ученым приняли и три его спутницы, а также специально приехавшие из Петрограда А. А. Кондияйн и репортер Семенов. (Э. М. Кондияйн на этот раз не смогла последовать за мужем, потому что на руках у нее находился новорожденный — сын Олег, появившийся на свет осенью 1921 г.)

Основной задачей экспедиции было обследование района прилегающего к Ловозерскому погосту, населенному лопарями, или саамами. Здесь находился центр русской Лапландии, почти не исследованный учеными. Отметим попутно, что русский Север давно уже привлекал к себе внимание А. В. Барченко. В романе «Из мрака», появившемся накануне войны, он пересказал древнее предание о племени чудь, ушедшем под землю, когда чухонцы завладели его территорией. С тех пор чудь подземная «живет невидимо», а перед бедой или несчастьем выходит на землю и появляется в пещерах — «пещерах» — на границе Олонецкой губернии и Финляндии[129]. О чуди А. В. Барченко слышал вновь, по пути к Ловозеру, от молодой лопарской «колдуньи» — шаманки Анны Васильевны. «Давным-давно лопари воевали чудь. Победили и прогнали. Чудь ушла под землю, а два их начальника ускакали на конях. Кони перепрыгнули через Сейд-озеро и ударились в скалы, и остались там на скалах навеки. Лопари их называют „Старики“». С этой шаманкой связана удивительная история, происшедшая в самом начале путешествия.

«Когда к вечеру они (члены экспедиции — А. А.) добрались до чума Анны Васильевны, у А. В. сделался тяжелый сердечный приступ. Анна Васильевна взялась его вылечить. Он лежал на земле. Она встала у него в ногах, покрылась с ним длинным полотенцем, что-то шептала, делала какие-то манипуляции кинжалом. Затем резким движением направила кинжал на сердце А. В. А. В. почувствовал страшную боль в сердце. У него было ощущение, что он умирает, но он не умер, а заснул. Проспал всю ночь, а наутро встал бодрый, взвалил свой двухпудовый рюкзак и продолжил путь»[130]. В дальнейшем (по

утверждению Э. М. Кондияйн) сердечные приступы у А. В. Барченко больше не повторялись.

Чудесное излечение А. В. Барченко произвело на всех огромное впечатление. Надо сказать, что о лопарях или саамах, в то время имелись довольно скудные сведения по причине их крайне обособленного существования. Происхождение лопарского народа, с незапамятных времен обитающего в этом суровом приполярном краю, теряется во мраке столетий или даже тысячелетий. Уже в самом начале экспедиции, во время перехода к Ловозеру, ее участники натолкнулись в тайге на довольно странный памятник — массивный прямоугольный гранитный камень. Всех поразила правильная форма камня, а компас показал к тому же, что он ориентирован по странам света. В дальнейшем А. В. Барченко и А. А. Кондияйну удалось установить, что хотя лопари поголовно исповедуют православную веру и необычайно ревностно исполняют все церковные обряды, в то же время они втайне поклоняются богу Солнца и приносят бескровные жертвы каменным глыбам-менгирам, по-лопарски «сейдам».

Переправившись на парусной лодке через Ловозеро, экспедиция двинулась дальше в направлении близлежащего Сейд-озера, почитавшегося священным. К нему вела прорубленная в таежной чаще прямая просека, поросшая мхом и мелким кустарником. В верхней точке просеки, откуда открывался вид одновременно на Ловозеро и Сейд-озеро, лежал еще один прямоугольный камень.

«С этого места виден по одну сторону в Ловозере остров — Роговой остров, на который одни только лопарские колдуны могли ступить. Там лежали олени рога. Если колдун пошевелит рога, поднимется буря на озере. По другую сторону виден противоположный крутой скалистый берег Сейд-озера, но на этих скалах довольно ясно видна огромная, с Исаакиевский собор, фигура. Контуры ее темные, как бы выбиты в камне. Фигура в позе „падмаасана“. На фотографии, сделанной с этого берега, ее можно было без труда различить».

Фигура на скале, напомнившая А. А. Кондияйну индусского йога, это и есть «Старики» (или «Старик», по другой версии) из лопарского предания. Впрочем, современный исследователь В. Н. Демин разглядел в ней нечто другое — человека с крестообразно распростертыми руками.

Участники экспедиции заночевали на берегу Сейд-озера в одном из лопарских чумов. Наутро решили подплыть к обрыву скалы, чтобы лучше рассмотреть загадочную фигуру, но лопари наотрез отказались дать лодку. Всего у Сейд-озера путешественники провели около недели. За это время они подружились с лопарями, и те показали им один из подземных ходов. Однако проникнуть в подземелье также не удалось, поскольку вход в него, выложенный опять-таки загадочными прямоугольными камнями, оказался основательно заваленным землей. Экспедиция обнаружила в окрестностях «святого озера» и несколько других памятников лопарской древности, в том числе заинтриговавшую всех каменную «пирамиду».

В семейном архиве Кондияйнов чудом сохранилось несколько страничек из «Астрономического дневника» А. А. Кондияйна с рассказом об одном дне экспедиции, который заслуживает того, чтобы мы привели его здесь:

«10/IX. „Старики“. На белом, как бы расчищенном фоне, напоминающем расчищенное место на скале, в Мотовской губе выделяется гигантская фигура, напоминающая темными своими контурами человека. Мотовская губа поразительно, грандиозно красива. Надо себе представить узкий коридор версты 2–3 шириной, ограниченный справа и слева гигантскими отвесными скалами, до 1 версты высотой. Перешеек между этими горами, которым оканчивается губа, порос чудесным лесом, елью — роскошной, стройной, высокой до 5–6 сажений, густой, типа таежной ели. Кругом горы. Осень раскрасила склоны вперемежку с лиственницами пятнами серо-зеленого цвета, яркими кущами берез, осин, ольхи; вдали сказочным амфитеатром раскинулись ущелья, среди которых находится Сейд-озеро. В одном из ущелий мы увидели загадочную вещь: рядом со скитами, там и сям пятнами лежащими на склонах ущелья, виднелась желтовато-белая колонна вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень. На другой стороне горы с севера виднеется гигантская пещера, сажень 200, а рядом нечто вроде замурованного склепа.

Солнце освещало яркую картину северной осени. На берегу стояли 2 вежи, в которых живут лопари, выселяющиеся на промысел с погоста. Их всего, как на Ловозере, так и на Сейд-озере, ок. 15 человек. Нас, как всегда, радушно приняли, угостили сухой и вареной рыбой. После еды завязался интересный разговор. По всем признакам мы попали в самую живую среду седой жизни. Лопари вполне дети природы. Дивно соединяют в себе христианскую веру и поверья старины. Слышанные нами легенды среди них живут яркой жизнью. „Старика“ они боятся и почитают.

Об оленьих рогах боятся и говорить. Женщинам нельзя даже выходить на остров — не любят рога. Вообще же они боятся выдавать свои тайны и говорят с большой неохотой о своих святынях, отговариваясь незнанием. Тут живет старая колдунья, жена колдуна, умершего лет 15 назад, брат которого, до сих пор еще глубокий старик, поет и шаманствует на Умб-озере. Об умершем старике Данилове говорят с почтением и страхом, что он мог лечить болезни, насыпать порчу, отпускать погоду, но сам он однажды взял задаток у „шведов“ (вернее чуди) за оленей, надул покупателей, т. е. оказался, по-видимому, более сильным колдуном, наслав на них сумасшествие.

Нынешние лопари имеют несколько другой тип. Один из них имеет немного черты ацтеков, другой — монгол. Женщины — с выдающимися скулами, слегка приплюснутым носом и широко расставленными глазами. Дети мало отличаются от русского типа. Живут здешние лопари много беднее ундинских. Много их обижают, и русские и ижемцы. Почти все они неграмотные. Мягкость характера, честность, гостеприимство, чисто детская душа — вот что отличает лопарей.

Вечером после краткого отдыха пошел на Сейд-озеро. К сожалению, мы пришли туда уже после захода солнца. Гигантские ущелья были закрыты синей мглой. Очертания „Старика“ выделяются на белом фоне горы. К озеру через тайболу ведет роскошная тропа. Везде широкая проезжая дорога, кажется даже, что она мощеная. В конце дороги находится небольшое возвышение. Все говорит о том, что в глубокой древности

Пока эта была заповедной и возвышеннее в конце дороги служило как бы алтарем-жертвенником перед „Стариком“. Погода менялась, ветер усилился, облака собирались. Надо было ожидать бури. Часов в 11 я вернулся на берег. Шум ветра и порогов реки сливались в общем шуме среди надвигающейся темной ночи. Луна поднималась над озером. Горы оделись чарующей дикой ночью. Подходя к веже, я испугал нашу хозяйку. Она приняла меня за „Старика“ и испустила ужасный вопль и остановилась как вкопанная. Насилу ее успокоил. Поужинав, мы обычным порядком легли спать. Роскошное северное сияние освещало горы, соперничая с луной».

На обратном пути А. В. Барченко и его спутники попытались вновь совершить экскурсию на «запретный» Роговый остров в Ловозере — первая попытка была сделана ими в самом начале путешествия, — однако и на этот раз потерпели неудачу. Едва они отплыли от берега, как небо неожиданно затянуло черные тучи. Налетел ураган, который мгновенно сломал мачту и едва не перевернул лодку. В конце концов путешественников прибило к крошечному, совершенно голому островку, где они, дрожа от холода, и заночевали. А утром уже на веслах кое-как дотащились до Ловозерска. Роговой остров действительно оказался «заколдованным»!

Участники Лапландской экспедиции вернулись в Петроград глубокой осенью 1922 г. 29 ноября А. А. Кондияйн выступил на заседании географической секции общества «Мироведения» с докладом о результатах своей поездки, который назывался «В стране сказок и колдунов». В нем он рассказал о сделанных экспедицией удивительных находках, свидетельствующих, по его мнению, о том, что местные жители-лопари происходят «от какой-то более древней культурной расы». Продемонстрированные им фотографии и диапозитивы произвели на собравшихся большое впечатление. А через некоторое время в петроградских газетах появилось сенсационное интервью с руководителем экспедиции и изображения загадочных памятников древнелапландской культуры. «Проф. Барченко открыл остатки древнейших культур, относящихся к периоду, древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации», — сообщила читателям «Красная газета» 19 февраля 1923. О своих находках сам первооткрыватель рассказывал так:

«До сих пор лопари русской Лапландии чтут остатки доисторических религиозных центров и памятников, уцелевших в недоступных для проникновения культуры уголках края. Например, в полтораста верстах от железной дороги и верстах в 50 от Ловозерского погоста экспедиции удалось обнаружить остатки одного из таких религиозных центров — священное озеро Сейд — озеро с остатками колоссальных священных изображений, доисторическими просеками в девственной тайболе (чаще), с полуобвалившимися подземными ходами-траншеями, защищавшими подступы к священному озеру. Местные лопари крайне недружелюбно относятся к попыткам более тщательно обследовать интересные памятники. Отказали экспедиции в лодке, предостерегали, что приближение к изваяниям повлечет всевозможные несчастия на наши и их головы»[131].

Рассказ А. В. Барченко заканчивался утверждением со ссылкой на мнение «ряда авторитетных этнографов и антропологов», что лопари являются «старейшими предками народностей, покинувших впоследствии северные широты». При этом он отмечал, что «в последнее время упрочивается теория, согласно которой, лопари, параллельно с карликовыми племенами всех частей света, представляются древнейшими прародителями ныне значительно более высокорослой белой расы».

Всеобщий интерес к открытиям, сделанным Лапландской экспедицией, был настолько велик, что 18 апреля по просьбе мироведов А. А. Кондияйна пришлось повторить свой доклад. В завязавшей затем среди ученых бурной дискуссии участие принял и приглашенный обществом А. В. Барченко. Его доводы и красноречие, однако, не смогли переубедить скептиков. Итог обсуждения был суммирован секретарем географической секции В. Шибаевым в таких словах: «Продолжительный обмен мнениями, выступление начальника отряда А. В. Барченко и ряд диапозитивов с посещенных мест не рассеяли сложившееся у многих присутствующих мнение о малой объективности докладчика при описании им своих наблюдений и открытий, т. к. представленные фотографии дают возможность делать весьма противоположные выводы»[132].

Летом 1923 г. один из сомневающихся, некто Арнольд Колбановский, разыскав проводника Барченко Михаила Распутина, организовал собственную экспедицию в Ловозеро-Сейдозерский район, дабы воочию убедиться в существовании памятников древнейшей цивилизации. Вместе с А. Колбановским в заповедные лопарские места отправилась и группа «объективных наблюдателей» — председатель Ловозерского волисполкома, его секретарь и волостной милиционер. Первым делом А. Колбановский попытался добраться до «заколдованного» Рогового острова, где якобы можно было увидеть «тени истуканов». Вечером 3 июля отряд отважных и, главное, несуетных путешественников, несмотря на колдовские чары, переплыл через Ловозеро и высадился на Роговом острове. Полторачасовое обследование его территории, однако, не дало никаких результатов. «На острове — поваленные бурями деревья, дико, никаких истуканов нет — тучи комаров. Пытались отыскать заколдованные олени рога, которые издавна — по легендам лопарским — потопили наступавших шведов. Эти рога насылают „погоду“ на всех, кто пытается приблизиться к острову с недобрыми намерениями (а также с целью обследования), особенно на женщин»[133]. В отчете о поездке ничего не говорится о том, удалось ли А. Колбановскому найти эти реликвии.

На другой день, вернее, ночью — очевидно, чтобы не привлекать к себе внимания — отряд двинулся к соседнему Сейдозеру. Обследовали загадочную «статую» «Старика» — выяснилось, что это «не что иное как выветренные темные прослойки в отвесной скале, издали напоминающие своей формой подобие человеческой фигуры». Такой же иллюзией оказалась на поверку и фигура «повара» на одной из вершин Сейдозерских скал. Но оставалась еще ка-

менная «пирамида», служившая одним из главных аргументов в пользу существования древней цивилизации. К этому «чудесному памятнику старины», видному издали, с южного берега Мотки — Губы, А. Колбановский, следуя за М. Распутиным, и отправился. И вновь неудача: «Подошли вплотную. Глазам представилось обыкновенное каменное вздутие на горной вершине».

Выводы А. Колбановского, развенчавшие все открытия А. В. Барченко, были опубликованы сразу же после окончания экспедиции мурманской «Полярной правдой» («Акт о следах так наз. „древней цивилизации в Лапландии“»). При этом редакция газеты в своем комментарии довольно язвительно охарактеризовала сообщения А. В. Барченко и его «группы» как «галлюцинации, занесенные под видом новой Атлантиды в умы легковерных граждан гор. Петрограда»[134] — очевидный намек на обсуждение мироведами результатов Лапландской экспедиции. Поэтому, публикуя отчет о повторном выступлении А. А. Кондияйна, редакционная коллегия «Журнала РОЛМ» сочла необходимым снабдить его подробным примечанием, в котором содержалась ссылка на итоги обследования А. Колбановского и, что еще более важно, отмечалось, что побывавшая в этих местах экспедиция А. Е. Ферсмана также «не нашла в них ничего археологического»[135]. Все это лишь укрепило позиции оппонентов А. В. Барченко среди питерских ученых.

Следы какой древней «Северной цивилизации» были обнаружены А. В. Барченко в глуши Ловозерских тундр? Ответ на этот вопрос в 1920-е годы не мог дать никто, и лишь в наше время ученый-энтузиаст В. Н. Демин, повторивший в 1997 г. маршрут Лапландской экспедиции, с уверенностью утверждает: Кольский полуостров — это легендарная Гиперборея, «колыбель и прародина человеческой цивилизации»[136]. Демину и его спутникам удалось вновь увидеть те загадочные — рукотворные, по внешнему виду, — памятники, которые более 70 лет тому назад так поразили А. В. Барченко и А. А. Кондияйна: мощеную дорогу-просеку среди чахлой арктической тайболы, ведущую к священному Сейд-озеру, площадку с каменным алтарем в конце нее для совершения какого-то ритуала, гигантское изображение-петроглиф на отвесной скале на противоположной стороне озера. В то же время участники этой новой экспедиции сделали и несколько собственных открытий. Например, они обнаружили некое сооружение, весьма напоминающее остатки древней обсерватории. Но насколько справедливы выводы современных ученых? Не принимают ли они, подобно исследователю Юкатана О. Плонжону, желаемое за действительное? Чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу В. Н. Демина, потребуются новые интенсивные исследования комплексного характера с привлечением самых разных специалистов — геологов, археологов, гидрографов, спелеологов и др. И такие исследования действительно ведутся и уже приносят некоторые плоды[137]. Для самого же А. В. Барченко Лапландская культура являлась одним из очагов высокоразвитой древней цивилизации, наравне с Шамбалой-Агартой. Согласно запискам Э. М. Кондияйна, местонахождение этого очага было также определено — «вычислено» — на глобусе А. А. Кондияйном при помощи «Универсальной схемы».

Интересно, что в опубликованной в 1999 г. книге «Загадки Русского Севера» В. Н. Демин попытался связать открытую им Гиперборею-Арктиду с мифической Северной Шамбалой. Впрочем, приводимые им аргументы в пользу такой гипотезы (лингвистические, литературо- и религиоведческие аналогии) не всегда убедительны. В то же время ученый предложил новую концепцию Шамбалы как некой «духовной реальности», существующей в нашем материальном мире. Шамбала, считает он, «может представлять некоторую информационно-энергетическую структуру, сопряженную с историей и предысторией человеческого общества и вместе с тем существующую независимо от него. Каждый человек в принципе способен пробудить в себе и развить способности, позволяющие уловить позымы Мировой Шамбалы — разлитого повсюду информационно-энергетического „моря“»[138]. Развивая далее эту идею, В. Н. Демин говорит об определенных точках на планете, «геологически приспособленных к приему информации, — поступающей из биосферы Земли, а также ближнего и дальнего Космоса». Эти точки — «сакральные центры концентрации Универсального знания», и в этом смысле можно говорить о существовании множества земных «шамбал». Находятся они, однако, не на поверхности земли, а в ее недрах — в горах, ущельях, пещерах, подземных пустотах, провалах (в том числе и заполненных водой) и т. д. Из этих-то энергоинформационных источников, по мнению В. Н. Демина, и черпали свои знания пророки и духовидцы всех времен и народов, включая создателей мировых религий, а также Н. К. и Е. И. Рерихов[139].

В начале 1923 г., по возвращении из Мурмана, А. В. Барченко выступил в Институте мозга с докладом, в котором представил результаты своих наблюдений над явлением «мерячения». Его сообщение вызвало большой интерес, как о том свидетельствует «Удостоверение», выданное А. В. Барченко институтом[140]. Вскоре после этого В. М. Бехтерев пригласил А. В. Барченко принять участие в работе созданной им годом ранее при институте Комиссии мысленного внушения во главе с А. К. Борсуком и Л. Л. Васильевым. В своих воспоминаниях Л. Л. Васильев сообщает поразительный факт — о сотрудничестве с комиссией ряда петроградских оккультистов:

«Главная особенность этой комиссии состояла в том, что в ее состав входили как представители от науки, так и adeпты оккультизма — спириты (Нилов, Лобода, врач Яблонский), теософы (Лихов, он же комендант здания института, в квартире которого комиссия и собиралась), реже бывали еще и другие оккультисты (Погорельский, тоже врач, Антоновский, биолог и журналист Барченко), писатель-нововедец Н. А. Энгельгардт и др.»[141].

Однако, как мы знаем, А. В. Барченко был не только, а вернее, не столько оккультистом, сколько ученым-исследователем, пытливым и самобытным. Подтверждением этому может служить тот факт, что в октябре 1923 г. специальная комиссия Главнауки (Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями Академического центра Наркомпроса РСФСР), при участии ее заведующего, старого большевика-каторжанина

Ф. Н. Петрова, и физика А. К. Тимирязева, заслушав несколько докладов А. В. Барченко на тему о «древнейшей восточной натурфилософии» (т. е. о «Древней науке»), признала его исследования «вполне серьезными и ценными не только в научном, но и в политическом отношении». В результате было принято решение: «углубить и поддержать исследования тов. Барченко путем немедленного предоставления ему из кредитов Главнауки средств на организацию биофизической лаборатории и подготовки должного Барченко материала к изданию»[142]. Таким образом, вполне можно утверждать, что исследования петроградского ученого-окультиста получили к этому времени не только известность, но и определенное признание официальной советской науки.

В это же время (конец 1923 г.) в жизни А. В. Барченко произошло еще одно счастливое событие — он вторично женился на одной из своих юных учениц и поклонниц Ольге. При этом А. В. Барченко не порвал отношений со своей первой женой Натальей, которая продолжала оставаться его помощницей и добрым другом.

10. Единое Трудовое Братство

Наряду с научно-эзотерическими исканиями, в центре внимания А. В. Барченко постоянно находились и проблемы нравственного самосовершенствования, ибо, по его представлению, высочайшие достижения «Древней науки» доступны лишь высоконравственному человеку. В этом смысле большое значение имело событие, происшедшее в 1923 г. Вернувшись из Лапландии, А. В. Барченко окончательно решил, что настало время для объединения учеников и единомышленников в некое эзотерическое братство — то, что ОГПУ впоследствии назовет «масонской организацией». Так в Петрограде появилось объединение адептов «Древней науки» — Единое Трудовое Братство (далее ЕТБ). Моделью для него послужило Единое Трудовое Содружество Г. И. Гурджиева, о котором А. В. Барченко слышал впервые от С. П. Шандаровского, одного из его бывших членов. Цель ЕТБ состояла в «изучении философии, истории мистики и нравственном усовершенствовании». «Проповедь непротивления, христианского смирения, помощь человеку в нужде, не входя в обсуждение причин нужды, овладение одним из ремесел, работа в направлении морального саморазвития и воспитание созерцательного метода мышления — в этом я видел ближайшие функции ЕТБ, ориентирующегося на мистический центр Шамбалу и призванного вооружить опытом „Древней Науки“ современное общество», впоследствии «признается» следователю Барченко[143]. Один из наиболее авторитетных питерских оккультистов, Генеральный секретарь Автономного Русского Масонства Б. В. Астромов, в своих показаниях весной 1926 г. упомянул «кружок доктора Барченко» среди известных ему «окультистских организаций» в Петрограде и тем самым косвенно подтвердил факт его существования. (Сын А. А. Кондияйна О. А. Кондияйн, однако, считает, что ЕТБ в действительности не существовало и является выдумкой сотрудников НКВД. Во всяком случае он не помнит, чтобы его мать Элеонора Максимилиановна когда-либо упоминала братство Барченко.) О руководителе кружка Б. В. Астромов сообщил, что «в свое время он бывал в обществе „Сфинкс“ и пытался с ним соединиться, но безуспешно». Назвал имена ближайших сподвижников А. В. Барченко — П. С. Шандаровского и А. А. Кондияйна. При этом отметил, что «среди оккультистов Барченко не пользуется хорошей репутацией», и в качестве примера сослался на распространение А. В. Барченко среди учеников рукописи, выдаваемой за свою, хотя она в действительности «есть не что иное, как плохой перевод с французского одной из книжек Элифаса Леви»[144].

Элифас Леви — настоящее имя Констан, аббат Альфонс-Луи (1810–1875) — знаменитый французский оккультист (каббалист), получивший при жизни прозвище «короля магов». В России начала века наибольшей известностью пользовались две его книги, переведенные с французского: «Тайны магии» (Варшава, 1909) и «Учение и ритуал высшей магии» (том 1: «Учение». СПб., 1910). Из других сочинений Элифаса Леви, не переведенных на русский, следует упомянуть *Philosophie occulte, 1re serie* (Paris, 1862) и *2em serie* (Paris, 1865), а также *Le Grand Arcane, ou l'Occultisme dévoilé* (Paris, 1898). Возможно, перевод одной из этих книг А. В. Барченко и распространял среди своих учеников.

О том, что представляло собой идеологически и организационно Единое Трудовое Братство, позволяют судить составленные А. В. Барченко морально-этический кодекс («Правила жизни») и устав ЕТБ. Из этих двух документов сохранился лишь первый, который заслуживает того, чтобы мы процитировали его целиком:

ПРАВИЛА ЖИЗНИ

- 1. Размышляя о Боге, помни, что понятие Бог можно выразить в числе — единицей, в геометрии — точкой. Геометрическая точка не имеет измерения, но, излучая энергию, она обнимает вселенную. Пружина обладает наибольшей мощью, будучи скрученной до совмещения с точкой.*
- 2. Цель не оправдывает средства.*
- 3. Не имей собственности ни в вещах, ни в супруге, ни в людях.*
- 4. Ноша в пути изнуряет, а что тяжелее золота?*
- 5. Неси свою ношу в гору на собственных плечах.*
- 6. Давай, не удручая просящего.*
- 7. Давай всегда сам в собственные руки.*
- 8. Считай себя должником того, кому ты имел возможность оказать помощь.*

9. Воровство — не только присвоение вещей, не принадлежащих тебе, но и хранение лишнего, не нужного тебе.
10. Не проходи мимо женщины с ребенком на руках без вопроса, не нуждается ли она в необходимом.
11. Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой.
12. При встрече с бедняком, с лицом, стоящим ниже тебя, голову обнажай первый; от богача, от лица, стоящего выше тебя, ожидай приветия.
13. Не сопротивляйся злу насилеи.
14. В личной защите не применяй иного оружия, кроме личного примера.
15. Смерти не бойся, но бойся оставить тело раньше чем то, что им управляет, окрепнув, не возмужало.
16. Самоубийство расценивается как дезертирство.
17. Убийство допустимо только в том случае, если это единственная возможность спасти большое число жизней.
18. Стремись вперед, чтобы подать руку отставшему.
19. Споткнувшись, не изнемогай, а шагай тверже.
20. Вникай в то, что тебе доверяют, чтобы совесть не угнетала тебя после.
21. Нет презренного ремесла, если из рук выходит то, что не вредит живому.
22. При встрече с воином, не кичись белизною своих рук.
23. Размышляя о том, какую специальность избрать сыну твоему, помни: посрамивший мудрецов ходил по земле плотником.
24. Помни, что ложь, грязнящая душу человека, душу ребенка делает калекой.
25. Отходя ко сну, дели поступки свои на 2 (положительные и отрицательные) и на 7 (планетных категорий: солнце, меркурий, венера, земля или луна, марс, юпитер, сатурн).
26. Никогда не прячься от солнца.
27. Два врача исцеляют — солнце и воздух.
28. Солнце — отец, Земля — мать; она родила тебе сестер и братьев там, где ты на ней обитаешь.
29. К супругу своему относись бережно, как к драгоценному сосуду — ты пьешь из него наслаждение.
30. Если супруг твой подойдет к пропасти, пусть заглянет в нее и измерит ее глубину, но пусть рука твоя будет тверда, чтобы вовремя удержать его от падения.
31. Из тины болот тянутся лилии, они белы.
32. Законам страны, в которой живешь, — подчиняйся. С властью трудящихся — сотрудничай.
33. Семья — кирпич, из которого строится здание государства.
34. Говорящему: «Один в поле не воин» — возражай: «Голос одного бодрствующего будит тысячу спящих».
35. Слабость — предмет не уважения, а искоренения.
36. Не отдавай себя в жертву одержимым шимнусами (злые духи), сытому, спящему сердцем.
37. Если ты озлословил человека, которому ты оказал помощь, то лучше бы ты его обокрал, ибо ты украл у него самое дорогое — доброе имя.
38. Не строй себе счастье за счет несчастья других[145].

О структуре ЕТБ мы знаем, главным образом, из показаний самого А. В. Барченко. Во главе организации находился Совет, состоявший из трех человек — Барченко, Кондияйна и Шандаровского. Все члены братства подразделялись на две степени — братьев и учеников. Для достижения степени брата требовалось выполнение ряда условий: «отказ от собственности, нравственное усовершенствование и достижение внутренней собранности и гармоничности»[146]. А. В. Барченко, впрочем, считал, что сам он до столь высокого уровня еще не поднялся. Никакой обрядности в братстве не существовало, в том числе и ритуалов посвящения. В то же время у ЕТБ имелась своя оригинальная символика. Символом брата служила «красная роза с лепестком белой лилии и крестом», означавшая «полную гармоничность». Знак Розы и Креста, по словам А. В. Барченко, он заимствовал у розенкрейцеров, а лилию — из позднесредневековых трактатов «Мадафана» («Золотой век восстановления») и «Универсальная сила музыки» Атанасиуса Кирхера[147]. Символ ученика — «шестигранная фигура со знаком ритма, окрашенная в черные и белые цвета» (также взятая у Кирхера). Смысл этого символа состоял в том, что ученик должен следить «за ритмичностью своих поступков». По уставу эти знаки следовало носить «на перстне, розетке или булавке, а также иметь на окне своего жилища» — «для отыскания других посвященных в знание „древней науки“». Кроме этого, Барченко имел личную печать, «составленную из символических знаков Солнца, Луны, Чаши и шестиугольника»[148].

Кто входил в созданное А. В. Барченко братство? Ответить на этот вопрос не просто, поскольку в следственных протоколах приводятся различные списки членов ЕТБ. Сам А. В. Барченко во время одного из допросов назвал следующие фамилии: Нилус (сотрудник Академии Наук), Алтухов (физик), Э. М. Кондияйн, Л. Н. Маркова-Шипелова, Ю. В. Струтинская, В. П. Королев, Ю. В. Шипелов (в то время оба обучались на монгольском отделении Петроградского Института Живых Восточных Языков), Николай Троньон («сов. служащий»), С. П. Шандаровский[149]. Любопытно, что в этом списке нет ни жены Барченко Наталии, ни А. А. Кондияйна, ни его знакомых из ПЧК — К. К. Владимирова, А. Ю. Рикса, Э. М. Отго, к которым в 1923 г. присоединился еще один чекист — Федор Карлович Шварц (Лейсмер-Шварц). (Не включая эту четверку в число членов ЕТБ, А. В. Барченко тем не менее называл их «покровителями братства», хорошо осведомленными о его деятельности.)[150] Впрочем, к началу 1924 г. ни один из названных «покровителей» уже не служил в ЧК. А. А.

Кондиайн в своих показаниях добавляет к этому списку еще несколько фамилий: А. К. Борсук, В. П. Кашкадамов, Л. Л. Васильев, Н. В. Лопач, М. Г. Лазарева, К. И. Поварнин (психолог), Н. Д. Никитин (писатель, один из «Серапионовых братьев»), а также «лично завербованных» им самим В. И. Песецкого (из общества «Мироведения», работавшего в начале 1920-х библиотекарем Оптического института) и ботаника П. Е. Васильковского [151].

Но можно ли действительно считать всех этих людей членами ЕТБ? Едва ли, ибо следователи, несомненно, стремились расширить «масонскую организацию» А. В. Барченко путем включения в нее как можно большего числа лиц. Анализ следственных материалов позволяет выявить ближайшее окружение А. В. Барченко — его друзей и единомышленников, которые, по-видимому, и составляли костяк братства. Это П. С. Шандаровский, А. А. и Э. М. Кондиайны, Ю. В. Струтинская, Л. Н. Шишелова-Маркова, Ю. В. Шишелов, В. Н. Королев, а также обе его жены — Наталья и Ольга. Что касается названных выше деятелей науки, то известно, что после возвращения из экспедиции А. В. Барченко довольно тесно общался со многими учеными, прежде всего с сотрудниками бехтеревского Института мозга, такими как сам академик В. М. Бехтерев, В. П. Кашкадамов, А. Л. Борсук и др. Это обстоятельство, однако, не является достаточным основанием, чтобы причислять всех их к Единому Трудовому Братству. В то же время показания А. А. Кондиайна свидетельствуют о том, что А. В. Барченко действительно пытался привлечь некоторых ученых к своему кружку. Личность и идеи А. В. Барченко, несомненно, импонировали многим его коллегам, которых, наверное, правильнее было бы назвать «сочувствующими», нежели фактическими членами братства. Э. М. Кондиайн вспоминает в своих записках: «Александр Васильевич как лампа мотыльков притягивал самых интересных людей. Многие профессора (Бехтерев, Кашкадамов, Капица и др.) очень интересовались достижениями Древней науки. Часто собирались они у него, где он проводил интереснейшие беседы» [152].

В конце лета (или осенью) 1923 г. А. В. Барченко неожиданно поселился в монашеском общежитии при буддийском храме в Старой Деревне. (С конца 1922 по 1936 гг. храм вместе с прилегающими к нему постройками являлся резиденцией Тибетской и Монгольской миссий, учрежденных А. Доржиевым под эгидой НКВД.) Проживание бок о бок с ламами — членами «желтошапочного» братства Гелуг, несомненно, обогатило А. В. Барченко ценным духовным опытом и, возможно, послужило дополнительным стимулом к созданию ЕТБ. В то же время благодаря ламам А. В. Барченко смог непосредственно познакомиться с основами универсальной буддийской науки Дуйнхор.

По иронии судьбы, неформальное и, следовательно, нигде не зарегистрированное «трудовое братство» А. В. Барченко возникло в тот самый год, когда в Петрограде навсегда прекратило свое существование Российское Теософическое Общество, именовавшееся «Всемирным Братством». На обстоятельствах его ликвидации хотелось бы остановиться чуть подробнее, поскольку они дают представление о методах борьбы большевиков с идеологическими оппонентами.

Итак, РТО было взято на учет властями в числе других общественных организаций, впервые 9 декабря 1919 г., когда оно и получило свое новое название [153]. О какой-либо активной деятельности питерских теософов в послереволюционные годы, разумеется, едва ли можно говорить. Первый конфликт Общества с новым режимом произошел в январе 1921 г., когда Петрушка попыталась выселить Всемирное Братство из его штаб-квартиры, фактически принадлежавшей А. А. Каменской (кв. 24 по ул. Марата 66/22). Довольно неожиданно в защиту РТО тогда выступила Главнаука в лице своего петроградского уполномоченного, либерально настроенного М. П. Кристи. 15 февраля 1921 г. М. П. Кристи выдал Обществу удостоверение, гласившее, что оно зарегистрировано в числе «ученых обществ», подведомственных Петроградскому Акцентру [154]. В результате власти были вынуждены оставить РТО в покое — по крайней мере на время. Однако уже осенью 1921 г. — вскоре после отъезда А. А. Каменской — отдел недвижимого имущества Совета Губкомхоза начал еще более настойчиво добиваться выселения РТО на том основании, что оно «в течение двух лет не проявляет никакой деятельности оставляет занимаемое мебелью и книгами помещение абсолютно без всякого присмотра и не принимает мер к поддержанию его в порядочном и благоустроенном виде» [155]. В этой ситуации, пытаясь реанимировать Общество, его новое правление приняло решение об устройстве в начале декабря «открытого собрания», при этом планировалось, что один из членов РТО, А. В. Королькова, выступит на нем с докладом о сущности теософии. Однако для проведения такого «мероприятия» требовалась санкция властей — лекционного подотдела Губоно. Чиновники же этого учреждения на просьбу теософов ответили отказом, мотивируя свое решение «необходимостью борьбы с религиозными предрассудками». Таким образом, губкомхозовцы одержали важную победу и в январе 1922 г. РТО пришлось перебраться на другую квартиру (3-я Рождественская, 7, кв. 12).

Столь же неуспешными оказались и попытки перерегистрации общества в соответствии с новым советским законодательством в 1922 г. Камнем преткновения на этот раз стал устав РТО, вызвавший серьезные возражения Губполитпросвета (одной из структур Губоно), опять-таки по идеологическим соображениям. В отзыве этого учреждения от 27 декабря 1922 г., в частности, говорилось: «Губполитпросвет, ознакомившись с уставом Т. О. (и на основании общего знакомства с его предшествующей деятельностью), высказывается за отклонение его регистрации, т. к. его работа находится в полном противоречии с идеями, положенными в основу политпросвет. работы» [156]. А вскоре после этого — всего лишь через месяц с небольшим (9 февраля 1923 г.) — местная администрация приняла решение о закрытии «Всемирного Братства» [157].

11. Учителя

«Встречи с замечательными людьми» (Meetings with remarkable men) — так Г. И. Гурджиев озаглавил книгу своих воспоминаний, в которой рассказывает о людях, оказавших на него наибольшее влияние в годы духовного становления, по сути таких же, как и он, «искателях Истины». Подобные встречи были, конечно же, и у нашего героя. В 1923–1924 гг. судьба свела А. В. Барченко с несколькими «замечательными людьми», общение с которыми значительно расширило его представления о традиции эзотерических знаний и обогатило рядом свежих идей. Это были прежде всего бывший ученик Г. И. Гурджиева, уже упоминавшийся ранее П. С. Шандаровский, монгол Хаян (Хиян) Хирва и тибетец Нага Навен — «восточные ученые», как их называет сам А. В. Барченко, и, наконец, странник-юродивый из Юрьевца Михаил Круглов. О них и пойдет речь в этой главе.

Петр Сергеевич Шандаровский (р. 1887) был хорошо известен до революции в оккультистских кругах Северной столицы. Сын военного сановника — его отец С. П. Шандаровский занимал в начале 1900-х пост уездного воинского начальника в Могилевской губернии, — он окончил юридический факультет Петербургского университета. В предреволюционные годы служил по Военному ведомству (был кодировщиком в кодировальном отделе), однако свое истинное призвание видел в занятиях наукой и искусством. После революции П. С. Шандаровский читал лекции и работал художником-оформителем. (Во время ареста в 1927 г. на вопрос следователя о профессии он ответил: «художник — научный работник».) Предметом научных интересов П. С. Шандаровского являлась идеография, точнее, международное идеографическое письмо. Со своими исследованиями в этой области П. С. Шандаровский, по собственному признанию, познакомил А. В. Луначарского, который затем направил его в Музейный отдел Наркомпроса. Там П. С. Шандаровскому посоветовали обратиться к кому-нибудь из специалистов Эрмитажа, что он и сделал[158].

С П. С. Шандаровским А. В. Барченко познакомился совершенно случайно — хотя бывают ли такого рода встречи случайными? — зимой 1922–1923 гг. Э. М. Кондиайн в своих записках рассказывает об этом так:

«Однажды зимой Ал. Вас. стоял перед витриной магазина и рассматривал узор на выставленном восточном ковре, где имелись элементы Универсальной Схемы. Рядом стоит какой-то гражданин, уже не молодой, худощавый и тоже рассматривает этот ковер. А. В. обращается к нему: „Это Вам что-нибудь говорит?“ А тот рисует ногой на снегу какую-то геометрическую фигуру и спрашивает: „А это Вам что-нибудь говорит?“ А. В. ботинком на снегу тоже изображает какую-то фигуру... Так, обменявшись чертежами, они пошли вместе. Шандаровский просидел с Ал. Вас. в комнате всю ночь. Наташа (жена Барченко) им только изредка чай приносила. Они сидели почти молча, но за ночь целую кипу бумаги цифрами исписали. Иногда из комнаты выскакивал Ал. Вас., взволнованный, восторженный. Снимал пенсне, ворошил волосы, протирал покрасневшие глаза и издавал восторженные восклицания»[159].

Важность этой встречи, по словам Э. М. Кондиайн, состояла в том, что П. С. Шандаровский познакомил А. В. Барченко с «числовым механизмом» Древней Науки. В дальнейшем между ними установились тесные отношения. П. С. Шандаровский часто заходил к А. В. Барченко, а после того, как последний поселился в ламском общежитии при буддийском храме, он стал регулярно навещать его там. (Сам Петр Сергеевич также имел немало знакомых среди лам.) Во время одной из встреч с А. В. Барченко П. С. Шандаровский поведал ему о том, что его учитель Г. И. Гурджиев, к тому времени уже выехавший из России вместе с группой учеников, обладал «некоторыми знаниями древней науки», полученными в Кафиристане. А также рассказал о создании Г. И. Гурджиевым перед самой революцией «Единого Трудового Содружества», объединявшего его последователей в Москве, Петрограде и Тифлисе (речь, по видимому, идет о гурджиевском «Институте гармоничного развития человека»). От П. С. Шандаровского же А. В. Барченко узнал о других учениках Г. И. Гурджиева, оставшихся в России, — С. Д. Меркурове (его двоюродном племяннике, известном скульпторе), Шишкове и Жукове. Все они проживали в Москве, и впоследствии А. В. Барченко постарается установить с ними контакт.

Не менее важным было и знакомство А. В. Барченко с восточными учителями — представителями «Великого Братства Азии»; некоторые из них, по его словам, «лично побывали в Шамбале». Именно они и стали для него главным источником сведений о тантрической системе «Дуйнхор» (Калачакра-тантре). Особенно часто на допросах А. В. Барченко упоминал два имени: тибетца Нага Навена (Навана) и монгола Хаян Хирвы. Нага Навен являлся наместником Западного Тибета (провинция Нгари). В Россию приехал в 1923 г., как кажется, по собственной инициативе (а следовательно, втайне от Лхасы) для ведения переговоров с советским правительством. И это по сути все, что мы знаем о нем.

«Нага Навен осведомил меня, что он прибыл для личного свидания с представителями советского правительства, чтобы добиться сближения Западного Тибета с СССР. Он сказал, что Далай-лама все больше сближается в Восточном Тибете с англичанами, а население и ламство Западного Тибета против союза с англичанами, что вследствие этого ламство массами эмигрирует во Внутреннюю Монголию и далее в Улан-Батор, что духовный глава Тибета Панчен-Богдо также обнаруживает оппозицию Далай-ламе и что в связи с этим создаются исключительные возможности для установления самых тесных отношений, как политических, так и культурных, между СССР и Западным Тибетом, через Южную Монголию.

Нага Навен указал, что политическую сторону этого вопроса он надеется осветить советскому правительству и Коминтерну через Чичери-

на. Далее Нага Навен сообщил мне ряд сведений о Шамбале как о хранилище опыта доисторической культуры и центре „Великого Братства Азии“, объединявшего теснейшим образом связанные между собой мистические течения Азии»[160].

Несмотря на глубокую озабоченность Москвы политической активностью Великобритании в Азии, в особенности ее экспансией в отношении Тибета, советские вожди не могли приветствовать сепаратизма Нага Навена, предпочитая в этой ситуации более решительное воздействие на колеблющегося Далай-ламу. С этой целью в августе 1923 г. Политбюро, по предложению Г. В. Чичерина, решило отправить в Лхасу секретную дипломатическую миссию во главе с бывшим коминтерновцем (незадолго до того перешедшим в восточный отдел НКВД) С. С. Борисовым, который должен был предложить Далай-ламе советскую помощь в различных областях (прежде всего в военной)[161]. Таким образом, в то время как А. В. Барченко мирно беседовал с тибетским сановником в дацанском общежитии на окраине Петрограда, в Москве полным ходом шла подготовка к отправке в Тибет, под видом буддийских паломников, группы советских эмиссаров, состоявшей в основном из лиц бурятско-калмыцкого происхождения. Поэтому Г. В. Чичерин благоразумно уклонился от встречи с Нага Навеном, и последний спустя некоторое время выехал из России. А. А. Кондияйн об этом тибетце рассказывал следующее:

«В 1923–25 гг. в Ленинграде в здании Тибетской миссии (в Новой Деревне) проживал представитель центра Шамбала — некто Нага-Наван. Барченко имел с ним регулярные встречи в Тибетской миссии и у меня на квартире (Малая Посадская, 9/2, кв. 49). Нага-Наван предпринял ряд поездок по Союзу и в 1925 г. уехал в Китай — выехал работать в китайскую армию в качестве инспектора по заданию Центра»[162].

Еще одним «эмиссаром Шамбалы» в России являлся Хаян-Хирва — личность довольно темная. Член ЦК МНРП, он занимал в Монголии в то время весьма ответственный пост начальника Государственной Внутренней Охраны (монгольский аналог ГПУ). По словам А. В. Барченко, Хаян-Хирва, узнав от дацанских лам о том, что он «разрабатывает систему Дюнхор», явился на квартиру Кондияинов в Петрограде (где А. В. Барченко проживал со своей семьей). О себе заявил, что хотя сам не является авторитетом в этой системе, но имеет о ней конкретное представление. Впоследствии он неоднократно встречался с Барченко в Москве и там же связался с Нага Навеном[163], что недвусмысленно говорит о том, что монгольский чекист проявлял определенный интерес к обоим.

В общежитии при буддийском храме летом 1923 г. проживало немало и других лиц, гораздо более сведущих в науке Дюнхор, чем Нага Навен и Хаян Хирва. Например, уже известный нам Хамбо Агван Доржиев, глава Тибетской миссии в СССР, и его заместители бурятский лама Бадма-Намжил Очиров и калмыцкий «гелонг», в прошлом личный секретарь Далай-ламы, Лувсан Шараб Тепкин (Тепкин). Оба они обучались в Лхасе около 12 лет и имели высшую ученую степень «лхарамба», так же, как и сам Доржиев. В Россию Очиров и Тепкин вернулись осенью 1922 г. вместе с «разведывательной экспедицией» Василия Хомутникова (отправленной Наркоминделом совместно с Коминтерном в Тибет годом ранее для восстановления отношений с этой страной) и были затем зачислены Доржиевым в штат сотрудников Тибетской миссии. Лувсан Тепкин, между прочим, будет избран в 1925 г. Шажин-ламой — главой буддийской церкви Калмыкии, фактически последним перед ее разгромом в начале 1930-х[164].

А. В. Барченко, впрочем, на допросе в 1937-м, говоря о своем проживании в «ламаистском дацане» в Ленинграде, назвал имена лишь двух лам, с которыми он завязал «непосредственные отношения», — Агвана Доржиева и некоего Джигмата Доржи. Речь, по-видимому, идет о ламе Ацагатского дацана, буряте Джигме Доржи Бардуеве, также получившем высшее богословское образование в Лхасе. Этот лама вскоре снова отправился в Тибет, на этот раз в составе секретной советской экспедиции в качестве переводчика и связного С. С. Борисова.

Встреча А. В. Барченко с еще одним учителем, костромским крестьянином Михаилом Кругловым, произошла чуть позднее, весной 1924-м. Круглов вместе с несколькими членами одной из сект «искателей Беловодья» пришел пешком в Москву, где и познакомился с Барченко, по-видимому, совершенно случайно в одной из ночлежек. (А. В. Барченко во время поездок в столицу обыкновенно останавливался не в гостиницах, а в ночлежных домах, поскольку там можно было встретить очень интересных людей.) В письме бурятскому ученому Гомбожабу Цыбикову А. В. Барченко рассказывал об этой встрече так:

«Эти люди значительно старше меня по возрасту и, насколько я могу оценить, более меня компетентны в самой универсальной науке и в оценке современного международного положения. Выйдя из Костромских лесов в форме простых юродивых (нищих), якобы безвредных помешанных, они проникли в Москву и отыскали меня, служившего тогда (в 1923–24 гг.) в качестве научного сотрудника Главнауки. Посланный от этих людей под видом сумасшедшего произносил на площадях проповеди, которых никто не понимал, и привлекал внимание людей странным костюмом и идеограммами, которые он с собой носил»[165].

Михаила Круглова, как рассказывает далее А. В. Барченко, несколько раз арестовывали — «сажали в ГПУ, в сумасшедшие дома». Однако, убедившись, что его «безумие» вполне безвредно, отпускали на свободу. В этом же письме Г. Ц. Цыбикову А. В. Барченко часто использует две из кругловских идеограмм. В одной из них легко угадывается написанное искаженным тибетским курсивом слово «дуйнхор», за которым следует мистический треугольник с точкой посередине. Другая идеограмма соответствует по смыслу слову «Шамбала». (Отметим попутно, что загадочные идеограммы М. Круглова, по-видимому, и послужили предметом специального идеографического исследования С. П. Шандаровского.)

Круглов затем несколько раз приезжал к А. В. Барченко в Ленинград. Вот как вспоминала об этом Э. М. Кондияйн:

«Явился к нам как-то пешком из Костромской обл[асти] мужик, Круглов Михаил Трофимыч. Неизвестно как он прослышал про Ал. Вас-а. Принес он целую кучу совершенно необычных изделий из дерева, обклеенных цветной бумагой, разными геом[етрическими] фигурами, знаками и надписями. Там была шестигранная корона, которую Михаил Трофимович надевал, в руку брал скипетр и всякие другие атрибуты, был у него и небольшой гробик.

Говорил он скороговоркой стихами, которые тут же слагал. Он жил у нас два недели по две и был совершенно нормальный. Бывал он в Москве в психиатрической б[ольни]це. Своим бормотанием и дерзкими выходками перед врачами и аудиторией студентов, где его демонстрировали как умалишенного, он очень ловко имитировал больного. А был он самый нормальный человек, только что говорил часто стихами.

Один древний старик в Костроме научил его изготавливать эти свои изделия, а быть может, он их у него похитил. Вид у вещей был старый. И велел-де ему старец носить эти вещи и показывать людям и всегда ходить пешком.

В психиатрическую б[ольни]цу он приходил, как на постоянный двор. Его там всегда охотно принимали.

Его стихи я, к сожалению, забыла.

В памяти сохранились лишь две забавные строчки:

***Реет знамя трудовое
над советскою странюю***

и

***Все мы тут померим
и все мы тут поверим»***[166].

Учителем М. Круглова Э. М. Кондияйн называет известного костромского старца Никитина. О его смерти в 1925 г., между прочим, сообщил Н. К. Рерих в книге о своем большом центральноазиатском путешествии («Сердце Азии»): «Совсем недавно в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими, обычно охраняемыми в тайне вопросами»[167].

12. Коммуна на улице Красных Зорь

В конце 1923 г. — после создания ЕТБ — А. В. Барченко поселился на квартире у Кондияйнов в доме на углу улицы Красных Зорь (Каменоостровский проспект) и Малой Пасадской (дом 9/2). Это здание, построенное архитектором М. С. Лялевичем в стиле неоренессанса, находилось прямо напротив увеселительного сада «Аквариум», на месте которого вскоре возникнет киностудия «Ленфильм». Вместе с А. В. Барченко здесь разместилась и его «большая семья» — жены Наталья и Ольга, а также ученицы Юлия Струтинская и Лида Шишелова-Маркова. В той же квартире со счастливым номером 49 нашли временный приют еще два человека: Ф. Е. Месмахер — двоюродный брат Э. М. Кондияйн, возвратившийся в 1923 г. из Бухары, где воевал с басмачами, а затем занимал какой-то ответственный пост в большевистском правительстве, и осенью 1924 г. подруга Э. М. Кондияйн Татьяна Александровна Спендиарова, дочь известного композитора А. А. Спендиарова, в будущем поэтесса и переводчица. (В доме Спендиаровых в Судаче Э. М. останавливалась летом 24-го и тогда же подружилась с дочерью композитора Татьяной.) Таким образом, в конце 1924 г. в трехкомнатной квартире Кондияйнов проживало десять человек, включая их малолетнего сына Олега.

В этой добровольной «коммуналке», ставшей штаб-квартирой ЕТБ, происходило много интересного. Сюда, чтобы встретиться с А. В. Барченко, приходили именитые ученые, такие как В. М. Бехтерев и В. П. Кашкадамов, его восточные «учителя» Хаян-Хирва и Нага Навен, патронировавшие братство бывшие чекисты (или «чекушники», как их иронично называла Э. М. Кондияйн) с К. К. Владимировым во главе, учащая молодежь и множество другого народа. Так, однажды в квартире появилась балерина-любительница, удивившая всех своими «планетными танцами». Облачившись в легкую тунику на греческий манер, босиком, она стала изображать «планетные знаки». Особенно выразительно танцовщица представила солнце, скрестив над головой руки и растопырив веером пальцы.

Жили обитатели этой необычной квартиры — адепты Древней науки — в каком-то своем особом мире — «прекрасном и яростном», где невероятное прошлое сталкивалось и переплеталось с еще более невероятным настоящим, охваченные единым порывом, ощущением ритмов совершенной космической гармонии, с верой в счастливое светлое будущее. Их жизнь с внешней стороны была предельно аскетична. Всю дорогую мебель, доставшуюся Э. М. Кондияйн по наследству от родителей, она отдала своим теткам. Кондияйны оставили себе только чертежный стол М. Г. Месмахера, несколько стульев, две железные кровати из людской и пианино. Однако кровати и два венских стула вскоре отнесли на толкучку и стали спать прямо на полу на матрацах. А затем, когда потребовались деньги на поездку в Крым, чтобы подлечить больную ногу Э. М. Кондияйн, продали и пианино. Когда у Кондияйнов поселился А. В. Барченко, он смастерил деревянные лавки, полки и столик для работы. Себе с женой А. В. Барченко сколотил топчан. Остальные спали на полу на войлоках. Впрочем, подобный аскетизм был вполне в духе времени и потому никого особенно не тяготил.

Единственной собственностью А. В. Барченко, по воспоминанию Э. М. Кондияйн, были книги, готовальня и пишущая машинка, на которой Юлия Струтинская печатала его научные труды. «Ходил он в старом полушубке, туго подпоясанном ремнем, старой офицерской фуражке без кокарды, и в хороших хромовых сапогах, всегда идеально начищенных». Обручальные кольца — свое собственное и жены Ольги — А. В. Барченко «отдал в ночлежку на покупку гостинцев для ребят на елку». Вообще А. В. Барченко часто заглядывал в городские ночлежки — каждый год беспризорным детям «устраивал елку с гостинцем». Э. М. Кондияйн рассказывала, что ее муж и А. В. Барченко постоянно приводили с улицы беспризорников и оставляли на какое-то время у себя, в квартире-коммуне. Потом питерских гаврошей устраивали в детдом или в интернат.

«Мы жили одной семьей или, вернее, коммуной. У нас все было общее. Мы, женщины, дежурили по хозяйству по очереди по неделе. За столом часто разбирали поведение того или другого, его ошибки, дурные поступки. В начале мне трудно было к этому привыкнуть, но, привыкнув, поняла, как это хорошо, какое получаешь облегчение, когда перед дружеским коллективом сознаешься в своем проступке. По вечерам за столом А. В. иногда читал нам стихи Некрасова, Пушкина, Есенина, Ал. Блока, Жизнь Джордано Бруно, Ганди. Любил он и умел рассказывать анекдоты. <...> Один раз он посвятил нас в розенкрейцеры без всякой таинственности и мистики»[168].

Э. М. Кондияйн также упоминает о застольных беседах А. В. Барченко. Темы их были самые разные — гипноз, телепатия, спиритизм, хиромантия, теософия, политика, астрономия, медицина. «Делали мы и опыты по передаче коллективной мысли. Один раз мы произвели спиритический сеанс, устроили цепь вокруг легкого деревянного столика. Он (стол) сначала стукнул ножкой, потом поднялся, т[ак] ч[то] мы все вынуждены были встать и поднять руки до уровня головы. А. В. разомкнул цепь и стол упал на пол на свои ножки». Сеанс этот — «при дневном свете» — по всей видимости был устроен Барченко, чтобы показать, что в спиритизме нет никакой мистики. Будучи убежденным материалистом, А. В. объяснял «спиритические явления» тем, что при сцеплении рук образуется замкнутая электромагнитная цепь. «Каждый человек носит в себе электромагнитный заряд. Одна половина тела носит положительный, а другая отрицательный заряд. Электромагнитный заряд нарушает силу притяжения земли. Предмет, окруженный цепью, теряет свой вес. Самые слабые импульсы человека могут его сдвинуть. Так начинает двигаться блюдечко»[169].

Что же касается ответов на вопросы, якобы получаемых из потустороннего мира, то их, по убеждению А. В. Барченко, дают не духи умерших людей, а подсознание самих участвующих в спиритическом сеансе. Концентрируя свое внимание на каком-то одном предмете, люди усыпляют сознание и тем самым пробуждают подсознание.

Здесь же, в квартире Кондияйнов, А. В. Барченко в конце 1923 г. оборудовал специальную лабораторию, по образцу той, в которой он в 1911 г. ставил опыты с N-лучами. «У нас в квартире был темный коридор, рассказывает Э. М. Кондияйн. В нем А. В. огородил фанерой лабораторию с полками. Все было выкрашено черной клеевой краской»[170]. В этой «черной лаборатории» ученые производили всевозможные опыты, в том числе и телепатические, по усовершенствованной А. В. Барченко методике. Тамиил фотографировал их результаты — появлявшиеся на экране мыслеформы в виде различных фигур, и затем изготавливал черно-белые и цветные диапозитивы.

Постоянными гостями квартиры-коммуны, как уже говорилось, были «чекушники» — К. К. Владимиров, Рикс и Отто. В спиритических сеансах и прочих «опытах» они, однако, участия не принимали, предпочитая наблюдать за происходящим со стороны. В 1923 г. к этой троице присоединился еще один бывший сотрудник Петрочека — Карл Федорович Шварц («Карлуша»), у которого в дальнейшем установятся теплые дружеские отношения с обоими учеными.

О. А. Кондияйн (сын А. А. Кондияйна) вспоминает это время в таких словах: «Широкоплечий, довольно высокого роста, с копной седеющих волос и неизменным пенсне на носу, Барченко был прирожденным лидером, и все беспрекословно подчинялись ему... Он часто уезжал от нас, а когда возвращался, сразу же начинал наводить порядок. Распределял обязанности — устанавливал часы для работы, для отдыха, для бесед — все это было жестко регламентировано. Он требовал от всех неукоснительного соблюдения распорядка дня». В этой строгости, однако, можно усмотреть некий общий принцип: стремление гармонизировать жизненные ритмы человека с ритмами Природы и Космоса.

Назвав свое братство трудовым, Барченко с самого начала стремился вовлечь его членов в полезную трудовую деятельность, поскольку считал труд мощным средством нравственного совершенствования, наиболее эффективным способом достижения человеком «внутренней собранности и гармоничности». В этом он, очевидно, следовал примеру «трудового содружества» Г. И. Гурджиева. Э. М. Кондияйн вспоминала об этом периоде:

«Время было трудное во всех отношениях. И А. В. Барченко решил нас, женщин, научить ткацкому ремеслу. Мы несколько раз ходили к одной частной ткачихе. У нее дома был ткацкий станок. Она нас познакомила с этим искусством. Но купить станок нам не удалось. Дело заглохло».

Пробовали женщины, опять же по подсказке А. В. Барченко, заниматься и швейным делом, для чего поступили на курсы кройки и шитья. Правда, и здесь дело как-то не заладилось, и в конце концов на курсах осталась лишь одна Наталья. Учил Барченко своих учеников и учениц и плотницкому делу — работать топором и рубанком, поскольку сам был отличным плотником. По его совету Кондияйны купили впоследствии своему сыну маленький

верстак. (Любопытная параллель: в это же самое время созданная Г. И. Гурджиевым интернациональная воспитательно-трудовая коммуна самоотверженно трудилась на землях Авонского замка в окрестностях Фонтенбло.)

13. Универсальная Схема

Почти полвека спустя, пройдя через лагеря и ссылку — горький опыт большой Советской Коммуны, — Э. М. Кондиайн, вспоминая годы, проведенные в Обществе А. В. Барченко, скажет: «Это было удивительное время ежедневных великих открытий!» Именно так воспринималась друзьями и сподвижниками А. В. Барченко его работа, которой он самозабвенно отдавался вместе с Тамиилом. Ученый беспрестанно генерировал идеи — невероятные, парадоксальные, ломающие рамки сложившейся научной парадигмы, увлекаая ими окружающих, и его преданный помощник тут же начинал подкреплять их точными математическими расчетами и выкладками. Эта лихорадочная работа двух энтузиастов представляла собой странное, кажущееся совершенно невозможным, соединение строгой, позитивной науки и эзотерических знаний.

«Оба они работали над тем, чтобы проверить и подтвердить достижениями современной науки положения и универсальные законы Древней Науки. Их исследования распространялись на все области науки и искусств: астрономию, химию, физику, минералогию, геологию, медицину, биологию, ботанику, архитектуру, историю, теорию музыки, морских и воздушных течений. Всюду применялась Универсальная Схема»[171].

В записках Э. М. Универсальная Схема (далее УС) упоминается довольно часто. С ее помощью А. В. Барченко и А. В. Кондиайн, как уже говорилось выше, определили на глобусе местоположение центров «доисторической культуры». Эту же схему они «наложили» на рисунок внутренних органов человека и выявили их связь с определенными минералами и металлами. При «наложении» УС на снимок фасада Реймского собора выяснилось, что-схема была хорошо известна средневековым зодчим в Западной Европе, но ее также знали и строители русских православных соборов. Элементы все той же УС, как мы помним, А. В. Барченко и П. С. Шандаровский обнаружили и в «геометрических» орнаментах восточных ковров. Но что такое эта загадочная Универсальная схема?

Речь, по-видимому, идет об «Археометре» Сент-Ива — мистической диаграмме, представляющей собой «ключ ко всем религиям и наукам древности, а также к универсальной религии и универсальной науке»[172]. Археометр, или «археометрическая планисфера», это некое устройство, состоящее из подвижных концентрических окружностей, в которые вписаны различные «элементы соответствий» — буквы древних алфавитов, ноты, цвета, знаки планет и другие символы. (В записках Э. М. Кондиайн читаем: «Вычертили и вырезали из картона с Тамиилом вращающуюся Универсальную Схему».) Над созданием этого загадочного инструмента — ключа к «синтетическим знаниям» древних — Сент-Ив трудился около 15 лет, почти до конца 1890-х. Археометр появился на свет, по мнению одного из биографов Сент-Ива Ж. Годвина, в результате шести откровений, полученных досточтимым мэтром оккультизма в разное время. Так, индийский гуру Харджи Шариф, обучавший Сент-Ива санскриту, открыл ему алфавит универсального языка «ваттан», происходящего из Агарты. Другим источником тайных знаний для мистика послужила душа умершей в 1895 г. супруги, графини Мари-Виктуар Келлер. Смерть любимой жены настолько потрясла Сент-Ива, что, как рассказывают, он устроил в ее комнате маленькую часовню, где неистово молился и где ему являлась в видениях усопшая. В 1897 г. в день Пасхи Сент-Ив «получил» от своего «Ангела Света», как он называл Мари-Виктуар, некую «Таблицу соответствий», названную им по начальной строке одного из библейских псалмов «Coeli enarrant» («Небеса проповедуют...»). Эта таблица и другие «откровенные» знания и легли в основу Археометра. 26 сентября 1900 г. ученик Сент-Ива, знаменитый французский оккультист и глава мартинистского ордена Жерар Энкокс (Папюс), произвел публичную демонстрацию Археометра на Международном конгрессе спиритов и спиритуалистов в Париже. Папюс же после смерти учителя в 1909 г. взял на себя труд и по изданию трактата об «Археометре» (1911–1912)[173]. Напечатанная книга, однако, не являлась законченным произведением, но представляла собой компиляцию фрагментов, обнаруженных в архиве Сент-Ива. Состояла она из 3 частей: обширного теоретического введения с подзаголовком «Истинная мудрость», подробного описания Археометра и раздела, посвященного его оперативному применению.

Говоря об истории создания этого «инструмента», нельзя не упомянуть его «предшественников», наиболее известными из которых являются «Ars combinatoria» (Соединение искусств) Раймунда Луллия, астрологические сферы Гийома де Карпентра, «Прогнометр» Вронского и планиметрическую сферу Адольфа Бертэ. Эти более ранние универсальные схемы, возможно, и вдохновили Сент-Ива на создание собственного «ключа» к эзотерическим знаниям древних. Здесь, однако, необходимо сделать небольшое отступление, чтобы чуть ближе познакомить читателя с жизнью и творчеством одного из крупнейших европейских оккультистов и мыслителей конца XIX — начала XX вв.

Александр Сент-Ив (1842–1909) родился и вырос в католической семье. Недовольство традиционной системой образования довольно рано привело его к конфликту со своим окружением. Мировоззрение юноши сформировалось в основном под влиянием одного из его наставников — католика Фредерика де Метца. После недолгой службы в морском флоте в Бресте Сент-Ив поселился на англо-нормандских островах. Здесь он посещал общество иллюминатов, где участвовал в спиритических сеансах вместе с Виктором Гюго. Сюда, привлекаемый славой Гюго, часто навещался и сам де Метц, который внушил своему питомцу мысль о необходимости вернуть Франции утраченный «социальный завет». К этому же периоду относится и знакомство Сент-Ива с

трудами знаменитого эзотерика-каббалиста Фабра д'Оливе, в том числе с его монументальным сочинением — «Восстановленный еврейский язык» (La langue hebraïque restituée), раскрывающим сакральные основы древне-еврейского языка.

После разгрома Парижской Коммуны в 1871 г. Сент-Ив поселился в Париже, где поступил на службу в Министерство внутренних дел. Издал несколько сборников своих стихов, которые, впрочем, не принесли ему поэтической славы. В 1877 г. в Лондоне Сент-Ив вступил в брак с 50-летней русской графиней Марией Викторовной Келлер (ур. Ризнич). Это событие стало переломным в жизни мелкого чиновника и неудачливого поэта. Оставив службу, Сент-Ив купил в Италии титул маркиза д'Альвейдра и занялся социально-эзотерическими исканиями и литературным творчеством. Около 1880 г. он получил от своих индийских гуру посвящение в некое тайное знание. Вскоре после этого одна за другой были опубликованы пять книг его знаменитых «миссий»: Миссия соверенов (1882), Миссия рабочих (1883), Миссия евреев (1884), Миссия Индии в Европе (1886) и Миссия французов (1887). В этих книгах Сент-Ив д'Альвейдр пытался раскрыть сокровенный смысл «иудео-христианского социального Закона» — Закона Синархии — и изложил с точки зрения синархических критериев всю историю нашей цивилизации — от времен Рама до конца XIX столетия. По сути, это была попытка воссоздать строго иерархическую «социально-религиозную» (синархическую) форму правления, якобы существовавшую изначально на земле. Свое учение об идеальном государстве Синархии Сент-Ив создал под влиянием как западной оккультной традиции (Фабр д'Оливе), так и восточного мистицизма (каббала, индуизм). Среди его восточных учителей исследователи чаще всего называют индийцев Риши Бхагвандас-Раджи-Шрина и Харджи Шарифа (последнего, впрочем, П. Невиль, как об этом говорится в предисловии, считал «афганским принцем»).

Самое значительное произведение Сент-Ива, дающее ключ к пониманию концепции Синархии — это, безусловно, «Миссия евреев». В этой книге, как уже отмечалось, излагается сакральная история человечества, охватывающая 86 веков, в течение которых Закон Синархии передавался по невидимой цепочке, через посвященных адептов, от индусов к египтянам, от египтян к евреям и от евреев к христианским народам. Это история великой синархической Империи Овна (l'Empire du Belier), основанной Рамом (Ram) 7500 лет до н. э. и просуществовавшей приблизительно 3500 лет. Здесь же мы находим теорию 4 рас в специфической трактовке Сент-Ива, концепцию циклического развития земных цивилизаций и, что особенно важно для нас, учение о Древней Науке — т. е. фактически весь тот комплекс идей, который несколько десятилетий спустя А. В. Барченко положит в основу своей системы «Дюнхор». Первые 4 главы этого весьма объемистого трактата посвящены изложению общих принципов устройства вселенной и научного познания древних народов. Сент-Ив с самого начала проводит различие между наукой современной, принадлежащей к «ионийской эволютивной Традиции», и Ветхим Заветом — т. е. Древней наукой, опирающейся на «дорийскую инволютивную Традицию». Обе эти традиции по своей сути полярны: первая олицетворяет собой пассивный, лунный женский «полюс», или принцип, вторая — «полюс» мужской, активный и солярный. Современная наука, исходя из эволютивного принципа, прилежно дробит единое целое физических и естественных научных знаний; Ветхий Завет был девальоризирован его переводчиками и толкователями, донесшими до нас не истинный дух сакральных текстов, но мертвую букву. В результате ионийская и дорийская традиции превратились в непримиримых антагонистов, тогда как в действительности они являются двумя аспектами единого Откровения, единой истинной Науки. Французский мистик далее рисует следующую трехчастную «пирамиду знания»: в ее основании лежат научные «факты»; координация между собой «всей номенклатуры научных фактов» дает «законы» — их он помещает в средней части пирамиды. И факты, и законы относятся к сфере «чувственного мира» (мир Субстанции), где они образуют первые две степени овладения Истиной. Над ними, в верхней части пирамиды, находятся «принципы», относящиеся к «сверхчувственному миру» (мир Сущности). Таким образом, Сущность (Essence) и Субстанция (Substance) составляют «два аспекта» истинного знания о природе вещей, Науки с большой буквы. С помощью естественных наук (sciences naturelles) человек познает материальный, чувственный мир, тогда как божественные науки (sciences divines) открывают перед ним врата в мир сверхчувственный, трансцендентный. При этом Сент-Ив подчеркивает, что во Вселенной и на Земле «субстанция — пластичная, доступная нашему чувственному восприятию, ничтожна мала, почти равна нулю, по сравнению с Живым Пространством, заключающим ее в себе»[174].

Вполне естественно, что Сент-Ива, как и других эзотериков, интересует прежде всего «мир сверхчувственный» — мир Сущности. Истинное знание, утверждает он в своем главном труде, было передано роду человеческому библейским Моисеем и Иисусом, которых он называет «высшими авторитетами иудео-христианского социального государства». Моисей, обучавшийся у жрецов в храмах Египта и Эфиопии, приобщился, посредством высшей инициации, к «древнейшей научной традиции», которая тайно передавалась от одного посвященного к другому на протяжении многих циклов времени. Полученное им знание заключено в четырех буквах божественного имени («шемот») ЙЕВЕ (йот, хе, вау, хе), означающих четырехступенчатую иерархию наук — о Боге (теогония), вселенной (космогония), человеке (андрогония) и земле (физиогония). Это мистический тетраграмматон («четырёхбуквенник»), наиболее священный древнееврейский символ, представляющий собой соединение герметического креста в виде буквы Х и четырех «иероглифов» шемота, символизирующих синтез основных знаний герметизма. Добавим здесь от себя, что Тетраграмматон в обыденной жизни заменял собой шемот ЙЕВЕ, ибо божественное имя почиталось древними евреями настолько священным, что произносить его разрешалось только посвященным во время заклинаний. Эта сокровенная формула истинного знания, согласно Сент-Иву, выражает собой идею единства двойственных сил мироздания — вечного мужского и женского, духа и души, сущности и формы, безграничного времени и беспредельного пространства, Ишвары и Пракрита, Осириса и Исиды.

Все древние религии, в том числе и христианство, по учению Сент-Ива, вышли из инициатических центров, являвшихся своего рода «корпорациями» ученых. Наиболее сведущие из их членов — храмовые жрецы — владели названной выше «четырёхступенчатой иерархией наук». «В древних храмах изучение делимой Субстанции, которую мы неточно называем материей», пишет Сент-Ив, «было доведено до едва вообразимого сегодня уровня». Все более и более углубляя свои исследования, ученые жрецы пришли постепенно к постижению неделимой Субстанции и чистого Духа, идентичных понятию Бога. Они проникли в тайные глубины «космогонических Сил, Могуществ, Сущностей и Принципов». Жреческая корпорация являлась высшей «социальной властью» в синархических государствах древности; две другие, более низкие ступени властной иерархии занимали посвященные миряне и главы семейств, как мужчины так и женщины.

Моисей записал герметически полученное им сокровенное знание в своей «Космогонии» (библейская книга «Бытия»), созданной по египетскому образцу. Эта книга является основой для «полного восстановления Истины» (reedification totale du Vrai) и тем краеугольным камнем, на котором покоятся Десять заповедей, откровения Пророков, Евангелия, Талмуд и Коран. Отметим, кстати, что пользуясь Археометром, Сент-Ив впоследствии сделал новые — «истинные» — переводы моисеевой «Книги Принципа» и «Евангелия от Иоанна», которые были опубликованы вскоре после его смерти[175].

В подтверждение своего тезиса о существовании в синархическом «Социальном Государстве» (l'Etat Social) высокоразвитой универсальной Науки, Сент-Ив ссылается на различные древние письменные источники и памятники изобразительного искусства. Вот некоторые из приведенных им примеров. Храмы Юноны в древнем Риме и храмы Геры в Греции были оснащены «целой системой громоотводов» (изображения которых можно увидеть на римских и греческих медалях). Строитель храма Святой Софии в Константинополе Антем де Траль «пользовался электричеством огромной мощности» (ссылка на Agathias, De Rebus Justin, кн. 5, гл. 4). Древние знали, утверждает Сент-Ив, о вращении земли вокруг солнца, о законах всемирного тяготения и морских приливов. Они умели пользоваться телескопом, микроскопом и маятником. Они открыли применение камеры обскуры и оптических устройств. Им были известны способы обработки металлов и стекла. И т. д. и т. п.

«Древние» — это, по определению Сент-Ива, представители многих, последовательно сменявших друг друга на земле цивилизаций, предшествовавших появлению нынешней (пост-рамидской) цивилизации. Почему их знания не сохранились до нашего времени, спрашивает он, и почему мы обретаем их вновь столь медленно и трудно? Исчезновение совершенной Древней науки Сент-Ив объясняет тремя причинами: во-первых, апокалиптической гибелью цивилизаций в результате геопланетарных катастроф, вроде всемирного потопа, или неправильного использования древними своих открытий; во-вторых, уничтожением многих ценнейших древних документов варварами и инквизицией; и, в третьих, умышленным сокрытием «синтеза своих знаний» древними корпорациями ученых в священных текстах, символических легендах, геометрических чертежах, с тем, чтобы в будущем ими могли воспользоваться достойные представители новой духовной элиты, достигшие определенной — достаточно высокой — степени эволюции.

О том, в какой степени А. В. Барченко воспользовался идеями Сент-Ива, отчасти позволяет судить бегло пересказанное Э. М. Кондияйн содержание его лекции о Древней науке, прочитанной в Петрограде в 1918 г.

В глубочайшей древности, приблизительно 56 тысяч лет тому назад (!), на земле существовала высокоразвитая культура. (В «Миссии Индии» Сент-Ив говорит о 556 веках эволюции человечества, начиная отсчет с эпохи мифологического прародителя людей Ману.) Эта культура обладала синтетической наукой, которая коренным образом отличается от науки современной, аналитической. Различие это состоит в том, что нынешняя наука ищет Истину аналитическим путем, двигаясь «от периферии к центру» (т. е. к Истине), наблюдая и анализируя все многообразие фактов и явлений окружающего мира. Недостатком такой науки является ее раздробленность по причине чрезмерной специализации, в то время как все в мире взаимосвязано и подчиняется единым законам. Древняя же наука (далее ДН), напротив, изначально обладала Истиной — «Универсальным Единым Законом», по которому построено все — от мельчайшего атома до огромной вселенной, и потому двигалась в своем развитии от Центра к периферии. К изучению ДН допускались не все, а лишь люди, обладавшие высокой нравственностью.

Древние ученые, предвидя глобальные катаклизмы на земле в будущем, вроде всемирного потопа, и в то же время опасаясь, что их познания могут быть использованы потомками во зло людям, вплоть до полного уничтожения человечества и самой планеты, «зашифровали» и «законспирировали» ДН. Сделали они это для того, чтобы ее достижения сохранились в веках и в нужный момент могли быть востребованы — «расшифрованы» будущими поколениями. И еще одна важная деталь: несмотря на высокоразвитую науку, доисторическая культура имела довольно примитивный уровень техники, из чего можно заключить, что развитие земной цивилизации первоначально шло по нетехнократическому пути.

Следы Древней Науки, по мнению А. В. Барченко, следовало искать прежде всего в священных религиозных книгах (таких, как Библия), картах (карты Таро) и «каменных библиотеках» — различных наскальных надписях и символах[176].

Рассказ А. В. Барченко, как можно видеть, вполне согласуется с основной концепцией Сент-Ива, изложенной в его трактате «Миссия евреев». Любопытно, что даже термин «Древняя наука» является не собственным изобретением А. В. Барченко, а калькой с французского «Science antique».

Но вернемся к Археометру и рассмотрим «устройство» этого загадочного инструмента чуть подробнее. В самом центре диаграммы изображен круг, вписанный в 4 пересекающихся равносторонних малых треугольника, составляющих две Звезды Давида — вертикальную и горизонтальную. Их 12 окра-

пенных в разные цвета вершин образуют следующий круг. Далее идут круги: планетарных символов, зодиакальных знаков, музыкальных нот — по 12 в каждом, круг 12 вершин больших треугольников и, наконец, последний внешний круг, разбитый на 12 секторов по числу зодиакальных домов, обозначенных цветными щитами. В вершины больших треугольников и в щиты вписаны причудливые буквы ваттанского алфавита (так называемые «морфологические» и «адамические» буквы), рядом с которыми проставлены их числовые значения и буквенные эквиваленты в других древних языках (ассирийский, древнесирийский, халдейский, самаритянский, латинский). Все круги кроме центрального — подвижные.

Чтобы пользоваться Археометром, необходимо знать числовую символику, поскольку в эзотерической науке числа и связанные с ними геометрические фигуры исполнены глубоким религиозно-философским смыслом.

Число 3 или тернер (его имя) — число основных цветов (желтый, красный, голубой) — представляет основу астрального и звездного творения.

Число 4 или кватернер — число малых и больших треугольников — управляет восстановлением и возрождением.

Число 7 (4+3) или септнер — число концентрических окружностей — атрибут Духа.

Число 9 (3 в кубе) или новенер — число дополнительных цветов — управляет разложением.

Число 12 (4 помноженное на 3) или дуоденер — число зодиакальных домов — представляет собой Вселенную и Вечность.

В Археометре также заложены два фундаментальных хронологических принципа: линейное время, лежащее в основе поступательного движения истории (изображается в виде прямой линии), и время циклическое — символ «вечного возвращения» (традиционно ассоциируется с окружностью). Кроме этого, каждый зодиакальный дом соотносится с определенным «домом времени года» (по два месяца в каждом). Это дает возможность для разного рода хронологических исчислений, включая прогнозирование будущих событий.

Каково истинное назначение Археометра? Не является ли он всего лишь «игрой ума» — разновидностью столь блестяще описанной Германом Гессе интеллектуальной «Игры в бисер»? Или, быть может, это «инициатический ключ, способный открыть врата Великих Мистерий», как предполагает Ив-Фред Буассе, один из современных биографов и толкователей удивительного творения Сент-Ива?[177] В этом последнем смысле, по мнению Буассе, «археометрическая планисфера» может трактоваться как символическое изображение:

а) двух миров — Арка (область Солнца и Света, а также божественного Логоса — нота «ми») и Метра (круги 5–1: области измерения пространства, времени, ощущений и т. д.);

б) трех миров — человеческого, ангельского и божественного, по учению розенкрейцеров;

в) четырех миров — эманации, творения, формирования и деяния, по учению Каббалы;

г) принципов Падения и Возрождения человека, по учению мартинезистов;

а также как «универсальная схема» (схема строения живой клетки или солнечной системы)[178].

Буассе в книге, специально посвященной изложению основ «археометрической науки», указывает на три главные области практического применения Археометра — это музыка, архитектура и астрология. При этом он отмечает, что Сент-Иву удалось дважды запатентовать свое «изобретение» — в 1903 в Париже и в 1904 в Лондоне — под видом музыкально-архитектурного «эталона»[179]. Но мы знаем также, что Сент-Ив использовал этот универсальный «ключ» для дешифровки ряда текстов Священного Писания.

Как и когда Археометр попал в руки А. В. Барченко, неизвестно. Естественнее всего предположить, что он получил «ключ к древним религиям и наукам» от кого-то из учеников Сент-Ива — французских или русских. В семье Кондиайнов сохранилось предание о том, что А. В. Барченко был посвящен в тайны Древней науки одним из ее адептов, то ли в России, то ли за границей, еще в пору своей молодости. Этот человек незадолго до смерти якобы и передал ему УС. Но кто был посвятителем Барченко? Может быть, уже упоминавшийся нами профессор Юрьевского университета С. А. Кривцов? Нельзя исключить и еще одной возможности: заинтригованный рассказом Кривцова об Агарте и желая получить сведения о загадочной гималайской стране из первых рук, Барченко отправился во Францию, где сблизился либо с самим Сент-Ивом, либо с кем-либо из его друзей-эзотериков, владевших Археометром. В письме Г. Цыбикову в 1927 г. А. В. Барченко между прочим писал, что занимается изучением «истории древнейшего естествознания» (Древней науки) около 18 лет, т. е. с 1909 г. Но именно в этом году и умер маркиз Сент-Ив д'Альвейдр!

В уже обсуждавшейся нами статье А. В. Барченко «Душа Природы», опубликованной в конце 1914, при внимательном чтении можно обнаружить отголоски некой универсальной эзотерической системы. Так, например, связь «музыкальных звуков с N-лучами» А. В. Барченко объясняет «законом созвучий»:

«В природе существует „закон созвучий“. Благодаря ему, резонатор Герца отзывается на искру вибратора; благодаря ему, одним камертоном можно заставить на расстоянии звучать другой такого же тона; благодаря ему, стоящие часы можно пустить в ход тиканьем идущих, а тяжелый маятник раскачать дыханием... Закон созвучий зиждется на том, что тело способно улавливать и воспроизводить колебания, на которые могут отозваться колебаниями же его частицы»[180].

«Закон созвучий», о котором пишет А. В. Барченко, аналогичен «Закону семи» или «Закону октав» в эзотерической системе Г. И. Гурджијева. По мне-

нию знаменитого мистика все кажущееся многообразие явлений природы создается различными сочетаниями очень немногих «элементарных сил». Чтобы понять механику вселенной, следует разложить сложные явления, свести их к уровню элементарных. Так, наиболее фундаментальными законами, управляющими всеми процессами во вселенной, по этой теории являются законы «трех и семи сил», иначе «Закон триады» и «Закон октав». (Более подробно познакомиться с ними читатель может по книге П. Д. Успенского «В поисках чудесного».) Что касается «Закона октав», то он проявляется во всех видах колебаний (вибраций) — световых, тепловых, химических, магнитных, звуковых. «Чтобы понять смысл этого закона, говорил Г. И. Гурджиев, необходимо рассматривать вселенную как состоящую из вибраций. Эти вибрации происходят во всех видах, аспектах и плотностях материи, составляющих вселенную, от самых тонких до самых грубых ее проявлений; они исходят из разных источников и продолжаются в разных направлениях, пересекаясь друг с другом, сливаясь, усиливаясь, ослабевая, препятствуя друг другу и т. д.»[181].

Законы «трех и семи», по утверждению Г. И. Гурджиева, лежат в основе некой «универсальной схемы» или Эннеаграммы — синтеза всех знаний. Изображается Эннеаграмма в виде круга, разделенного прямыми линиями на 9 равных частей («эннеа» означает по-гречески 9)[182]. Этот символ позволяет «прочитать вечные законы вселенной» и потому является наиболее тайным, сокровенным. Хорошо известно, что эзотерическая наука широко пользуется числовым символизмом. (Связь чисел с другими знаковыми системами — геометрическими фигурами, буквами, знаками планет и т. д. — составляет предмет изучения символастики.) Следуя за Платоном и Пифагором, она рассматривает числа в качестве созерцаемых идей («эйдосов») и сил, выступающих посредниками между видимыми и невидимыми планами вселенной. Уже упоминавшийся нами Папнос считал Число «духовной сущностью» и утверждал, что его изучение является одной из важнейших задач для оккультиста. А Отто Шпенглер в своей знаменитой книге «Закат Европы» метко заметил: «Именами и числами человеческое понимание приобретает власть над миром»[183].

В своих записках Э. М. Кондияйн пыталась припомнить некогда услышанный от Барченко рассказ о происхождении Числа и Универсальной схемы:

«Была точка (.) Единица, но в ней уже заключалась полярность, т. е. Двойка (..) или линия (—). А раз существовали 2 точки, то и существовало отношение между ними, в буквальном смысле отношении. (...) — три (точки) — треугольник. Следующее число шесть, но как это объяснить не помню». (Э. М. рисует в тетради шестиконечную звезду в виде двух пересекающихся треугольников. В символистике Каббалы эта фигура называется по-разному — мистической гексаграммой, знаком макрокосма, Соломоновой печатью или Звездой Давида.) «Затем 4, а уже затем 5 (как не помню). Тут появляется жизнь и человек». (Э. М. в этом месте изобразила пятиконечную звезду — пентаграмму, в которую вписала человеческую фигурку.)[184]

По современным представлениям, вся живая природа, в том числе и человек, в отличие от природы неживой, имеет 5 осей симметрии, т. е. является «пентасистемой». Вот как пишет об этом А. Мартынов: «Наиболее популярная и гармоничная фигура — пятиконечная звезда. В этой фигуре соотношение всех отрезков есть „золотое“ соотношение. Человек — типичная пентасистема. Даже вирус, снятый недавно электронным микроскопом, имеет форму пятигранника. Я уже не говорю о морских звездах, цветах»[185].

Активно работать с УС А. В. Барченко начал лишь после того, как познакомился с Кондияйном. Но каким образом он, вернее, они вдвоем с Тамиилом «проверяли и подтверждали достижениями современной науки положения науки древней» остается загадкой. В записках Э. М. Кондияйн мы читаем: «(А. А.) вычерчивал У. Сх., размещая на ней планеты по их расстоянию от солнца, атомные веса элементов, звуковые колебания, световые колебания»[186]. Складывается впечатление, что ученые разработали какую-то свою «универсальную схему» на основе новейших научных знаний, по аналогии с Археометром Сент-Ива. С помощью этой Схемы А. В. Барченко и Тамиил пытались связать воедино все ритмические (колебательные) процессы в природе, все виды лучистой энергии. Схема раскрыла им смысл триады корреляционных связей: конфигурация планет — солнечная активность — проявление солнечной активности в земной биосфере, и вела к пониманию единого энергетического плана мироздания, то, чему по сути и была посвящена статья «Душа Природы». По словам Э. М. Кондияйн, А. В. Барченко давал ее мужу задания — «найти различные числовые данные: число световых и звуковых колебаний, атомные веса химических элементов, периоды солнечной активности. Сопоставлял все эти данные с планетными категориями. Картина получалась стройная»[187]. В другом месте своих «Записок» Э. М. пишет, что Тамиил собирал статистический материал о всевозможных явлениях природы — засухах, наводнениях, времени перелета птиц, эпидемиях, войнах, бунтах, революциях, совпадающих с солнечной активностью, на основе которого «вычерчивал диаграммы». Все это недвусмысленно говорит о том, что А. В. Барченко и А. А. Кондияйн занимались по существу той же научной проблемой, что и А. Л. Чижевский. Но в таком случае естественно напрашивается вопрос о возможных контактах между А. В. Барченко и А. А. Кондияйном с одной стороны и знаменитым основоположником гелиобиологии с другой. Тем более, что исследования А. В. Барченко и А. Л. Чижевского в 1924 г. велись под эгидой одного и того же учреждения — Главнауки, где они возглавляли соответственно биофизическую лабораторию (первый) и зоопсихологическую (второй). Однако, о существовании таких контактов нам пока что ничего не известно.

Пользуясь Универсальной Схемой А. В. Барченко и А. А. Кондияйн пытались также открывать еще неизвестные науке законы природы. Вот один из примеров: Тамиил расчертил поверхность земного шара «по универсальной схеме» и получил сетку из правильных пятиугольников — пентасистему. «По граням легли горные хребты; окружностям подчинились морские и воздушные течения. Некоторые точки указали на центры древней культуры».

Так об этом рассказывает Э. М. Кондияйн. Но для науки того времени это было подлинным открытием. Смысл его помогает нам уяснить тот же А. Мартынов:

«Удивительным фактом является то, что наша планета — также пентасистема. По последним представлениям, Земля — это кристалл, имеющий форму додэкаэдра, вложенного в косаэдр. Наиболее близкой моделью земли является футбольный мяч, крышка которого состоит из пятиугольников. Впервые эта гипотеза была высказана одним советским геологом в конце 20-х годов. По осям этого гипотетического кристалла должны концентрироваться полезные ископаемые, наблюдаться геофизические аномалии: может быть здесь прячется разгадка тайн Бермудского треугольника, расположение древних цивилизаций и т. п. И наконец, если Земля — пентасистема, она должна быть „живой“ в своем масштабе времени»[188].

С помощью УС А. В. Барченко пробовал даже прогнозировать будущие события, прежде всего различные земные катаклизмы, что может на первый взгляд показаться читателю совершенной мистикой. Как бы то ни было, в мае 1927 г. в Бахчисарае А. В. Барченко предсказал Крымское землетрясение, происшедшее несколько месяцев спустя. Тогда же, он сделал еще более поразительное предсказание — назвал дату начала «страшной войны» — великого столкновения цивилизаций Запада и Востока — 1936 год. (В этом году, как известно, началась итало-германская интервенция в Испании, послужившая прологом второй мировой войны.)

Наконец, следуя примеру Сент-Ива, А. В. Барченко и А. А. Кондияйн, пользуясь своей УС, пытались заняться «расшифровкой» Библии. Вот, например, как они «прочитали» библейскую историю о путешествии деда Иохаведы (мать Моисея) Иакова, о которой рассказывается в 1-й книге Моисеевой (кн. Бытия, 28:5, 10, 19; 29:1):

«На пути в страну среди рек (Месопотамию, по Библии — А. А.) к обитавшему в высокой земле и начавшему новый век после краснокожих (т. е. к арамеянину Иакову) пошел в дорогу, по которой шел отец Рама (т. е. в Харран). И пришел на место, которое было нечто иное, как Вавилон (Дом Божий, Врата Небес), откуда пошел в землю сынов Востока».

Как относиться к идеям Сент-Ива д'Альвейдра и Барченко, прежде всего к их концепции «универсальной Древней науки»? Надо сказать, что многие дошедшие до нас памятники древности (мегалитические обсерватории Стоунхенджа и Аркаима, египетские и индейские пирамиды, античные храмы и другие постройки, различные приспособления для счисления времени, как-то лунно-солнечные календари и т. д.)[189] действительно свидетельствуют о весьма высоком уровне знаний наших далеких предков. Так, исследования английского палеоастронома Александра Тома показали, что в эпоху конца неолита — начала бронзы северо-запад Европы покрывала целая сеть мегалитических обсерваторий для наблюдений как Солнца, так и Луны. Общеизвестным ныне считается и факт использования человеком верхнего палеолита (15 и более тысяч лет назад) разработанной календарной системы (лунно-солнечный календарь). В то же время древние располагали и обширными сведениями о корреляционных связях между планетными конфигурациями (солнечной активностью) и земными биологическими процессами. Б. М. Владимирский и Л. Д. Кисловский в своей работе «Археoaстрономия и история культуры» даже допускают, что «эмпирические знания наших предков по проблеме космических влияний на биосферу были, вероятно, обширнее и глубже, чем наши»[190].

Еще более поразительными были познания древних в области «тонкого мира» — человеческой психики и биоэнергетики, к изучению которых европейская аналитическая наука приступила лишь в конце XIX века. Древние знали о телепатии, ясновидении и иных «психических феноменах» гораздо больше и лучше, чем мы сегодня. И не только знали, но и могли управлять сложнейшими психо-био-энергетическими процессами. В этом смысле нельзя не согласиться с выводом А. Мартынова о том, что знание, накопленное человечеством в прошлом, «вне рамок позитивистской науки», совершенно выпало из поля зрения современного человека. Люди перестали понимать язык, на котором оно выражено. «Стало непонятным издревле существовавшее стремление связать дискретное с континуальным». Причины такого состояния современного знания, по мнению ученого, «кроются в чрезмерном преувеличении логического мышления в процессе получения новых знаний, в то время как не может не удивлять, что на заре нашей цивилизации созвездие великих мыслителей смогло постичь именно континуальные сущности, используя в качестве основного канала постижения истины — интуитивный канал. Именно попытка континуального, интегрального осмысления современных дискретизированных знаний приводит к ясному ощущению, что эти выводы уже были сформулированы нашими великими предшественниками: просто человечеству свойственно не только приобретать новые знания, но и, значительно чаще, забывать старые, как только они начинают не укладываться в стереотип мышления, навязанный очередной социальной структурой» [191].

С помощью созерцательно-интуитивного метода (различного рода медитативных практик) древние смогли проникнуть за видимую, «субстанциальную» оболочку вещей и познать сверхчувственные, невидимые явления и «сущности», что позволило им создать (или «синтезировать», по Сент-Иву) гармонично-целостную картину мира, где все связано со всем — атом и галактика, человек и вселенная, картину, основательно раздробленную («дискретизированную») и фрагментированную позитивной «аналитической наукой». Это высшее, «космическое» видение мира было прекрасно выражено индийскими мудрецами-риши в философско-религиозных текстах «Упанишад».

С течением времени, в процессе формирования классовых обществ и государства, уникальные знания Древней науки концентрируются в руках жреческого сословия и становятся закрытыми для непосвященных — «герметизированными». Получить доступ к ним можно было лишь в храмовых школах под руководством жрецов. В древнем Египте такие школы назывались «домами жизни» («пер анх»). Здесь читались и переписывались священные тексты, хранились собрания папирусов самого разного содержания и проходило обучение различным наукам и искусствам — медицине, астрономии, математике, архитектуре и т. д. Здесь же учащимся давались и сокровенные эзотерические знания. «Герметичность этих знаний, как отмечает А. Мартынов, была столь велика, что до XIX века к парапсихологии относились как к мистике, а наука просто отмахивалась от фактов под тем предлогом, что этого не может быть»[192]. И действительно, мы знаем, что некоторые знания в течение длительного времени (столетий или даже тысячелетий) вообще не записывались, но передавались изустно от учителя к ученику, от посвященного к посвященному. Примером такого знания может служить древнеиндийская йога — «дисциплина духа», содержащая сведения о человеке и его интегральной психоэнергетической системе. Известно, что йогины, овладевшие в совершенстве этой дисциплиной, приобретают паранормальные — «сверхчеловеческие» с точки зрения обычного человека, способности, так называемые «сиддхи».

Источник этого знания — глубинный религиозный опыт человека, в основе которого лежат его трансперсональные («мистические») переживания, позволяющие выйти на иной, «более высокий» уровень сознания — «сверхсознание», или «расширенное сознание». Именно в таком состоянии, когда наш мозг работает в каком-то особом режиме, можно познать то, что недоступно для обычного сознания. Само слово «йога» означает на санскрите «соединение» — слияние с Высшим, с Абсолютом-Брахманом, или Богом. И в этом смысле йогу, как, впрочем, и другие знания, полученные древним человеком не эмпирически, но посредством медитации и интуитивных озарений, действительно можно считать «синтезом науки и религии».

Сент-Ив д'Альвейдр вслед за теософами утверждал, что высшее Знание было дано человеку изначально — через Божественное откровение. В системе Барченко подобное абсолютное Знание (или Божественная Истина) — это «Универсальный Единый Закон» или «Мировая Закономерность», лежащая в основе мироздания, что с его точки зрения, впрочем, ни коим образом не противоречит строго материалистической картине мира, созданной «марксизмом». (Как и его любимый герой Джордано Бруно, А. В. Барченко скорее всего понимал Бога не как личное, лежащее вне мира начало, но как «сокровенную сущность Космоса», говоря словами философа И. И. Лапшина. А потому «постижение этого Божественного начала для мудреца возможно лишь путем научной мысли, научного творчества, сопровождаемого величайшим энтузиазмом»[193].)

В наше время, как и столетие тому назад, вновь наблюдается всплеск живейшего интереса к эзотерическим знаниям и стремление использовать их в научных целях. Так, некоторые вполне серьезные ученые — археологи и палеоастрономы (как отечественные, так и зарубежные), сталкиваясь с фактами, явно не укладывающимися в рамки общепризнанной хронологии древнего мира, пытаются объяснить их с помощью теории пращивилизации, гипотетически существовавшей на земле в «допотопные времена» — 10–11 (или даже более) тысяч лет до нашей эры. Такой подход заставляет нас по новому взглянуть на древние предания и мифы, еще недавно казавшиеся не более чем прекрасными сказками — о «золотом веке», некогда царившем на земле, о Великом потопе, уничтожившем «первое человечество», о затонувших островах-материках — Атлантиде, Лемурии и др. По мнению А. В. и А. А. Зиновьевых, «Перво-цивилизация — это древнейшее общество, которое не оставило после себя письменных памятников, но жизнь и деятельность которого привела к появлению астральных знаний на разных континентах. Пращивилизация передала (изустно и практически, формулами культа и языком мифологии, священными знаками, алфавитами, хронологиями, посредством архитектуроники Великих Ступ и Пирамид) свой опыт и свои достижения, что позволило новым народам подняться на более высокие ступени культуры и, пережив подъемы и падения, оставить свой неизгладимый след в истории. Протоцивилизация заложила основу исторического времени, создала незримый, но прочный фундамент динамичного развития человечества»[194].

Эти первоначальные знания («синтетическая Древняя Наука»), однако, были в значительной степени утрачены в процессе поступательного («цивилизационного») развития человечества, когда доминирующим способом познания мира становится логическо-дискурсивный метод, лежащий в основе науки «аналитическо-экспериментальной». В то же время можно согласиться с Сент-Ивом и А. В. Барченко, что огромное число памятников «Древней Науки» погибло вследствие «мировых катаклизмов» — природных (геологических) и социальных. Говоря о последних, нельзя не вспомнить об утрате сотен тысяч (!) египетских и греческих папирусов в результате пожара Александрийской библиотеки и разграбления святилища Сераписа, о практически полном уничтожении памятников маясской культуры испанской инквизицией или о разрушении «каменных памятников» дохристианской Руси, например, на Соловецких островах (так называемые «вавилонны», «лабиринты» и «пирамиды»). Что же касается сохранившихся до наших дней таких загадочных сооружений, как египетские пирамиды и Большой сфинкс или мегалитические обсерватории Стоунхенджа и Аркаима, то они во многом остаются непонятными для нас, поскольку мы не имеем ключа к их «дешифровке» — прочтению изначально заложенной в них информации. Но, как знать, возможно, это смогли бы сделать Сент-Ив, А. В. Барченко и А. А. Кондиайн с помощью своих «ключей» к Древней Науке — «Археометра» и «Универсальной Схемы»?

В заключение мы познакомим читателя с концепцией А. В. Барченко о циклическом развитии земной цивилизации в том виде, как она изложена в «Памятке для членов ЕТБ». Эта концепция в значительной степени является его собственной разработкой, хотя ее исходные положения были опять-таки заимствованы у Сент-Ива, который в свою очередь ссылается на космогонические учения древних египтян и индийцев. А. В. Барченко говорит о чередо-

вании двух циклов — Общеземной Большой Век (то же, что Золотой век), длящийся 144 000 лет, и век Малый (Железный век), продолжительностью в 36 000 лет. В границах Большого Века происходит 7 смен различных цивилизаций по следующей схеме: каждая цивилизация существует 20 000 лет — срок, который в свою очередь делится на 4 периода или малых века: золотой (8000 лет), проходящий под знаком Солнца, серебряный (6000 лет), под знаком Луны, медный (4000 лет), под знаком Венеры, и железный (2000 лет), под знаком Марса. В настоящее время (1920-е гг.) люди живут в железном веке, который, однако, истекает в 2000 г., после чего вновь наступит счастливый Большой Золотой Век. По представлениям А. В. Барченко, это было время, когда на всей земле господствовала Великая Всемирная Федерация Народов, «построенная на основе чистого идейного коммунизма». Таким образом, он подменяет божественную Синархию в доктрине Сент-Ива коммунистическим строем, в результате чего теократическая Империя Рама-Овна трансформируется в Рамидскую Федерацию. Понять причину такой метаморфозы, впрочем, не трудно. Неприемлемой для Барченко в новых условиях оказалась и идея троичной властной иерархии (цари — жрецы — пророки), составляющей стержень синархического миропорядка. В то же время говоря о Золотом — коммунистическом — веке А. В. отмечает, что эта невообразимо далекая от нас эпоха, «когда космические условия особо благоприятствовали развитию цивилизаций, сконструированных по Универсальной схеме», не была временем сплошного благоденствия. В пределах «грандиозного» 144-тысячелетнего цикла периоды расцвета чередовались с периодами упадка, при этом упадочный период неизменно разрешался бурным революционным переломом, за которым наступал золотой 8000-летний период полного расцвета Универсальной культуры, постепенно охватывающей весь мир[195].

Наряду с общеземными циклами существуют также космические или зодиакальные циклы, соответствующие древне-индийским «югам». Правда, у А. В. Барченко, как и у Сент-Ива, они в 12 раз короче «юг», хотя он и сохраняет традиционное соотношение между ними: 4:3:2:1 — 144 000 лет (Золотой век — Крита-юга), 108 000 лет (Серебряный век — Трета-юга), 72 000 лет (Медный век — Двапара-юга), 36 000 лет (Железный век — Кали-юга). (Для сравнения: по учению древних индийцев Крита-юга длится 4 800 божественных лет или 1 728 000 человеческих, Трета — 3600, Двапара — 2400, Кали — 1200. Начало последней юги индийская традиция относит ко времени великой битвы на Курукшетре, происшедшей в 3102 г. до н. э. Согласно же модели истории Сент-Ива, приблизительно в это время — 3250 лет до н. э. — царевич Иршу выступил против Синархии, что и привело к крушению синархической Империи.) В то же время космические циклы у А. В. Барченко не совпадают и с циклами Калачакры. Так, согласно Калачакратантре, все 4 юги имеют равную продолжительность — 5400 человеческих лет каждая, и Маха-юга, таким образом, составляет 21 600 лет (у индийцев 4 320 000 лет).

Семикратную смену земных цивилизаций или культур, однако, не следует понимать как смену 7 рас, о чем говорят теософы. Наивно думать, пишет А. В. Барченко, что во времена Атлантиды, например, на земле была только одна красная раса. Напротив, одновременно существовали и все другие «основные» расы, но красная занимала среди них лидирующее положение, являлась «вождем цивилизации». Вообще же «знамя культуры» переходило из рук в руки, т. е. от одной расы к другой, в такой последовательности: черная, белая, желтая, красная и опять в том же порядке. Черного «лидера культуры», по утверждению Барченко, сменили на евроазиатском материке около 9 тысяч лет назад (7500+2000) «Белые». Отголоском этого эпохального события служит предание о «переселении арийцев в Индию» и о их борьбе с представителями черной расы, отразившееся в эпосе о Раме.

В семейном архиве А. Г. и О. А. Кондяйн сохранился небольшой отрывок, озаглавленный «Окультурная трактовка истории человечества» (очевидно, записан Э. М. Кондяйн со слов Тамиила или А. В. Барченко), в котором рассказывается о слепопотопном расселении на земле «белой расы».

«После потопа и разделения народов белокожий народ, родивший впоследствии легендарного великого вождя — Рама, двинулся с крайнего Севера. Промежуточным этапом его движения еще в доисторическую эпоху служили границы Вавилонии. Затем белый народ — отец Рама — двинулся из границ Вавилонии на восток, перевалил через Гиндукуш и, очутившись в ближайшем соседстве с Тибетом и Китаем, вошел в соприкосновение с культурой уже уставшей — древнейшей расы желтокожих. Затем двинулся на восток к Гималаям, к высочайшей горе Азии — Гауризанкару. Двинувшись на юг со склонов Гималаев, наводнил долину Ганга. При позднейшем возвращении части белого народа на запад была принесена культура, прильнувшая к белому народу при соприкосновении с усталой цивилизацией краснокожих». (Обратим внимание: движение «белокожего народа», т. е. арийцев, начинается откуда-то «с крайнего Севера».)

Рамидская Федерация, объединявшая всю Азию и часть Европы, согласно А. В. Барченко, просуществовала «в полном расцвете» около 3600 лет, но была свергнута в результате «революции Иршу» 5600 лет тому назад. Белая раса еще не расселилась по всему свету и еще не применяла «в мировом масштабе» Универсальный ключ (т. е. ключ к «Универсальному знанию») с целью постройки «федерации народов». Очередной всемирный потоп, который должен произойти через 1200 лет, окончательно уничтожит на земле «последние следы черной цивилизации в упадочной ее форме». После поднятия дна Атлантического океана погибнут вместе с Африкой «все низменности Европы, Америки и Азии... и степи Китая и Монголии. Горные же плато и кряжи Евразии, сплошь заселенные белой расой (афганы, кафиры, горные таджики, Курдистан, Белуджистан, Персия, Азербайджан, Закавказье и Гималаи с Шамбалой и Саджа) должны уцелеть». Таким образом, пережившая потоп белая раса останется в большинстве и сможет осуществить социальный идеал Универсального знания — создать или, вернее, воссоздать на планете Всемирную Федерацию Народов. Такую достаточно радужную перспективу будущего земной цивилизации А. В. Барченко нарисовал членам своего братства[196]. Проверить его предсказания, правда, можно будет не ранее, чем через 12 столетий.

14. Несостоявшаяся экспедиция

В конце 1923 г. А. В. Барченко зачислили на должность научного консультанта Главнауки и ему были выделены средства на создание биофизической лаборатории. Размещалась лаборатория в здании Политехнического музея в Москве, однако нам практически ничего не известно ни о составе ее сотрудников, ни о том, какие эксперименты проводились в ней. Можно лишь предположить, что это были скорее всего какие-то парапсихологические опыты. Косвенным подтверждением тому может служить довольно любопытное сообщение московского писателя А. К. Виноградова, согласно которому в 1924 г. в Красково (под Москвой) А. В. Барченко пытался устроить «ментальную спиритическую станцию», якобы для связи с Шамбалой. В этом ему помогли сотрудники Главнауки — Ф. Н. Петров (ее начальник), Р. В. Лариков (помощник Петрова), В. Т. Тер-Оганесов (зав. отделом охраны природы), М. П. Павлович (востоковед, издатель журнала «Новый Восток») и некто Тарасов[197]. Речь, по-видимому, идет об опытах А. В. Барченко по телепатической передаче мыслеобразов между Красково и Москвой, а возможно, и на большие расстояния. Здесь необходимо пояснить, что подобные опыты стали впервые проводиться на Западе в середине 1920-х, а затем (в 1930-е) и в России. Попытки установления ментальной связи между крупнейшими городами мира — Нью-Йорком и Парижем в обоих направлениях, а также между Афинами и рядом европейских столиц, оказались довольно успешными. А в Пасадене в США была даже создана «станция ментального радио»[198].

В то же время из записок Э. М. Кондияйн мы знаем, что А. В. Барченко после возвращения из Мурмана в течение нескольких лет интенсивно занимался совместно с ее мужем проверкой и подтверждением данных Древней науки положениями науки современной, с помощью «Универсальной схемы». Отношение академических кругов Петрограда и Москвы к этой «научно-окультурной» работе А. В. Барченко, надо сказать, было весьма неоднозначным. По свидетельству Э. М. Кондияйн, одни ученые, подобно физику А. К. Тимирязеву, восторженно заявляли, что «это революция в науке», другие, вроде неперменного секретаря РАН С. Ф. Ольденбурга, были настроены куда более скептически. Правда, критикуя А. В. Барченко на публике, тот же С. Ф. Ольденбург в кулуарах расточал ему комплименты и говорил — «этого нельзя опубликовать»[199]. В самой же Главнауке А. В. Барченко пользовался активной поддержкой небольшой группы ученых во главе с Ф. Н. Петровым. Именно этих людей А. В. Барченко в первую очередь знакомил со своими самобытными исследованиями на импровизированных «семинарах», которые периодически устраивались на московской квартире Ф. Н. Петрова. Так, мы знаем, что на одной из таких встреч, состоявшейся 17 ноября 1923 г., с докладами выступили А. В. Барченко и глава мироведов Н. А. Морозов[200].

В Петрограде же А. В. Барченко в основном поддерживали В. М. Бехтерев и его коллеги по Институту мозга. Известно, что в декабре 1923 г. А. В. Барченко устроил у себя (т. е. на квартире Кондияйнов) небольшое «консультативное совещание» представителей восточной и западной науки (как он назовет его в письме Цыбикову). Восточные ученые — это прежде всего Агван Доржиев, глава Тибетской и Монгольской миссий, и его заместитель Бадма Очиров, а также высокие гости из Монголии и Тибета, Хаян-Хирва и Нага Навен. Западных ученых представляли В. М. Бехтерев и В. П. Кашкадамов. Именно они, по свидетельству А. В. Барченко, высказались на этой встрече «за всяческую желательность теснейшего научного контакта русских ученых с тибетскими». Со своей стороны цанид-лама Доржиев заверил западных ученых в полной готовности ученых Тибета к такому контакту и обещал свое содействие [201].

Устройство подобного совещания было первым шагом Барченко на пути к реализации уже вполне вызревшей в нем идеи — познакомить с достижениями Древней науки высшее советское руководство и побудить его к установлению контактов с главным центром доисторической культуры на Востоке — с Шамбалой. К этой идее, по его собственному признанию, он пришел под влиянием тибетца Нага Навена, который, по всей видимости, связывал с ее осуществлением какие-то свои тонкие политические расчеты. «В результате углубления в теорию „Дуйнхор“, — писал Барченко Цыбикову в 1927 г., — у меня оформилось стремление посвятить в эту тайну наиболее крупных и бескорыстных деятелей России, чтобы сообщить им правильный взгляд на истинное содержание и истинную ценность древнейшей и современной культуры Востока»[202]. Своими планами А. В. Барченко прежде всего поделился с Доржиевым, имевшим немало высоких покровителей в Москве, и с крупнейшими ориенталистами-буддологами, академиками С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским, возможно, рассчитывая при их протекции получить доступ в высшие правительственные сферы. Однако, Доржиев и ориенталисты отнеслись к его затее неодобрительно и постарались от нее отмежеваться:

«Этот мой шаг встретил со стороны главы лам и всей профессуры самое враждебное отношение. В академических кругах стали широко распространяться слухи о моей будто-бы личной, даже материальной заинтересованности в этой попытке. Взгляды мои на восточную культуру всячески дискредитировались. Дошло до того, что мое имя стали в печати связывать с заведомо ложными и дутыми сообщениями о научных открытиях, не имевших места в действительности. Перед группой же лам, к помощи коих я обратился, той же группой (учеными) я был выставлен как научный карьерист, мистификатор и даже как платный „тайный“ агент большевиков»[203].

Причину столь сильной неприязни востоковедов к А. В. Барченко можно отчасти объяснить его связями с чекистами (хотя и бывшими). С другой стороны, имеются сведения, что столкновение Барченко с С. Ф. Ольденбургом произошло на сугубо оккультной почве. Согласно показаниям Г. И. Бокия, принадлежавший в прошлом к «масонской организации» (розенкрейцерам) С. Ф. Ольденбург был якобы крайне недоволен тем, что А. В. Барченко разгласил

тайны Ордена[204], т. е. сведения эзотерического характера. Впрочем, несмотря на враждебность и даже угрозы влиятельного ориенталиста (если верить Г. И. Бокию), А. В. Барченко не отказался от своего намерения «посвятить» высших советских руководителей в тайны Древней науки.

Весной 1924 г. у А. В. Барченко произошел новый конфликт на идейной почве, на этот раз в стенах Главнауки. О своих принципиальных разногласиях, главным образом с курировавшим его работу научным отделом, А. В. Барченко поведал в довольно откровенном и резком по тону письме Ф. Н. Петрову. В нем, в частности, говорилось:

«Высказанные в Вашем присутствии заведующим Научным Отделом положения, в том числе признание, что „уже намечена жестокая борьба с математиками и аксиоматикой во всех ее видах“, что исходная база Научного Отдела: „ВСЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ И КОСМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ, МЕНЯЮТСЯ“, совершенно исключают для меня возможность научно работать в контакте, тем более под руководством, Научного Отдела. Для меня обязательно положение: „Диалектические моменты, в том числе революции, суть неизбежный обязательный фактор развития мирового процесса, ПОДЧИНЕННОГО ОПРЕДЕЛЕННОЙ РИТМИКЕ“. Смелое выплескивание из ведра Мировой Закономерности, предпринимаемое Научным Отделом, занимающим вполне почетное место, но на космической пылинке диаметром в 12 000 километров, представляется мне занятием ДЕТСКИМ. И эта детская трактовка сакраментального „панта рей“, по моему крайнему разумению, для будущего Русской Науки ГИБЕЛЬНО. Участвовать в этом, хотя бы в качестве мельчайшего фактора, для меня, по совести, неприемлемо»[205].

Из этого же письма мы узнаем, что научный отдел отказался поддержать предложение А. В. Барченко — «переоценить ценность аналитического метода сравнительной обработкой лабораторного материала, ОБЯЗАТЕЛЬНО В КОНТАКТЕ С ВОСТОКОМ, В ПОЛНОЙ МЕРЕ ВЛАДЕЮЩИМ СИНТЕТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ». Столь же скептически сотрудники отдела отнеслись и к его идее о необходимости создания исследовательских институтов, работающих «синтетическим методом», — то, с чем в принципе соглашался Ф. Н. Петров. Еще одним поводом для недовольства ученого послужило подключение Главнауки к антирелигиозной пропаганде. «Как в докладных записках своих наркому Луначарскому и Вам, так и открыто в комиссиях», писал А. В. Барченко Ф. Н. Петрову, «я неизменно подчеркивал, что религиозные памятники представляются мне ценностями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ. Обнаруженные мною в области Древнейшего Естествознания данные могут и должны служить для борьбы с суевериями и шарлатанством. Но для борьбы <...> именно с этими отрицательными ПЕРЕЖИТКАМИ, а не с ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ценностями религии. <...> Участвовать как бы то ни было в современной не антиЦЕРКОВНОЙ, а антиРЕЛИГИОЗНОЙ пропаганде для меня НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ПРИНУЖДЕНИЯ НЕПРИЕМЛЕМО».

В результате — «по зрелому размышлению» — А. В. Барченко решил отказаться от сделанных ему ранее предложений войти в состав научной коллегии бехтеревского института и Академии истории материальной культуры в Ленинграде. Более того, в письме Ф. Н. Петрову он говорит о своем решении «совершенно уйти на долгий ряд лет, если не навсегда», не только от общественной и научной деятельности, но и от «культурной жизни» вообще. В порыве безысходности и отчаяния у него даже прорываются слова о необходимости «кончить жизнь». Но кончить ее тем же «коммунистом без билета», кем он считал себя, «за исключением религиозных вопросов», на протяжении всей своей сознательной жизни благодаря знанию древнейшей натурфилософии.

Письмо А. В. Барченко заканчивалось рядом «маленьких знамений» — предсказаний «шагов завтрашнего дня» европейской науки в области химии и физиологии, за которыми, очевидно, скрываются его собственные открытия, сделанные с помощью «синтетического метода» Древней науки. А. В. Барченко предсказывал открытие «крайнего этапа радиоактивности за ураном, с атомным весом не больше 253-х» (т. е. открытию трансурановых элементов), утверждал, что аппендикс слепой кишки «это не признак атавизма, а обязательный в организме секреторный орган», а также заявлял о вредности радиотерапии. «Терапевтическое и регенерирующее значение, писал он, должны иметь железные массы, нагретые хотя бы в незначительной степени, прорастающие семена (эффекты солода), роса за час до восхода солнца, вода, аккумуляировавшая солнечный свет, но отнюдь не механизм, проецирующий распадающуюся субстанцию атома. Воздействие нагретыми железными массами, солнцем и массажем на главные ганглиозные узлы, в особенности сакральный, обнаружит эффекты необычайно сильные»[206]. (Последнее утверждение явно говорит о его знакомстве с учением индийской йоги об энергетических центрах человеческого организма — «чакрах».)

Духовный кризис А. В. Барченко, порожденный несоответствием между его идеалистическими устремлениями и суровой советской действительностью, однако, вскоре миновал, и ученый вернулся к работе в Главнауке. Неожиданная встреча с Кругловым, показавшая, что традиция Универсального знания живет и на русской почве, в среде староверческих сект «искателей Беловодья», дала новый импульс его поискам. Осенью того же 1924 г. А. В. Барченко отправился в Кострому, чтобы разыскать старца Никитина. Там ему действительно удалось встретиться с престарелым учителем Круглова, который, как выяснилось, принадлежал к секте голбешников (от «голба» — подполье.) родственной секте бегунов или странников. Старец, вероятно, рассказал А. В. Барченко немало интересного о своих хождениях в Тибет и Индию, о самобытной вере голбешников, и о загадочных символах-идеограммах, свидетелемствовавших о знакомстве русских сектантов с буддийской тантрой.

Вернувшись в Ленинград, А. В. Барченко вновь загорелся желанием отправиться в Центральную Азию — в Монголию и Тибет — на поиски следов древ-

ней Шамбалы. Попытался организовать такую поездку под видом командировки от Главнауки для изучения восточных языков. Вопрос о монголо-тибетской экспедиции А. В. Барченко был рассмотрен на закрытом заседании президиума Главнауки, по-видимому, в конце 1924 г. По просьбе А. В. Барченко на него пригласили в качестве «консультанта» Хаян Хирву, который горячо поддержал ходатайство русского ученого. Во время обсуждения, однако, произошло новое столкновение Барченко с С. Ф. Ольденбургом. В письме Г. Цыбикову он рассказывает об этом так: «На этом заседании академик-ориенталист обрушился на меня, утверждавшего (без детальной аргументации), что монгольские и тибетские ученые далеки от облика наивных дикарей, который навязывают им западные ученые. Академик-ориенталист защищал точку зрения Рокхилла, Уодделла, и даже Гренара о низком культурном уровне лам, подтверждая это положение ссылкой на авторитеты свой и своего коллеги, известного Вам академика-ориенталиста, бывшего лично в Шигатзе»[207] (Речь идет о Ф. И. Щербатском, недавно вернувшемся из поездки в Монголию. Справедливости ради, однако, надо заметить, что Щербатской в Тибете никогда не был.) Доводы непеременимого секретаря АН, очевидно, перевесили аргументы его не столь именитого оппонента, и президиум Главнауки в итоге отклонил ходатайство Барченко.

Несмотря на эту новую неудачу, в жизни А. В. Барченко на исходе 1924 г. определенно наметился перелом. Все началось с малозначительного вроде бы события: во время очередного визита к нему «чекушников» (Владимирова, Рикса, Отто и Шварца) ученый рассказал им о своем намерении посвятить в Древнюю науку советских вождей и обратился за помощью — попросил свести его с кем-либо «из близко стоящих людей к руководству ВКПб и Советского правительства». «Покровители» откликнулись на его просьбу с готовностью и тут же стали припоминать какие у кого имеются связи наверху. Так, К. Ф. Шварц назвал А. В. Барченко фамилии трех известных ему лиц: ленинградцев Н. П. Комарова (секретаря президиума Ленгубисполкома) и Я. Г. Озолина (заместителя председателя Губсуда), а также москвича, бывшего руководителя ПЧК, ныне возглавляющего Спецотдел ОГПУ, Г. И. Бокия. Взвесив все за и против остановились на кандидатуре последнего, который, таким образом, и должен был стать проводником А. В. Барченко в высшие партийно-правительственные сферы[208].

Дальнейшие события развивались приблизительно так: А. В. Барченко написал письмо главе ОГПУ и председателю ВСНХ Ф. Э. Дзержинскому, в котором рассказал о себе и своей работе. Это письмо К. К. Владимиров затем отвез в Москву на Лубянку. В то же время он связался с Бокием, которого знал по прежней работе в ПЧК. В результате, через несколько дней в Ленинград приехал заведующий секретно-политическим отделом ОГПУ — возможно, по личному указанию Дзержинского — Я. С. Агранов, который встретился с А. В. Барченко на одной из чекистских конспиративных квартир. «В беседе с Аграновым я подробно изложил ему теорию о существовании замкнутого научного коллектива в Центральной Азии и проект установления контактов с обладателями его тайн. Агранов отнесся к моим сообщениям положительно», так впоследствии рассказал об этой встрече следователям сам А. В. Барченко[209]. Вскоре после этого вернувшийся в Питер Владимиров сообщил Барченко, что переговоры с Бокием прошли успешно и что ему надлежит выехать в Москву для доклада своего проекта руководству ОГПУ. Владимиров и Барченко затем отправились вместе в столицу, где встретились с Аграновым и Бокием. После конфиденциальной беседы с последним А. В. получил приглашение на коллегия ОГПУ, где и доложил о своем проекте.

«Заседание коллегии состоялось поздно ночью. Все были сильно утомлены, слушали меня невнимательно. Торопились поскорее кончить с вопросами. В результате при поддержке Бокия и Агранова нам удалось добиться, в общем-то, благоприятного решения о том, чтобы поручить Бокию ознакомиться детально с содержанием моего проекта и, если из него действительно можно извлечь какую-либо пользу, сделать это» [210].

Такова версия событий в изложении А. В. Барченко. В ней, однако, отсутствует один важный персонаж — К. Ф. Шварц. Согласно же показаниям Г. И. Бокия, с визитом к нему в Спецотдел в конце 1924 г. явились трое — Владимиров, Шварц (!) и сам ученый. «Они рекомендовали мне его (т. е. А. В. Барченко) как талантливого исследователя, сделавшего имеющее чрезвычайно важное политическое значение открытие, и просили меня свести его с руководством ОГПУ с тем, чтобы реализовать его идею»[211]. Со своей стороны К. Ф. Шварц о поездке в Москву к Г. И. Бокию рассказывал иначе. По его версии, на той памятной встрече в квартире Кондаиных А. В. Барченко попросил его отвезти начальнику Спецотдела написанный им доклад об учении Дуйнхор.

«Я дал свое согласие и вскоре Барченко мне передал для доставки Бокию пакет, что я и сделал. В Москву я ездил один. Владимиров в Москву уехал на день раньше. Я с ним встретился на другой день, а потом вместе зашли к Бокию и Владимиров дополнил мою информацию о Барченко»[212].

Таким образом, версия К. Ф. Шварца не согласуется с рассказом Г. И. Бокия. Складывается впечатление, что ленинградские чекисты посещали Г. И. Бокия дважды — первый раз без А. В. Барченко. Основной визит к начальнику Спецотдела втроем — Шварц, Владимиров и Барченко — вероятно, состоялся несколько позднее, после того как Бокий, ознакомившись с «докладом» Барченко, заинтересовался изложенными в нем идеями и пожелал переговорить с автором. Обе рукописи А. В. Барченко — доклад и проект экспедиции в Шамбалу — отыскать в архивах, к сожалению, не удалось.

Несмотря на положительное решение коллегии ОГПУ, организация столь необычной экспедиции встретила немалые трудности. Об этом говорят обнаруженные в архиве Владимирова две коротенькие записки от ученика А. В. Барченко, студента ЛИЖВЯ Владимира Королева, который, как выясняется,

также был напрямую связан с Г. И. Бокием.

В одной из них, датированной 26 марта, Королев сообщает Владимирову (оба в то время находились в Москве): «Был сегодня у Г. И. и разговор с ним оставил у меня плохое впечатление»[213]. Но к середине апреля. Г. И. Бокию, как кажется, удалось решить главную проблему, связанную с финансированием экспедиции. Средства, выделенные на нее ОГПУ, составили весьма внушительную сумму — 100 тысяч рублей (золотом), т. е. столько же, сколько советское правительство ассигновало весной 1923 г. на научную экспедицию в Тибет П. К. Козлова. Поверить в это трудно, если только не предположить, что ОГПУ связывало с этой новой экспедицией в Центральную Азию — а речь шла, как мы увидим в дальнейшем, о посещении Тибета и Афганистана — какие-то свои цели. Г. И. Бокию, несомненно, удалось заинтересовать планами А. В. Барченко руководителей ОГПУ — возможно, даже самого Феликса Эдмундовича. В результате А. В. Барченко, который окончательно расстался с Главнаукой вскоре после столкновения с С. Ф. Ольденбургом, поступает весной 1925 г., очевидно, по протекции Г. И. Бокия, в научно-технический отдел ВСНХ, организации, которую, как известно, возглавлял по совместительству Держинский. Уволился со своей службы в советско-германском транспортном товариществе «Дерутра» и К. К. Владимиров, также собиравшийся принять участие в путешествии. «Я знаю, что перед отъездом своим Вы, так или иначе будете у меня», писала К. К. Владимирову из Сестрорецка в конце апреля его новая пассия В. В. Зоценко. «Вы не сможете, не должны уехать куда-то бесконечно далеко, не увидев меня, не простившись со мной»[214]. И еще через несколько дней: «Мне очень грустно, что Вы уезжаете. Я знаю, что вы должны уехать, что Вам нужно ехать, и все-таки... Ведь дела и здесь много, нужного, полезного, большого дела. Но ведь Вы — мечтатель и Вам нужно чего-то другого, большого... Если же почему-либо отложится Ваша поездка на Восток, я буду рада, если Вы раз-другой в месяц, можете навестить меня здесь»[215].

Кроме К. К. Владимировой отправиться в Шамбалу изъявили желание и члены коммуны-братства А. В. Барченко — обе его жены Нататъя и Ольга, Юлия Струтинская, Лидия Шишелова-Маркова и Тамилл (А. А. Кондаин). Летом 1925 все они под руководством своего начальника начали готовиться к предстоящей экспедиции. В записках Э. М. Кондаин читаем:

«Мы стали в манеже на Конногвардейском бульваре учиться верховой езде. С неделю ходили раскорякой. Шились перекидные сумы для вьюков. Вышивалось белое знамя с Универсальной Схемой. Учили монгольский. Читали буддийский катехизис»[216].

Книга, о которой идет речь, это переведенный А. М. Позднеевым с монгольского трактат «Тонилхуйн чимэк» (Украшение Спасения), содержащий космологические и религиозно-философские воззрения буддистов[217]. В записках Э. М. Кондаин мы находим определения двух ключевых буддийских понятий, почерпнутые из этого сочинения: «Что такое Сансара? — Сансара это рождение в муках и постоянное заблуждение. Что такое Нирвана? Нирвана — избавление от всякого страдания и познание (приобретение) истины». Из Ленинграда тем же летом все вместе — А. В. Барченко со своей женской «свитой» и Кондаины — переехали на дачу в подмосковный городок Верею, где продолжили подготовку. В основном занимались верховой ездой и учили восточные языки — монгольский, урду и, по-видимому, тибетский. (По рассказу А. В. Барченко, студент-монголист Королев раздобыл у Б. Я. Владимирцова русско-монгольский разговорник — по нему и стали изучать современную монгольскую речь. Тибетский же язык учили по учебнику Г. Ц. Цыбикова.)[218]

Сведения о готовящейся экспедиции быстро распространились среди многочисленных питерских знакомых К. К. Владимирову. Один из них, скульптор В. Н. Беляев (также большой почитатель Сент-Ива), даже обратился к нему с просьбой:

«Константин Константинович! Зашел к Вам с тем, чтобы узнать, не можете ли Вы меня устроить в дальнюю поездку. Дела сложились скверно. Бюсты не идут. Весь рынок обслужен. Голодаю. Прошу Вас, если есть возможность, то и еще двух человек — женщин. Мой адрес: Новоисакиевская 22 кв. 7»[219].

Содействовать планам А. В. Барченко вызвались и двое его новых московских знакомых — некто доктор Вечеслов и В. И. Забрежнев. Оба они в прошлом принадлежали к ложе Великий Восток Франции; Вечеслов, к тому же, был близок с Астромовым-Кириченко, но, главное, он хорошо знал Афганистан, где по некоторым сведениям, побывал до революции в составе дипломатической миссии. В начале 1925 г. Вечеслов вновь по каким-то делам экстренно выехал в Кабул. Что касается В. И. Забрежнев, то он скорее всего сблизился с А. В. Барченко на почве общего интереса к гипнозу, поскольку был опытным гипнологом[220]. В прошлом сотрудник НКВД и ОГПУ, а ныне аспирант Института Экспериментальной Психологии в Москве, Забрежнев имел обширные связи в различных наркоматах и ведомствах, которые он попытался задействовать для продвижения планов А. В. Барченко. Так, В. И. Забрежневу удалось организовать встречу ученого с Г. В. Чичериным, что, вероятно, было вызвано необходимостью получения Барченко, как руководителя научной экспедиции, санкции наркоминдела для поездки за рубеж.

Визит А. В. Барченко к Г. В. Чичерину, в сопровождении двух сотрудников ОГПУ (очевидно, из Спецотдела Бокия), состоялся 31 июля. А. В. Барченко рассказал наркому о своих многолетних исследованиях в области древнейшего естествознания и изложил планы путешествия в Тибет и Афганистан — «для поиска следов доисторической культуры». При этом он заявил, что готов немедленно отправиться в Монголию, снарядить там караван и затем двинуться в Тибет. Из этого можно заключить, что Барченко фактически планировал не одну, а две отдельные экспедиции, ибо попасть в Афганистан было

гораздо легче и безопаснее с территории СССР, чем на обратном пути из Тибета через Китайский Туркестан. Его большой интерес к Афганистану (Кафиристану) подогревался, во-первых, тем, что здесь находились тайные обитатели («братства») суфиев, которые некогда посещал Гурджиев. В то же время в афганском Туркестане, между Балкхом и Бамианом, Сент-Ив помещал сакральную территорию Парадезы — владение Понтифов Империи Рама. (Напомним, что Балкх — это один из древнейших городов мира, столица Греко-Бактрийского царства; Бамиан же главным образом известен своим пещерным монастырским комплексом, насчитывающим около 2000 тысяч гротов.) В Афганистане путешественник, между прочим, намеревался войти в контакт с главой исмаилитов Ага-ханом[221], рассчитывая, очевидно, с его помощью проникнуть в наиболее недоступные для европейцев места, хранящие остатки древних знаний. (О чем он едва ли поведал Г. В. Чичерину, зная о крайне неприязненном отношении большевиков к Ага-хану за его связь с англичанами.)

Реакция наркома на сообщение А. В. Барченко была двойственной — поездку в Афганистан он тут же решительно отклонил по политическим соображениям, но в то же время высказался довольно положительно относительно посещения Тибета. Свой отзыв об экспедиционном проекте А. В. Барченко Г. И. Чичерин направил в Политбюро ЦК. Однако уже на следующий день из телефонного разговора с начальником ИНО ОГПУ М. А. Трилиссером Г. В. Чичерин узнал, что тот совершенно не в курсе относительно похода в НКВД А. В. Барченко и чекистов. Кроме того, Г. И. Чичерину доложили, что его визитеры самовольно обратились через наркоминдельский отдел виз в афганское посольство, заявив, что они «составляют экспедицию, едущую от ВСНХ». Разгневанный нарком тут же направил новую докладную в Политбюро с просьбой «не давать хода» его предыдущему письму. Ссылаясь на свой разговор с Трилиссером и Ягодой, он отмечал в ней, что «руководители ОГПУ теперь сомневаются в том, следует ли вообще отправлять экспедицию Барченко, ибо для проникновения в Тибет имеются в виду более надежные способы». В этой записке Г. И. Чичерин, помимо прочего, высказал свое отношение к исследованиям ученого и его проекту:

«Некто Барченко уже 19 лет изучает вопрос о нахождении остатков доисторической культуры. Его теория заключается в том, что в доисторические времена человечество развило необыкновенно богатую культуру, далеко превосходившую в своих научных достижениях переживаемый нами исторический период. Далее он считает, что в среднеазиатских центрах умственной культуры, в Лхасе, в тайных братствах, существующих в Афганистане и тому под., сохранились остатки научных познаний этой богатой доисторической культуры. С этой теорией тов. Барченко обратился к тов. Бокию, который ею необыкновенно заинтересовался и решил использовать аппарат своего Спец. Отдела для нахождения остатков доисторической культуры. Доклад об этом был сделан в Коллегии Президиума ОГПУ, которое точно также чрезвычайно заинтересовалось задачей нахождения остатков доисторической культуры и решило даже употребить для этого некоторые финансовые средства, которые, по-видимому, у него имеются. Ко мне пришли два товарища из ОГПУ и сам Барченко, для того, чтобы заручиться моим содействием для поездки в Афганистан с целью связаться там с тайными братствами.

Я ответил, что о поездке в Афганистан и речи быть не может, ибо не только афганские власти не допустят наших чекистов ни к каким секретным братствам, но самый факт их появления может повести к большим осложнениям и даже к кампаниям в английской прессе, которая не преминет эту экспедицию представить в совершенно ином свете. Мы наживем себе неприятность без всякой пользы, ибо, конечно, ни к каким секретным братствам наши чекисты не будут допущены.

Совершенно иначе я отнесся к поездке в Лхасу. Если меценаты, поддерживающие Барченко, имеют достаточно денег, чтобы снарядить экспедицию в Лхасу, то я даже приветствовал бы новый шаг по созданию связей с Тибетом при непременно условии, однако, чтобы, во-первых, относительно личности Барченко были собраны более точные сведения, во-вторых, его сопровождали достаточно опытные контролеры из числа серьезных партийных товарищей и, в третьих, чтобы он обязался не разговаривать в Тибете о политике и, в особенности, ничего не говорить об отношениях между СССР и восточными странами. Эта экспедиция предполагает наличие больших средств, которые НКВД на эту цель не имеет.

<...> Я безусловно убежден, что никакой богатейшей культуры в доисторическое время не существовало, но исходя из того, что лишняя поездка в Лхасу может в небольшой степени укрепить связи, создающиеся у нас с Тибетом»[222].

Отповедь Г. И. Чичерина, в которой чувствуется скрытое соперничество НКВД и ОГПУ, не обескуражила Г. И. Бокия, поскольку нарком в принципе не возражал против экспедиции А. В. Барченко в Тибет, хотя и считал необходимым прикрепление к ней партийного «контролера», т. е. политкомиссара. Именно таким образом Политбюро поступило в 1923 г. с П. К. Козловым, навязав его Тибето-Монгольской экспедиции дополнительного сотрудника, бывшего коминтерновца Д. М. Убугунова. Точно также поступили и с А. В. Барченко, назначив в его отряд политкомиссара Я. Г. Блюмкина. Одиозная личность бывшего левого эсера-террориста — убийцы германского посла графа В. Мирбаха, однако, встретила решительный отпор со стороны А. В. Барченко. Такому человеку как Блюмкин не могло быть места среди участников его отряда, отправлявшегося в святую землю Шамбалы. Но была, как кажется, и другая, более веская причина, окончательно разрушившая надежды А. В. Барченко. Уже в начале августа 1925 г. Г. В. Чичерин приступает к разработке планов новой советской дипломатической экспедиции в Тибет, что делало практически невозможным какое-либо постороннее проникновение в эту страну.

Не попав в Шамбалу, А. В. Барченко осенью того же года отправился вместе со своей женской «свитой» в другое заповедное место, на Алтай. Цель этой поездки, организованной все тем же Г. И. Бокием, состояла в том, чтобы установить связь с представителями «русской ветви традиции Дюнхор», искате-

лями Беловодья. Э. М. Кондяин сообщает нам маршрут путешественников — через Семипалатинск, Усть-Каменогорск, пароходом по Оби и Иртышу, а затем на лошадях в горы. Конечный пункт — селение Катон-Карагай, расположенное в живописной Бухтарминской долине. Там рассчитывали встретить тех, кто некогда ходил в Беловодье-Шамбалу. В Катон-Карагае А. В. Барченко познакомился со 115-летним старцем Филоновым («старик с пасеки»), у которого был сын и множество внуков. Оттуда, судя по краткой записи Э. М. Кондяин, А. В. Барченко и его спутницы двинулись в Котово, где находилась заимка Филонова — избушка и пасека. Запись заканчивается сообщением, что «старик вылечил Олю от простуды горячим медом»[223].

15. ОГПУ овладевает «Древней Наукой»

Несмотря на неуспех новой попытки пройти в заветную Страну Махатм, А. В. Барченко не пал духом. Осенью 1925 г., по возвращении с Алтая, ему удалось наконец-то приступить к практической реализации давно уже созревшего плана, которому он придавал значение «исторической миссии» — к передаче руководителям «идейного коммунизма в России», «Большим большевикам», ключа к универсальным знаниям древних («Универсального ключа»). В письме Г. Ц. Цыбикову А. В. Барченко мотивировал свое решение так. Русская социальная революция, хотя и оказывает «идейную поддержку Востоку», еще «совершенно далека от понимания той величайшей общечеловеческой ценности, коей скрыто владеет Восток». Ломая традиционные бытовые устои народов восточных окраин России — «коренные основы их самобытности», она тем самым уничтожает элементы древнейшей научной традиции. Ту же губительную политику большевики проводят и в отношении зарубежных восточных стран. Единственно возможный выход из такого положения — «скорейшее ознакомление крупнейших идейных руководителей Советской власти с истинным положением вещей, с истинной ценностью тех древнейших бытовых особенностей Востока, к разрушению которых Советская власть подходит так примитивно и грубо не из злостных побуждений, но по неведению, действуя с глазами, завязанными ей авторитетом западно-европейской академической науки. Самым сильным, самым неоспоримым и убедительным орудием в этом может послужить подтверждение, что Восток до сих пор владеет в неприкосновенности не только случайно уцелевшими практическими формулами тантрической науки, но и всей разумно обосновывающей ее теорией „Дюнхор“»[224]. По существу это была попытка просветить новых властителей России, тех, кто не ведает, что творит. При этом А. В. Барченко явно следовал примеру своего учителя Сент-Ива, который в свое время апеллировал к главам западных держав, призывая их к «коллективной охране очага древней науки», т. е. Шамбалы, поскольку он мог бы пострадать в случае военного столкновения Англии, Афганистана и России[225]. (Англия и Россия действительно едва не начали войну из-за Афганистана в середине 1880-х. Ситуация удивительным образом повторилась полвека спустя, в результате резкого обострения англо-советского соперничества в Центральной Азии.) Тот же Сент-Ив, между прочим, побуждал французского премьера Жоржа Клемансо установить контакт с мудрыми правителями Агарты-Шамбалы.

Для передачи эзотерического знания наиболее достойным представителям большевистской партии А. В. Барченко организовал в недрах ОГПУ в конце 1925 г. — при содействии Г. И. Бокия — небольшой кружок по изучению Древней науки. В этот кружок вошли ведущие сотрудники Спецотдела — Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гопиус, Плужницов, а также его начальник Бокий[226]. А. А. Кондяин в своих показаниях, однако, говорит о двух кружках: одним руководил А. В. Барченко, другим — он сам, при этом в его кружке занималось 15 человек, в том числе Г. И. Бокий и Е. Гопиус[227]. И все же, какого-то отдельного «кружка Кондяина» скорее всего не существовало, а просто А. А. Кондяин, по просьбе А. В. Барченко, вероятно, читал собственные доклады в кружке (о чем свидетельствует и Г. И. Бокий). Как бы то ни было, но занятия с сотрудниками Спецотдела продолжались недолго, поскольку, по словам Г. И. Бокия, ученики оказались «неподготовленными к восприятию тайн Древней науки». Кружок А. В. Барченко распался, но энергичному Г. И. Бокию вскоре удалось подыскать новых, более способных учеников «из числа своих старых товарищей по Горному институту». В состав этой второй группы входили М. Л. Кострыкин, А. В. Миронов (оба инженеры), Б. С. Стомоняков (зам. наркоминдела в 1934–1938), И. М. Москвин (член Оргбюро и секретариата ЦК, заведующий орграспредом ЦК), А. Я. Сосовский[228]. Несколько раз занятия кружка, согласно Г. И. Бокию, посещали С. М. Диманштейн и инженер Ю. Н. Флаксерман, а также, по свидетельству Ф. К. Шварца, Г. Г. Ягода — в будущем шеф НКВД[229]. О том, что конкретно изучали «ученики» А. В. Барченко на этих занятиях мы узнаем из уже упоминавшегося письма А. В. Цыбикову, в котором говорится, что созданная им группа в течение двух лет «занималась изучением теории Дюнхор в основных ее пунктах и сравнением с теоретическими основами западной науки»[230].

В этой связи, естественно, возникает вопрос: в какой степени А. В. Барченко владел этой «теорией»? Мы уже говорили, что свои познания в области Калачакра-тантры он в основном почерпнул из бесед с «восточными учителями» — Нага-Навеном, Хаян-Хирвой и бурятско-калмыцкими ламами во время проживания в буддийском общежитии в Старой Деревне. Скорее всего это были довольно поверхностные знания, ибо трудно представить себе, чтобы европеец, не владеющий тибетским языком, мог овладеть столь сложной религиозно-философской системой всего за несколько месяцев. Сами ламы обычно изучают Кала-чакру в специальных монастырских школах — «дуйнхор-дацанах», где курс обучения обычно длится 4 года. Следовательно, А. В. Барченко имел возможность познакомиться с высшим тантрийским учением лишь в самых общих чертах, но, вероятно, этих знаний оказалось вполне достаточно для включения им тибетской тантры в общую систему Древней науки. И действительно, в письме Г. Ц. Цыбикову А. В. Барченко говорит об учении Калачакры довольно невнятно и туманно. В целом учение характеризуется им как некая «универсальная наука», представляющая «синтез всех научных

знаний». Сам термин «дуйн-хор» (буквально «колесо времени») Ф. К. Шварц и Г. И. Бокий переводят — по-видимому, со слов А. В. Барченко — соответственно как «семь кругов» и «семь кругов знания». Такое понятие, однако, не встречается в известной нам литературе Калачакра-тантры. Возможно, в данном случае речь идет о древней космологической концепции «Семи кругов» (небес, миров, сфер), с которой мы встречаемся, например, у Платона и в книгах Гермеса. В своей лекции о картах Таро (см. приложение 1) А. В. Барченко утверждает, что число СЕМЬ — символ «Великого Универсального механизма» Божественного Творчества, иначе «Великого Универсального Круговорота». А в записке для членов ЕТБ он говорит о семикратной смене цивилизаций в рамках Большого земного цикла. Вспомним также о семи окружностях Археометра Сент-Ива — «ключа ко всем религиям и наукам древности». Вообще же число 7 облечено большим сакральным смыслом в эзотерической символогии, особенно в учении розенкрейцеров (7 космических кругов, или планов, 7 Великих Логосов, 7 планетарных духов, 777 Инкарнаций, семиричная конституция человека и т. д.) [231] Аналогичным образом и у Г. И. Гурджиэва мы встречаемся с понятием 7 космосов или миров. Но в таком случае А. В. Барченко, очевидно, употреблял тибетский термин Дуинхор в отрыве от его прямого значения, как синоним Древней науки в целом.

В то же время можно с большой уверенностью утверждать о том, что в практическом плане самое ценное в Древней науке для А. В. Барченко — это, во-первых, ее «синтетический метод», который, как уже говорилось, А. В. Барченко пытался применять для обработки экспериментальных (лабораторных) данных, и, во-вторых, психотехника («тантрическая созерцательная тренировка»). Конечная цель такой «тренировки» формулировалась им как «индивидуальное совершенствование вплоть до степени возбуждения в себе крестцовой чакры» [232] — то, что на языке йоги называется «пробуждением Кундалины». Мы уже говорили, о том, что Барченко, по-видимому, был достаточно хорошо знаком с индийской йогой. Но он также пытался использовать знание о «чакрах» (которые он называет «главными ганглиозными узлами») в своей довольно оригинальной медицинской практике. Э. М. Кондияйн рассказывает такую курьезную историю:

«У меня с 1921, после рождения Олега, сделалось расстройство обмена веществ, болело колено 2 года. Меня лечили врачи, но боль становилась все сильнее, не давала спать по ночам, с трудом ходила. А. В. Барченко меня вылечил за один месяц чугунным утюгом. Я ложилась на пол на живот между двумя опрокинутыми табуретками. На палке между табуретками подвешивался горячий утюг над моим крестцовым сплетением. Первый раз — в течение 10 минут. Этого оказалось слишком много. Ночью боли у меня усилились и поднялась температура. Уменьшили продолжительность процедуры до 3 минут, прибавляя по одной минуте в день. Остановились на 20 минутах».

Усилия А. В. Барченко, направленные на просвещение коммунистических вождей посредством эзотерического знания, оказались столь же бесплодны, как и его попытка связать «Больших большевиков» с духовными водителями мира, обитающими в Шамбале. Лекции А. В. Барченко, адресованные крошечной группе московских партийцев (заметим, далеко не самых высокопоставленных и влиятельных), сколь бы увлекательными и познавательными они ни были, не могли оказать существенного влияния на идеологию большевиков. Теория А. В. Барченко о высокоразвитой доисторической культуре должна была казаться откровенной ересью любому правоверному марксисту. Известно, что В. И. Ленин решительно отрицал существование «золотого века» в доисторическую эпоху, утверждая, что первобытный человек был «совершенно подавлен» трудностью жизни и трудностью борьбы с природой [233]. И все же тот факт, что инициатива А. В. Барченко совпала по времени с выступлением зиновьевско-троцкистской оппозиции, ставшей кульминацией идеологического брожения в партийных рядах, наводит на мысль: не мог ли А. В. Барченко, столь энергично выражающий в письме Г. Ц. Цыбикову свое несогласие с восточной политикой большевиков, быть связан с кем-либо из оппозиционеров? Например, с Л. Д. Троцким?

Напомним, что Троцкий, исходя из своей теории «перманентной революции», резко критиковал в 1927 г. линию партии и Коминтерна в вопросе о китайской революции, как и вообще «безграмотный» бухаринско-сталинский курс в отношении восточных стран. Правда, у нас нет сведений о прямых контактах между А. В. Барченко и Л. Д. Троцким, в то же время А. А. Кондияйн в своих показаниях говорит о том, что А. В. Барченко был связан в Москве с женой Троцкого, Бронштейн [234]. Г. И. Бокий, со своей стороны, на одном из допросов признался, что всегда был троцкистом и после высылки Троцкого поддерживал с ним постоянную и тесную связь [235]. И хотя достоверность подобного «признания» довольно сомнительна, в принципе нельзя исключить того, что А. В. Барченко мог передать Л. Д. Троцкому — через его жену или через Г. И. Бокия — свой «доклад» о Древней науке, на что вроде бы и намекает А. А. Кондияйн. В одной из поздних работ Л. Д. Троцкого мы находим довольно любопытный пассаж:

«Марксизм исходит из развития техники, как основной пружины прогресса, и строит коммунистическую программу на динамике производительных сил. Если допустить, что какая-либо космическая катастрофа должна разрушить в более или менее близком будущем нашу планету, то пришлось бы, конечно, отказаться от коммунистической перспективы, как и от многого другого. За вычетом же этой, пока что проблематичной, опасности нет ни малейшего научного основания ставить заранее какие бы то ни было пределы нашим техническим, производственным и культурным возможностям. Марксизм насквозь проникнут оптимизмом прогресса и уже по одному этому, к слову сказать, непримиримо противостоит религии» [236].

Значит ли это, что Л. Д. Троцкий был знаком с оккультной теорией мировых катаклизмов? Если это так, то процитированный отрывок недвусмысленно указывает на его негативное отношение к ней. А следовательно, А. В. Барченко, если он действительно установил связь с Л. Д. Троцким, едва ли мог

рассчитывать на понимание и поддержку с его стороны. Но такое понимание он безусловно нашел в лице своего главного московского покровителя Г. И. Бокия, наличности которого здесь хотелось бы остановиться чуть подробнее.

Л. Разгон в книге воспоминаний «Плен в своем отечестве» рисует довольно привлекательный образ руководителя загадочного Спецотдела «при ОГПУ» Глеба Ивановича Бокия. Старый большевик, член петроградского ВЧК в период подготовки Октябрьского восстания, а затем, после победы революции, председатель ПЧК, он имел много «странностей». К примеру, «никогда никому не пожимал руки, отказывался от всех привилегий своего положения: дачи, курортов и проч. <...> Жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, родные и знакомые даже не могли подумать о том, чтобы воспользоваться для своих надобностей его казенной машиной. Зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке, и даже в дождь и снег на его открытом „паккарде“ никогда не натягивал верх»[237]. По словам Л. Разгона, близко знавшего Бокия, Глеб Иванович «принадлежал к совершенно иной генерации чекистов, нежели Ягода, Паукер, Молчанов, Гай и др. <...> Это был человек, происходивший из старинной интеллигентной семьи, хорошего воспитания, большой любитель и знаток музыки»[238]. И вместе с тем, именно Г. И. Бокий «руководил» красным террором в Петрограде, именно его подпись стоит под списками заложников ПЧК, именно по его инициативе были созданы первые концлагеря в Советской России. Правда, известно и о том, что Г. И. Бокий выступил против применения самосуда в отношении контрреволюционеров в сентябре 1918 г., чем навлек на себя гнев главы Петросовета Г. Е. Зиновьева, который в результате «вышиб» его из Петрограда[239].

После ареста в 1937-м Г. И. Бокий поведал следователю о своих давних «политических расхождениях» с партией, возникших под влиянием таких событий, как подписание большевиками Брестского мира, Кронштадский мятеж, введение НЭПа и завещание Ленина, что в конечном счете привело его к «внутреннему разладу» и увлечению мистикой. Признался он и в том, что еще в 1909 г. вступил в масонскую ложу (орден розенкрейцеров), членами которой якобы являлись академик С. Ф. Ольденбург и «английский шпион» Н. К. Рерих[240]. И хотя мы хорошо знаем цену подобных признаний, все же в показаниях Г. И. Бокия, наряду с явным самооговором, можно найти и немало достоверных сведений, тем более, что аналогичные «расхождения с партией» имелись и у многих других представителей большевистской «старой гвардии». Вполне можно допустить, что в юности Г. И. Бокий увлекался оккультизмом — «занимался познанием абсолютной истины», говоря его собственными словами, что объясняет столь неожиданно вспыхнувший в нем интерес к теории о «существовании абсолютных научных знаний». Фантастичные идеи Барченко, по-видимому, действительно произвели большое впечатление на интеллигентного и аскетичного начальника Спецотдела. Хотя, с другой стороны, конечно же, Глеба Ивановича едва ли можно считать «скрытым масоном». По свидетельству Э. М. Кондияйн, «Г. И. Бокий был глубоко заинтересован работами А. В. Он был его другом и опорой».

В мае 1921 г. Г. И. Бокий создал криптографическую службу при ВЧК — так называемый Спецотдел (СО)[241]. Главной ее задачей являлась охрана государственной тайны. (Л. Разгон сравнивает СО с Агентством Национальной Безопасности США.) Как явствует из показаний Г. И. Бокия, Спецотдел имел собственный источник дохода от продажи различным учреждениям сейфов («несгораемых шкафов») — средства, которыми лично распоряжался Г. И. Бокий. Возможно, что из этого «фонда» и финансировались командировки А. В. Барченко и его научная работа, о которой более подробно мы будем говорить в следующей главе. Здесь, однако, важно отметить, что тайноохранительная функция далеко не исчерпывала деятельность СО. Г. И. Бокий стремился привлечь к сотрудничеству различных экспертов и ученых в областях, представлявших наибольший интерес для ОГПУ. Так, в мае 1925 г. Г. И. Бокий принял на работу в свое учреждение К. К. Владимирова[242], вероятно, в качестве графолога, поскольку один из подотделов СО (7-й) занимался экспертизой почерков.

16. Новые поиски

Расставшись с Главнаукой, А. В. Барченко, как уже говорилось, перешел в ВСНХ, где был зачислен консультантом научно-технического отдела. Там официально он занимался в основном исследованиями в области гелиодинамики и изучением лекарственных растений. В то же время мы знаем, что Бокий помог ученому организовать собственную лабораторию, где А. В. Барченко, по-видимому, возобновил свои парапсихологические опыты, поскольку они представляли большой интерес для Спецотдела. Эта секретная «спецлаборатория» позднее перекочевала под крышу Московского энергетического института, а в 1934 или 1935 г. — в здание Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), где она стала называться нейроэнергетической. В этой лаборатории работала и одна из его учениц, Л. Н. Шишелова-Маркова. (По свидетельству Разгона, организатору и директору ВИЭМ Л. Н. Федорову покровительствовал бывший ученик А. В. Барченко И. М. Москвин.) О характере исследований ученого в этот период (1927–1937) позволяет судить название его большой монографии, конфискованной НКВД в 37-ом: «Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя».

Некоторое представление о направлении поисков А. В. Барченко во 2-й половине 1920-х дают весьма интересные, хотя и обрывочные сведения из показания А. А. Кондияйна. Так, он «„признался“ следователю, что в 1926 г. получил от А. В. Барченко „задание“ — проникнуть в среду сотрудников Пулковской обсерватории с целью получения данных о новейших астрономических открытиях». В результате он свел знакомство с заместителем директора обсерватории, астрономом и астробиологом Г. А. Тиховым — тем самым, который ранее тесно сотрудничал с мироведами. Их контакт, правда, оказался малопродуктивным. «Знакомство с Тиховым результатов не дало, т. к. кроме сведений о плане работы Пулковской Обсерватории и одной научной работы на тему о „поглощении света в мировом пространстве“ мне других сведений достать не удалось»[243].

Интересно также и сообщение А. А. Кондияйна о метеорологе Л. Г. Данилове: «В 1925 я был командирован Барченко и Бокием в Винницу с заданием познакомиться с проф. Даниловым Леонидом Григорьевичем и выяснить практические результаты его работы, которой он занимается в течение 20 лет. <...> Его работа имеет большое научное значение, т. к. вскрывает весь механизм атмосферы и, в частности, дает возможность предсказывать погоду на долгие сроки»[244]. С А. А. Кондияйном Л. Г. Данилов послал в Москву для А. В. Барченко свое большое исследование «Теория волновой погоды». (О судьбе этого труда нам ничего не известно, кроме довольно странного заявления А. А. Кондияйна о том, что он был «похищен» другим ученым, метеорологом Б. П. Мультиановским, и переправлен за границу.)

Особенно большой интерес А. В. Барченко и А. А. Кондияйн проявляли к теории 11-летней периодичности пятнообразования на Солнце. Так, в письме Г. Ц. Цыбикову в начале 1927 г., ссылаясь на статью французского астрофизика Эмиля Туше «Тайны Солнца»[245], А. В. Барченко писал:

«Для посвященного в тайну Дюнхор не может быть сомнений, что западно-европейская наука случайно натолкнулась в этой теории на механизм, составляющий главную тайну Дюнхор. Пока еще аналитический метод европейской науки мешает ей оценить всю важность этой теории. Но достаточно какому-нибудь вдумчивому исследователю сделать попытку перенести на бумагу, на плоскость картину, аналитически вычисленную проф. Туше, чтобы обнаружилась тайна Дюнхор и других механизмов. А в руках современной техники, уже знакомой с применением ультра-фиолетовых и инфракрасных лучей, эти механизмы, открывая механизм действия „малых причин“, механизм космического резонанса и интерференции, механизм стимуляции космических источников энергии, грозит вооружить буржуазную Европу еще более кровавыми средствами истребления»[246].

В приведенной выше цитате не трудно увидеть намек на ту работу, которой занимались А. В. Барченко и А. А. Кондияйн — то, что Э. М. Кондияйн называет «проверкой Универсальной Схемы». Одна из тем, наиболее интересовавших обоих ученых, это ритмические («унисональные») колебания в природе и их влияние на человека. В архиве К. К. Владимирова хранится рукопись, автором которой, по-видимому, является А. А. Кондияйн[247]. По сути это краткое резюме основных представлений европейской науки того времени (середина 1920-х) — материал для работы с УС. Вот название разделов этой работы: некоторые специфические черты ритмических колебаний, координационные числа неорганических и органических процессов, основы ритмических колебаний, современные представления о структуре вещества, о свете, данные современной науки о лунном свете, о роли солнца в жизненных процессах, данные современной биологии. В воспоминаниях Э. М. Кондияйн мы находим любопытную запись — мысли А. В. Барченко об универсальной природной «ритмики» — штрих к портрету А. В. Барченко-ученого. «Все в мире ритмично, начиная с движения светил, смены времен года, смены дня и ночи, дыхания, кровообращения до движения электронов. Внешние колебания действуют на живой организм. А. В. не допускал в комнате обои с рисунком. Рисунок, считал он, дает негармоничные колебания, которые разрушают гармоничные ритмы живого организма. А. В. оклеивал стены обоями лицевой стороной к стене и окрашивал обои клеевой краской интенсивно золотисто-оранжевого цвета. Стены получались матовые»[248].

Еще один любопытный факт: А. В. Барченко и А. А. Кондияйн считали, что внутри солнца находится вещество не подчиняющееся известным человеку законам. Прорываясь на поверхность, это вещество и образует солнечные пятна. (Речь, конечно, идет о плазме, о которой в ту пору науке еще ничего не было известно.)

В конце 1926 г. Кондияйны, давно уже подумывавшие о том, чтобы перебраться на юг, уехали в Крым. Поначалу остановились в местечке Азиз под Бах-

чисараем. К ним вскоре (в марте 1927 г.) присоединился и А. В. Барченко со своей кочевой «семьей». Крымский полуостров привлекал к себе его внимание тем, что здесь, по учению Сент-Ива, находилась одна из главных колоний «Черной расы» — Таврида (древняя Таврика). (Другие колонии это Египет, Малая Азия, Китай, Япония, Персия и Тибет; метрополией же цивилизации Черных была Эфиопия — Абиссиния!) Особенно большой интерес у А. В. Барченко и Тамиила вызывали так называемые «пещерные города» в юго-западной части полуострова: Тепе-Кермен, Качи-Кальен, Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Мангуп. Особенность этих «городов» заключается в том, что они состоят не только из наземных построек в виде остатков крепостей, монастырей и жилых зданий, но и подземных, вырубленных в толще мягких известняковых пород помещений, т. е. пещер. В Тепе-Кермене таких пещер насчитывается, например, 250, в Чуфут-Кале 167, а в Кыз-Кермене всего 3. По поводу происхождения и времени создания этих памятников существует три основные гипотезы. Согласно первой из них, пещерные комплексы были созданы неолитической культурой — киммерийцами, таврами и скифами (VIII–VII века д. н. э.). Согласно второй — это творения ранних христиан, спасавшихся от преследований римлян. И наконец, существует мнение, что «пещерные города» это не поселения, а некрополи со склепами, на подобии римских катакомб[249]. Наиболее древние из «городов» (Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Мангуп) датируются VI–VII веками н. э., тогда как большинство монастырских построек относится археологами к более позднему периоду (VIII–IX вв.). В то же время установлено наличие в Крыму пещерных стоянок древне-каменного века, палеолита (80–7 тысяч лет до н. э.)[250]. Барченко и Тамиил, по воспоминаниям О. А. Кондияйна (сына А. А. Кондияйна), пытались отыскать среди развалин городищ следы доисторической культуры. Их внимание особенно привлекли загадочные древние орнаменты на камнях, сохранившихся, по-видимому, от построек более архаичного периода. Заметим, кстати, что в 1920-е гг. в Крыму работало немало советских археологов, занимавшихся обследованием, разведкой и раскопками в городищах, что вероятно, послужило дополнительным импульсом для поисков Барченко и Кондияйна[251].

Находясь в Крыму, А. В. Барченко вместе со своим учеником возобновили серию экспериментов со светом, начатых им когда-то в «черной лаборатории» в Петрограде. Например, ставили опыты, доказывающие, что световое излучение бесцветно — та или иная окраска лучей (т. е. цвет) появляется в результате смешения черного и белого спектров. Для этого они вырезали из светлого картона диски и частично закрашивали их поверхность черной краской. Эти диски затем прикреплялись к маховому колесу швейной машины. Быстрое вращение колеса — при направлении на него потока света из какого-либо источника — давало ощущение цвета, который менялся в ту или другую сторону спектра в зависимости от величины «черного сектора» на диске. Идея подобных опытов, возможно, была навеяна популярной брошюрой А. К. Тимирязева («О свете, цветах и радуге»). В ней, между прочим, рассказывается о способе «смешения цветов» при помощи быстрого вращения насаженного на ось картонного круга, раскрашенного различными красками[252]. Ставились и опыты с целью установить характер влияния световых волн различной длины на живые организмы — растения и животных. Так, по рассказу Э. М. Кондияйна, А. В. Барченко «освещал» белых крыс через различные светофильтры. Выяснилось, что синие и фиолетовые лучи оказывают на животных губительное воздействие.

Весна 1927 года надолго осталась в памяти А. А. и Э. М. Кондияинов. Запомнилось прежде всего счастливое время, проведенное в обществе Барченко — совместные прогулки-экскурсии в горы, обследование загадочных «пещерных городов», научные эксперименты. Э. М. Кондияйн вспоминает также ботанические «уроки» Барченко: «Весной А. В. ходил с нами по степи и показывал лекарственные растения — мак, адонис верналис, тысячелистник, полынь и др.» Этой же весной произошло и печальное событие — нелепая ссора между А. В. и Тамиилом, приведшая к разрыву между ними. Поводом для нее послужило то, что Тамиил нечаянно разбил комплект цветных липмановских пластинок — собственноручно изготовленных им, на которые были засняты все крымские опыты. Эти диапозитивы А. В. предполагал отправить в Москву с приехавшим в Бахчисарай Королевым и потому их утрату воспринял крайне болезненно, обвинив А. А. во «вредительстве и измене». О. А. Кондияйн, однако, подлинную причину разрыва видит в другом — «Мой отец в отличие от Барченко считал, что знания содержащиеся в древней науке, обнародовать нельзя, т. к. они могут быть использованы во зло. Кроме того, А. В., считая себя учителем, настаивал на том, чтобы отец признал себя его учеником, что обрекло бы его на полное ему подчинение». И действительно, А. В. Барченко придавал большое значение идее ученичества в контексте созданного им «братства»; изучение основ Древней науки, с его точки зрения, было допустимо «либо в порядке прямого, преемственного посвящения в степень ученика и брата, либо в порядке сообщения знаний правомочному коллективу», как это имело место в случае с московской группой учеников[253]. В этом можно усмотреть желание А. В. Барченко строго следовать восточной традиции с ее акцентом на сохранении линии преемственности при передаче эзотерического знания. Тамиил, однако, не хотел связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к своему «гуру», зная, что ученичество предполагает беспрекословное подчинение ученика учителю.

А. В. Барченко уехал из Бахчисарая вскоре после ссоры с Тамиилом. «Тяжело мы переживали разлуку с А. В., — вспоминает в своих записках Э. М. Кондияйн. — Тамиил с этого времени сильно изменился, стал замкнутым, мрачным. Пытался восстановить отношения с А. В. Ездил к нему в Москву, раз в Кострому, но отношения оставались холодные, натянутые. И он быстро возвращался еще более убитым».

Рассказывая немало любопытного о пребывании А. В. Барченко в Крыму весной 1927 г., Э. М. Кондияйн ничего не говорит о его контактах с местными мусульманскими сектами, которые он также причислял к хранителям «Традиции Дюнхор». Об этом мы узнаем из другого источника — от Г. И. Бокия, который сообщает, что А. В. Барченко во время поездки в Бахчисарай в 1927 г. установил связь с членами мусульманского дервишского ордена Саиди-Эдди-

ни-Джибави и впоследствии вызывал в Москву и приводил к нему сына шейха (главы) этого ордена. Примерно в это же время, согласно Бокию, А. В. Барченко также ездил в Уфу и Казань, где установил связь с дервишами орденов Накш-Бенди и Халиди[254]. Сам А. В. Барченко также признался в ходе следствия, что начиная с 1925 г. он предпринял ряд попыток к сближению с представителями различных «религиозно-мистических сект» — с хасидами, исмаилитами, суфийскими дервишами, караимами, тибетскими и монгольскими ламами, алтайскими старообрядцами-кержаками и костромскими странниками-голбешниками. Цель этих встреч состояла в том, чтобы соединить внешне разрозненные ветви единой эзотерической традиции. В то же время А. В. Барченко ставил перед собой и более конкретную задачу — организовать всесоюзный «съезд» посвященных в Древнюю науку. Такой съезд должен был продемонстрировать советскому правительству реальность существования и научную ценность древнейшей Традиции, а также выработать рекомендации относительно применения в СССР «в самом широком масштабе» многих, «из тех воспитательно-технических методов, которыми владеет Дюнхор» [255]. Провести съезд предполагалось в Москве в конце 1927 г. или в 1928 г.

Эта новая инициатива А. В. Барченко родилась опять-таки под влиянием Сент-Ива, который в своей книге «Миссия Индии в Европе» ратовал за созыв «европейского Вселенского Собора» представителей «всех вероисповеданий и всех Университетов» (т. е. эзотерических школ). Идею съезда-собора восточных ученых-эзотериков, по словам А. В. Барченко, одобрил в 1923 г. и Нага-Навен: «От Нага-Навена я получил также указания на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступления всех мистических течений Востока, которыми, в частности, являются гандизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке»[256].

Определенная работа по выявлению и объединению российских адептов Древней науки велась А. В. Барченко подспудно в течение нескольких лет. Однако, решение о созыве «съезда» он окончательно принял лишь после поездки в Кострому в начале марта 1927 г. Костромичи-искатели Беловодья «формально» приняли его «в свою среду» и уполномочили «известить всех иноплеменников, владеющих Традицией Дюнхор», о своей работе в России [257]. С этой целью, приехав из Костромы в Крым (Бахчисарай), А. В. Барченко незамедлительно вступил в контакт с шейхами суфийских орденов Саадия и Пакшбандия, а также обратился письменно к ряду известных ему лиц; «посвященных» в Традицию, в том числе к Хаян-Хирве, Нага-Навену и Г. Ц. Цыбикову, приглашая их принять участие в съезде. Письма Г. Ц. Цыбикову и Хаян-Хирве должен был собственноручно доставить В. Н. Королев. (Окончивший годом ранее ЛИЖВЯ, последний получил в марте 1927 г. в Наркоминделе назначение на должность секретаря советского консульства в Алтан-Булаке — на границе с МНР, однако прежде чем проследовать к месту работы, решил навестить А. В. Барченко в Бахчисарае.) Любопытно, что для связи с Хаян-Хирвой А. В. Барченко вручил В. Н. Королеву «пароль» — нарисованный на бумаге знак Розы и Креста. Хаян-Хирве А. В. Барченко также отправил письмо для передачи Нага-Навену, который в то время находился во Внутренней Монголии. (Складывается впечатление, что Нага-Навен был связан с другим тибетским оппозиционером — Панчен-ламой, который в декабре 1923 бежал с группой своих сторонников в Китай по причине недовольства прозападными реформами Далай-ламы. Вскоре после того как Панчен-лама в начале 1927 г. перебрался из Пекина в Мукден, поползли слухи о его скором возвращении в Тибет, что, по мнению лам, указывало на приближение сроков Шамбалинской войны. А. В. Барченко, разумеется, хорошо знал о древнем буддийском пророчестве, и его письмо к Г. Ц. Цыбикову проникнуто острым предчувствием грядущего мирового катаклизма.)

После отъезда из Крыма А. В. Барченко продолжил работу по организации съезда адептов Древней Науки. Во время вторичного посещения Костромы в 1927 г. он встретился с сыном шейха ордена Саадия на квартире Ю. В. Шишелова. (Последний после обучения в ЛИЖВЯ перебрался в Кострому, где устроился на работу в милиции.) Здесь же в Костроме, ожидая прибытия из заграницы некоего «представителя ордена Шамбала»[258], ученый неожиданно был арестован ОГПУ, но его вскоре освободили после вмешательства Г. И. Бокия. По сведениям А. А. Кондияйна, А. В. Барченко в тот же период встречался и с главой хасидов Шнеерсоном, впоследствии высланным из СССР[259]. Какие-либо подробности этих встреч нам не известны.

Цель обращения А. В. Барченко к Г. Ц. Цыбикову состояла прежде всего в том, чтобы привлечь известного тибетолога, а вместе с ним и некоторых высокоученых бурятских лам, к участию в намеченном съезде. Более конкретно А. В. Барченко предлагал Гомбожабу Цэбековичу выступить в роли переводчика и эксперта-консультанта по вопросу о «бытовых формах ламаизма». В то же время он просил его прочитать курс тибетского письменного и разговорного языка московской группе изучающих Древнюю науку. Предлинное послание Барченко (составляющее в перепечатке более 30 страниц!), как кажется, чрезвычайно удивило бурятского профессора. А потому ответил он на него не сразу, а почти полгода спустя, после долгих размышлений и, возможно, наведения справок о незнакомом ему столичном ученом. Посетив в апреле 1927 г. с научной командировкой Монголию (Улан-Батор), Цыбиков неожиданно обнаружил там истоки новой идеологии — книги Ц. Жамцарано и Н. К. и Е. И. Рерихов. Вот как он рассказывает об этом в своем путевом дневнике:

«После переезда на новую квартиру <...> получил обратно заграничный паспорт, отобранный на аэродроме. Потом побродил по магазинам и лавкам, вернулся пешком в учкомовскую квартиру свою. Читать пока нечего. У Жамцарано прочитал „Основы буддизма“. Написана в апологетическом тоне, сопоставляет учение Будды с новым мировоззрением. Художник Н. Рерих напечатал и выпустил здесь несколько книжек в этом духе. Сопоставляя такое новое течение с содержанием письма Борченко (орфография публикаторов дневника — А. А.), приходится заметить, что, должно быть, появляется новое веяние — основать социализм на принципах древнего буддизма. Какое это течение, пока судить не берусь. Разбор дам по возвращении к письму Борченко, которое оставил в Верхнеудинске»[260].

Ответное письмо Г. И. Цыбикова А. В. Барченко не сохранилось. Мы знаем только, что оно было датировано 22 ноября 1927. О его содержании можно судить лишь отчасти по некоторым репликам из второго письма Барченко бурятскому ученому (начато 27 декабря 1927 и закончено 24 марта 1928), которые позволяют говорить о том, что Цыбиков отнесся к сделанным ему предложениям с изрядной долей недоверия и скепсиса. В этом новом послании А. В. Барченко решительно отвергал брошенные ему академиками-ориенталистами вкупе с «лицом из высшего ламайского духовенства» (то есть Доржиевым) обвинения и вновь аргументированно доказывал своему корреспонденту необходимость «посвятить идейных руководителей России в подлинную сущность того научного богатства, коим скрыто владеет Восток». При этом он подчеркивал близость основных положений системы Дюнхор и материалистического учения большевиков. «Учителя марксизма» — Маркс, Энгельс и Ленин, утверждал он, не ведая о тысячелетней исторической ошибке западной науки, *интуитивно* (курсив А. А.) осознали «основы универсальной синтетической истины», в свое время ставшей достоянием древнейшей культуры Востока. «Эта истина осознана ими вплоть до общей формулировки основного космического процесса, лежащего в основе центральной тайны Дюнхор» [261]. Для подкрепления такого вывода А. В. Барченко послал Г. Ц. Цыбикову вместе с письмом один из философских трудов Ф. Энгельса, в котором отчеркнул карандашом обнаруженные им аналогии с тантрийским учением. (Возможно, это был «Анти-Дюринг», поскольку именно на него А. В. Барченко неоднократно ссылался в первом письме.)

Но что более всего привлекало А. В. Барченко в марксистском учении, это его социальная программа: ликвидация имущественных («экономических») классов и их замена классами на профессиональной основе (т. е. профессиональными социальными группами), а также борьба с накопительством. Проведение в жизнь этой программы, по мнению А. В. Барченко, должно было бы привести к существенному оздоровлению государства и общества. Помочь большевикам в этом могли бы «владеющие тайной Дюнхор», поскольку они имеют «многотысячелетний опыт воспитания естественных профессиональных классов» [262].

17. Шамбала перед судом ЧК

Конец 1920-х для А. В. Барченко был временем крушения многих его надежд и планов. Рухнула идея созыва съезда «посвященных в Дюнхор», прекратились занятия с «парт-окульт-кружком» Бокия и разъезды по стране с целью координации работы различных ветвей хранителей Древней науки. Последняя поездка А. В. Барченко вместе с женой в Уфу, по-видимому, для встречи с представителями какого-то мусульманского ордена, состоялась летом 1930 г. Единственная радость — дети, появившиеся на свет во время этих путешествий: в 1927 г. в Юрьевце родилась дочь Светлана, а через 3 года в Уфе сын Святозар.

9 июля 1927 г., в то время как А. В. Барченко со своей женой и ученицами находился в Юрьевце, ОГПУ арестовало в Ленинграде его покровителя К. К. Владимирова. Суть выдвинутых против Константина Константиновича обвинений сводилась к тому, что вращаясь в 1926–1927 гг. среди ленинградских литераторов и художников, он рассказывал им о прежней своей службе в ЧК и тем самым «разглашал не подлежащие оглашению сведения». В ходе следствия выяснилась одна любопытная подробность — после ухода из «органов» К. К. Владимиров продолжал тайно сотрудничать с учреждением на Гороховой.

«С 1920 по настоящее время как бывший сотрудник ВЧК — ГПУ (я) считал себя обязанным сообщать в ГПУ о всех известных мне случаях преступлений экономического и политического характера; по мере поступлений из разных источников материалов и сведений, передавал такие в виде донесений и рапортов отдельным товарищам в разные отделы ПП. (Полномочного представительства ОГПУ в Ленинграде — А. А.) В списках секретных сотрудников ГПУ я не состоял и никакими анкетами и подписями с ГПУ не связан» [263].

Некоторый свет на характер добровольного «идейного» сотрудничества К. К. Владимирова с ОГПУ проливают приобщенные к следственному делу документы — изъятые при обыске у него анонимные «донесения» о деятельности видных питерских и московских оккультистов, в числе которых встречается и имя А. В. Барченко [264]. Это позволяет предположить, что К. К. Владимиров по заданию ОГПУ — а совсем не по собственной инициативе — руководил некой секретной агентурной сетью, занимавшейся сбором компромата на «масонские организации» в обеих столицах. Одно из донесений адресовано лично некоему Леонову — возможно, речь идет об А. Г. Леонове, члене Ленсовета, ведавшим вопросами религиозных культов. Проходивший свидетелем по делу К. К. Владимирова писатель Иероним Ясинский сообщает, что К. К. Владимиров однажды в 1927 г. признался ему, что «заведует культами, по линии ГПУ». Анализ содержания «донесений» информаторов К. К. Владимирова показывает, что ОГПУ особенно интересовалось заграничными связями российских масонов. Вполне возможно, что собранная таким образом информация была использована для возбуждения так называемого «масонского дела» в Ленинграде в январе 1926 г.

Ленинградская прокуратура по просьбе руководства ПП ОГПУ ЛВО не стала рассматривать дело К. К. Владимирова «в общесудебном порядке», поскольку это могло бы «причинить ущерб конспиративным методам работы в ОГПУ», а передала его в Особое Совецание Коллегии ОГПУ в Москву. В результате, 17 августа 1927 г. К. К. Владимирову был вынесен приговор по статье 121 УК РСФСР — «выслать через ОГПУ в Сибирь сроком на три года» [265]. А через 4

месяца (21 декабря) Президиум ЦИК СССР во главе с А. С. Енукидзе принял решение относительно конфискованной у К. К. Владимирова библиотеки, постановив: удовлетворить ходатайство ОГПУ и передать все изъятое — 3188 книг, 24 607 единиц автографов и рукописей и 965 штук фотографий — в Областной отдел Народного Образования для распределения в соответствующие учреждения[266].

На этом, однако, злоключения К. К. Владимирова не кончились. В конце мая 1928 г. К. К. Владимиров, который к этому времени уже отбыл 9 месяцев в административной ссылке в Томском округе, был неожиданно доставлен под конвоем в Новосибирск, а оттуда отправлен в Москву на Лубянку. Здесь 1 июня ему предъявили новое обвинение — в шпионаже в пользу Англии. К. К. Владимиров с изумлением узнал, что является резидентом английской шпионки Фриды Лесман, той самой, с которой у него в 1919-ом был мимолетный роман и которую он давно уже успел забыть. Но следователь напомнил К. К. Владимирову о его знакомстве с Ф. Лесман и о «бесследно пропавшем» из ПЧК деле ее мужа англичанина Тернера, которое вел К. К. Владимиров. Сообщниками оказались малознакомые ему люди: С. П. Загуляев, флагманский артиллерист бригады траления и заграждения Балмора, его жена М. А. Загуляева и А. В. Евсюков, командир башенной лодки «Сунь Ятсен» Дальневосточной военной флотилии. Сущность инкриминированного К. К. Владимирову преступления состояла в том, что он якобы занимался сбором военных сведений среди военнослужащих РККА, которые передавал Загуляеву, а тот затем переправлял их за границу — в Англию — Ф. Лесман[267]. К. К. Владимиров, однако, виновным себя не признал — находясь в тюремной камере, он пишет отчаянные письма в прокуратуру, просит представить ему «конкретные обвинения», а не «пустые слова». Но это был глас вопиющего в пустыне. 5 ноября 1928 г. — вскоре после разрыва англо-советских отношений, в самый разгар шпиономании в стране — ОС Коллегии ОГПУ вынесла приговор «четверке английских шпионов» — Загуляева и Владимирова расстрелять, Евсюкова и Загуляеву отправить в концлагерь на 5 лет[268].

В июне 1927 г. в Ленинграде был арестован также и П. С. Шандаровский, один из соруководителей ЕТБ, по обвинению в «попытке создания масонской ложи» (группа М. А. Радынского). На допросе бывший ученик Г. И. Гурджиева, впрочем, решительно все отрицал: «О масонстве я знаю только по литературе. С масонами никогда не был связан. Вообще же я никогда ни в каких религиозных или других подобных объединениях не участвовал»[269]. Дело о группе Радынского, однако, вскоре развалилось и П. С. Шандаровского вместе с другими арестованными освободили из-под стражи под подписку о невыезде. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Летом 1936 г., в канун Большого террора, в Крестах оказались еще двое учеников-покровителей А. В. Барченко из бывших чекистов — Э. М. Отто и А. Ю. Рикс. Оба проходили по делу так называемых «Фонтанников» — участников эстонской «троцкистской террористической организации», возглавлявшейся профессором Комуниверситета им. Сталина Я. К. Пальвадером. Э. М. Отто, работавшего фотографом в Русском музее, и его приятеля А. Ю. Рикса, заведующего ленинградским отделом сектора валюты и внешней торговли НКФ СССР, обвинили в подготовке теракта против членов ЦК КПЭ и Эстсекции Коминтерна Я. Я. Анвельта и Х. Г. Пегельмана. С этой целью первый их заговорщиков весной 1936-го якобы изготовил «адскую машину собственной конструкции»[270]. Поводом для покушения послужило разоблачение А. Ю. Риксом этих двух старых членов партии как бывших сотрудников царской охраны. В результате, 11 октября 1936 г. Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР под председательством В. В. Ульриха вынесла всей пятерке «Фонтанников» — Я. К. Пальвадеру, Р. И. Изаку, А. И. Сорксепу, А. Ю. Риксу и Э. М. Отто — смертный приговор[271]. (В ходе следствия всплыл, между прочим, любопытный факт — первая жена Отто, Минна Петровна Инт, работавшая в 1917–1919 гг. в секретариате Г. Е. Зиновьева, находилась в интимной связи с могущественным главой Петросовета!)

О жизни самого А. В. Барченко между 1930 и 1937 годами нам известно, к сожалению, очень немногое. Так, в 1934–1935 он пытался завязать отношения с бывшими учениками Г. И. Гурджиева. От Меркурова, как уже говорилось, он получил дневник Александра Никифоровича Петрова и тогда же написал А. Н. Петрову в Грозный, где тот работал инженером. А. Н. Петров немедленно откликнулся на письмо и через некоторое время сам приехал в Москву — остановился на квартире у А. В. Барченко, где прожил около двух недель. Однако ничего нового о Г. И. Гурджиеве и его «работе» за границей он сообщить не смог[272].

Несмотря на ужесточение политического режима в стране — показательные процессы, первые волны массовых репрессий, антирелигиозную вакханалию, — А. В. Барченко не отказался от добровольно взятой на себя просветительской миссии и с завидным упорством продолжал добиваться встречи с руководителями советского государства. В начале 1936 г. он настойчиво просил своего патрона, Г. И. Бокия, в то время возглавлявшего 9-ый отдел ГУГБ НКВД, свести его с Молотовым и Ворошиловым, но Г. И. Бокий выполнить эту просьбу явно не торопился. Досадуя на медлительность Г. И. Бокия и, возможно, подозревая его, как и Тамила, в измене, А. В. Барченко обратился тогда за помощью к своему другому покровителю Ф. К. Шварцу, работавшему фоторепортером «Союзфото» в Ленинграде. «Карлуша» срочно выехал в Москву, встретился с Бокием и Барченко и получил от последнего пакет с «докладом о науке Дюнхор» для передачи Ворошилову. Однако усилия Шварца также не увенчались успехом — на прием к наркому обороны ему попасть не удалось, правда, адъютант Ворошилова Хмельницкий пообещал передать своему шефу пакет Барченко.

Весной 1937 г. А. В. Барченко снова вызвал Шварца в Москву, где дал ему новое, еще более ответственное поручение — на этот раз без согласования с Г. И. Бокием — встретиться со Сталиным!

«Барченко информировал меня о трудностях проникновения в круги руководителей партийных и советских работников, высказывал неудовле-

творенность деятельностью Бокия, который недостаточно энергично добивается выполнения его, Барченко, указаний, и не может добиться встречи со Сталиным. Тогда я изъявил желание взяться за выполнение этого задания. Барченко дал согласие и при этом заявил: Постарайся добиться встречи со Сталиным»[273].

Но и эта попытка закончилась неудачей. «Я два раза пытался попасть на прием к Сталину», сообщил следователю Ф. К. Шварц, «первый раз в конце апреля я дал телеграмму на имя Сталина с просьбой принять меня. Ответа на эту телеграмму я не получил, тогда в июне месяце я лично сам поехал в Москву с целью добиться приема, но к Сталину меня не допустили, и я уехал из Москвы, не выполнив поручения Барченко. <...> При встрече со Сталиным я хотел рассказать ему о существовании „древней науки“ и убедить его в необходимости личного свидания с Барченко»[274].

Что касается Тамиила, то расставшись с А. В. Барченко, он не утратил интереса к их общему делу и самостоятельно продолжал работать с Универсальной схемой. Его жена Э. М. Кондияйн в 1929 г. поступила в издательство «Молодая гвардия» художником-оформителем. Летом 1934 г. она побывала с экспедицией в Восточной Сибири (район Витима и Олекмы), собирая материалы для учебника эвенкийского языка. Прежние связи Кондияинов с другими членами «трудового братства» А. В. Барченко постепенно распались. Теплые, дружеские отношения сохранились только с К. Ф. Шварцем и его семьей. «Не покидал нас только Карлуша — верный товарищ», вспоминала Э. М. Кондияйн. «Одно лето он провел с нами на Кавказе в Красной Поляне с дочкой Элей. В 1936 г. он прошел с нами Военно-Сухумскую дорогу»[275].

16 мая 1937 был арестован Г. И. Бокий — хранитель Государственной тайны и тайный собиратель компромата на советских вождей. Уже на первых двух допросах 17 и 18 мая Глеб Иванович «покаялся» следователям — заместителю наркома внутренних дел, комиссару гос. безопасности 2 ранга Вельскому и старшему лейтенанту Али Кутебарову — в своих прегрешениях. Сообщил о созданной им еще в 1921 г. из сотрудников Спецотдела «Дачной Коммуне». А также об организованной в 1925 г. вместе с А. В. Барченко масонской ложе. «Органы» отреагировали на последнее заявление Г. И. Бокия серией арестов — один за другим с небольшими интервалами под стражу были взяты А. В. Барченко (22 мая) и другие бывшие члены ЕТБ в Ленинграде и Москве — Л. Н. Шишелова-Маркова (26 мая), А. А. Кондияйн (7 июня), К. Ф. Шварц (2 июля), В. Н. Ковалев (8 июля). Та же участь постигла и наиболее высокопоставленных «учеников» А. В. Барченко, входивших в московскую группу — И. М. Москвина и Б. С. Стомонякова, хотя их арестовали и не в связи с «делом Барченко».

Обвинительная формула Барченко звучала совершенно стандартно: создание «масонской контрреволюционной террористической организации Единое Трудовое Братство» и шпионаж в пользу Англии. Что касается А. А. Кондияйна, то его обвинили в том, что он являлся участником «контрреволюционной фашистско-масонской шпионской организации» и одним из «руководителей Ленинградского отделения ордена Розенкрейцеров, связанного с заграничным центром масонской организации „Шамбала“». Интересно отметить, что следователи присвоили московскому кружку А. В. Барченко особое название — «Шамбала-Дюнхор», что, по-видимому, должно было говорить о «маскировке» А. В. своей шпионской работы «лже-научной деятельностью».

Для обвинения А. В. Барченко и его «сообщников» руководство НКВД разработало следующую легенду. На территории одного из восточных протекторов Англии — какого именно, в деле не указывалось — существует некий религиозно-политический центр «Шамбала-Дюнхор». Этот центр имеет широко разветвленную сеть филиалов или ячеек во многих азиатских странах, а также в самом СССР. Его основная задача состоит в том, чтобы подчинить своему влиянию высшее советское руководство, заставить его проводить угодную центру (вернее, Англии) политику. С этой целью А. В. Барченко и участники созданного им «филиала» восточного центра пытались получить доступ к советским руководящим работникам. В то же время организация «Шамбала-Дюнхор», являясь шпионско-террористической, активно занималась сбором секретных сведений и подготовкой терактов — против тех же самых советских руководителей! Согласно этой легенде, следователи НКВД без особого труда квалифицировали как акт шпионажа получение А. А. Кондияйном от проф. Л. Г. Данилова работы о волновой природе погоды с последующей ее переправкой за границу. (В протоколе допроса А. А. Кондияйна читаем: «Эта работа имеет большое оборонное значение, т. к. вскрывает возможность указывать направление ветра и могла быть использована для военных целей — полете аэропланов, газовых атак»[276].)

Что касается обвинения в терроризме, то следствию удалось «раскрыть» план покушения на товарища Сталина во время его летнего отдыха на Западном Кавказе, якобы разработанный К. Ф. Шварцом совместно с А. А. Кондияйном. По одному из вариантов этого плана, террористы собирались обстрелять лодку вождя, когда он будет кататься на озере Рица. С целью подготовки теракта К. Ф. Шварц дважды выезжал в Гагры, в 1935 и 1936 гг., поскольку был информирован Г. И. Бокием, что Сталин ежегодно отдыхает там. У обоих заговорщиков имелось личное оружие (револьверы). Кроме этого, боевая организация имела особую «пиротехническую лабораторию» для изготовления взрывчатых веществ, которая помещалась на даче Евгения Гопиуса под Москвой[277].

О самой Шамбале, как и о сущности учения Дюнхор, речи на допросах почти не заходило, поскольку эти темы для следователей, очевидно, большого интереса не представляли. А. В. Барченко, впрочем, охарактеризовал тибетско-гималайское убежище махатм как центр «Великого Братства Азии», объединяющий все мистические общины Востока, и, вероятно, так в действительности он и считал. В том же духе высказался и А. А. Кондияйн, назвавший Шамбалу «высшим масонским капитулом, с которым связаны все масонские ордена на Востоке». Ее влияние, пояснил он, распространяется, главным об-

разом, на восточные страны — Китай, Тибет, Индию и Афганистан. На вопрос к чему сводятся идеи древней науки, А. А. Кондияин ответил — очевидно, по подсказке следователя: «Наша нелегальная организация пропагандировала мистику, направленную против учения Маркса — Ленина — Сталина»[278]. Так в ходе следствия по делу А. В. Барченко был сфабрикован новый миф о Шамбале как некоей конспиративно-заговорщической организации восточных мистиков-масонов, используемой Англией для подрыва мощи СССР и распространения своего пагубного влияния на азиатском континенте. Шамбала из Счастливой страны буддистов превратилась в свою полную противоположность, став олицетворением зловеще-мрачной, деструктивной силы, представляющей прямую угрозу для существования первого в мире государства рабочих и крестьян.

Строго говоря, название мифической гималайской страны сделалось именем нарицательным в глазах советских идеологов еще в конце 1920-х. Усиление административного и экономического нажима на ламство в период насильственной коллективизации вызвало большое социальное напряжение в буддийских регионах СССР (Бурятская АССР и Калмыкская АО). Среди верующих начали широко распространяться ламские «лундены» — предсказания о скором начале апокалиптической мировой войны — священного похода против врагов буддийской веры («красных») 25 царя Шамбалы, воплотившегося в тибетском Панчен-ламе. Приход царя-освободителя во главе Шамбалинского войска ожидался, согласно предсказаниям, в Год лошади («Морен-жил») — в 1930 году. Именно в это время резко обострилась политическая ситуация на Дальнем Востоке в связи с экспансией милитаристской Японии, что, естественно, придавало ламским «джуд-хуралам» — молениям Эрыгден-Дагбо-хану с просьбой ускорить наступление священной войны и уничтожение еретиков и безбожников — весьма зловещий характер. Хотя с конфессиональной точки зрения призывы к Владыке Шамбалы являлись столь же безобидными, как и молебствия о втором пришествии Христа. В 1929 г., в канун «шамбаланцерык», Агван Доржиев освятил только что построенный в Агинском дацане субурган Калачакры. Рассказывают, что внутрь этого памятника ламы поместили сто тысяч металлических иголок, олицетворявших железное воинство Эрыгден-Дагбо-хана.

Антибуддийские настроения в стране еще более усилились в начале 1930-х после ряда вооруженных — «ламско-кулацких» — выступлений в Бурятии и оккупации японцами Маньчжурии. Усилиями советской пропаганды Шамбала отныне окончательно превращается в символ крайней агрессивности, воинственности буддийского мира, прежде всего Японии. Но даже если бы международная ситуация была более благоприятной в это время, Барченко, по правде говоря, едва ли бы удалось убедить в величайшей ценности буддийского тантризма (Древней науки Дюнхор) таких ортодоксов марксизма, как Сталин, Молотов и Ворошилов. Рассчитывать на это мог только совершенный идеалист, не понимавший сущности советской системы.

В 1937–38 гг. в Бурятии и Калмыкии были закрыты («ликвидированы») последние буддийские монастыри. Советская пресса в эти годы гневно бичевала буддийских монахов за их проповедь учения о «шамбаланцерык» — войне Шамбалы. «Эта проповедь явно свидетельствует о связи ламства с фашизмом», вещал журнал «Антирелигиозник».

«Во время поездки агента японской разведки Банчен-Богдо (Панчен-ламы — А. А.) в Маньчжурию ламы распространили слух, что эта поездка связана с организацией „земных войск шамбалы“, и т. п. Интервенцию, которую готовит японский фашизм против СССР, ламы объявили „священной войной“ небесных сил против еретиков и безбожников, в первую очередь против русских. Учение „шамбала“ является орудием контрреволюционно-пораженческой агитации в пользу японского фашизма и разжигания националистических настроений среди верующих»[279].

9 сентября 1937 Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила А. А. Кондияйна по ст. 58 п. 6, 8 и 11 УК РСФСР к ВМН к расстрелу с полной конфискацией имущества. В последнем слове обвиняемый произнес вымученную фразу о том, как ему тяжело сознавать, что он был «втянут в контрреволюционную организацию и самые лучшие годы своей жизни лил на мельницу своего врага». Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Участь А. А. Кондияйна разделили и другие члены организации Шамбала-Дюнхор — К. Ф. Шварц (расстрелян в сентябре 1937-го), В. Н. Королев (26 декабря), Л. Н. Шишелова-Маркова (30 декабря), Г. И. Бокий (15 ноября 1937), И. М. Москвин (21 ноября 1937). Судьба А. В. Барченко решилась несколько позднее — 25 апреля 1938 г. та же Военная коллегия под председательством В. В. Ульриха вынесла ему смертный приговор на основании тех же трех пунктов 58-й «людоудской статьи» (по меткому определению С. А. Барченко) — шпионаж (п. 6), террор (п. 8) и принадлежность к организации (п. 11).

Репрессий не избежали и жены «врагов народа» — Э. М. Кондияин была арестована через 10 дней после гибели мужа и осуждена постановлением «тройки» (Особого Совещания) на 8 лет лагерей. Тот же срок 23 июля 1938 получила и О. П. Барченко (отбывала в Акмолинском лагере жен изменников родины).

О ближайшей сподвижнице А. В. Барченко Ю. В. Струтинской мы знаем только, что в 1937 г. она проживала где-то под Майкопом — сведения, которые сообщил следствию А. А. Кондияин, возможно, состоявший в переписке со Струтинской до своего ареста.

За два года до ареста А. В. Барченко, по рассказу Э. М. Кондияин, тяжело заболел — на ноге образовалась флегмона и врачи настоятельно советовали ему лечь в больницу. Иначе, говорили они, вы можете умереть. Но А. В. Барченко на это возразил: «Я умру тогда, когда больше не буду нужен своей работе». И стал лечить себя сам, как это делал и раньше, спиртовыми компрессами. Вскоре опасная болезнь отступила. Слова А. В. Барченко оказались пророческими — в 1937 г. он, а вместе с ним и тысячи других ученых, оказались ненужными советской, вернее, Сталинской науке. Именно Кремлевский хозяин в конечном счете и вынес смертный приговор Шамбале, правда, не той Шамбале, о которой повествуют буддийские предания и которую искал А. В.

Барченко, а ее полному антиподу — анти-Шамбале, созданной советской пропагандой.

Гибель ученого неизбежно повлекла за собой и утрату всего, созданного им в 1920–1930-е годы. Как сообщили мне в 1999 г. из Центрального архива ФСБ РФ, изъятые при аресте А. В. Барченко личные документы, различная переписка и диссертация «Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя» (а вместе с ними, вероятно, и другие его работы, включая трактат о Древней науке «Дюнхор» и книгу воспоминаний «В поисках утерянной Истины») были уничтожены в 1939 г. Но если это так, то должна была бы сохраниться, по крайней мере, документация ВИЭ-Мовской «спецлаборатории» Барченко — материалы, связанные с его биоэнергетическими исследованиями, ввиду их большой научной ценности. Однако следы этих уникальных материалов до сих пор не обнаружены. А потому нам остается надеяться, что рано или поздно выплывут на свет упрятанные в каком-нибудь сверхсекретном архиве (но не уничтоженные!) труды удивительного ученого-окультиста и визионера А. В. Барченко, если, конечно же, прав Воланд, утверждавший, что «рукописи не горят».

С.-Петербург. Июль 1999 — май 2002.

Приложение 1 А. В. Барченко Таро (лекция), 1919

На протяжении предыдущих лекций мы осветили в общих чертах механизм священной иерогаммы каббалистов «Пардес» вплоть до последней строки тайны[280].

70

Применив вполне положительный анализ к тексту Библии мы обнаружили, что в легенде о потерянном Рае скрыта под аллегориями вполне прозрачными память о Великой Религии Разума, о Религии Солнца, Пламенного Меча, обращаящегося символизированного первой буквой священного алфавита — алеф.

Применив данные положительной науки к легенде о родословии и жизни Моисея, мы обнаружили, что под примитивными одеждами этой легенды скрывается повествование о высокой культуре, возникшей под влиянием Ведической философии Йога, обработанной окончательно в древнем допотопном Египте и вынесенной из Египта, «Спасенным от воды»[281], усвоившим египетскую мудрость, прошедшим школу в Большом Доме Египетской Науки и Философии.

И усвоенное в Египте «Спасенным от воды» не сделал достоянием толпы, но, как под покровом самых прозрачных аллегорий повествуют главы XXXII и XXXIV Исхода — от народа защитил «покрывалом» и передал лишь избранным.

И применив чисто механический буквенный ключ Сефир-Ецира к Священнейшему и неприкосновеннейшему механизму Моисеева Кодекса, к непроницаемому имени — мы обнаружили в самом сердце Святой Святы Моисеевой традиции — содержание отнюдь не еврейское — обнаружили синтез Египетской Философии и Религии — элементы Египетской Божественной троицы — мысль — речь — действие.

И на протяжении наших поисков, как вы имели случай наблюдать, нам ни разу не приходилось прибегать ни к натяжкам, ни к умалчиваниям. Мы чисто механически черпали потребные нам ключи в хранилищах чисто позитивной науки, чисто механически подставляя найденные эквиваленты и, кроме того, вполне подчиняясь требованиям позитивного анализа — механически подвергали поверке найденное или путем исключения, или путем подстановки по методу Шаба.

На этом пути нам ни разу не пришлось зайти в тупик, несмотря на крайнюю парадоксальность наших допущений.

Если мы добросовестны, мы признаем, что право относится к Тайной Доктрине скептически, насмешливо, даже просто поверхностно — нами утеряно.

Мы уже потеряли право априорно не доверяться серьезным адептам. На смену произвольной прерогативы издеваться над Тайной мудростью к нам пришло право искать в ее неизмеримых глубинах ответов исчерпывающих на мучающие нас вопросы.

В прошлой лекции я в самых беглых чертах коснулся Таро как центрального механизма символических ключей.

В беглом обзоре я показал вам, что картины Таро суть иероглифы, тесно связанные с 22 буквами священного древнееврейского алфавита. Несколько более детально обзору этого величайшего из завоеваний человеческой мысли мы посвятим ближайшие лекции.

Сегодня же мы зададимся вопросом, что такое Таро вообще? И насколько вяжется с действительностью и здравым смыслом тот ответ, который дает Тайная Доктрина на этот вопрос.

Ответ этой такой:

1) Центральный ключ к посвящению скрыт в пирамиде.

2) Ключ к пирамиде скрыт в колоде игральных карт.

Что такое Таро? С моей точки зрения, это конденсатор символики — максимум синтеза. Совершеннейший положительный научный аппарат.

Что такое Таро с точки зрения популяризаторов?

22 + 56 — неподвижная часть — все возможности.

22 — синтез всех вариаций существующих реальностей.

Можно ли допустить, чтобы механизм, служащий ключом к сложнейшим механизмам символики, насчитывал всего 78 элементов?

Отчего же?

Механизм нашего запечатления и выражения мыслей вовсе не так сложен. Весь этот механизм подчинен законам аналогии. Аналогия по терминологии Аристотеля соответствует слову пропорция: отношение. Эти термины расширяют компетенцию механизма почти безгранично. К примеру: диапозитивы.

Мы знаем, что древняя мудрость все бесконечные вариации реального, чувственного, воспринимаемого подчиняла Великой Простейшей схеме Четвероединства. Эта схема вытекает из единицы и в нее же в ином плане выливается.

Математически это выражается так:

1 + 2 + 3 + 4 = 10, т. е. единице высшего порядка.

В рассмотренных схемах символического механизма мы имеем схему двойную, четверную, но не тройную. Творчество мысли до реализации в воспринимаемые формы обязано пройти и тройную схему. Где же она?

Три символики Сеф-Эцира — три мира Каббалы

Великая Универсальная Наука — Религия представляет себе Божество проявляющимся в трех взаимно проникающих, служащих логическим расширением предшествующего мирах.

Эти миры наш ограниченный разум может представить себе так:

1. В нашем представлении всякому формированному и качественному бытию необходимо предшествует абсолютная бесконечная субстанция. Она без качества. Она не ограничена. О ней можно лишь сказать, что она есть.

В Исходе III 13–15: Божество называет себя:

אֶהְיֶה אֲשֶׁר אֶהְיֶה

«Ehie asher ehie» (др. евр.) — Я сущий, который пребудет (букв.: «Буду, который буду»).

Греческие переводчики LXX перевели это: (εἴω εἶμι ο'Ω)[282].

Титул высшего Божества солнечного культа Египта: Nus-ru-nus.

По-латыни этому соответствует: ego sum ego[283].

Утверждением, что эта абсолютная бескачественная субстанция Есть, мы допускаем в ней лишь скрытую, ускользающую от нашего восприятия возможность перейти в реальность. До тех пор она лишь полна потенциальности.

2. Возникшее из нее как логическое ее содержание, бывшее в ней потенциально включенным формирующее начало определяет и ограничивает ее в реально существующее, подлежащее уже нашему представлению.

3. Это первое реальное, очевидно, есть общая форма, логически включающая в себя все дальнейшие многообразные формы, ибо позади нее, за ней и над ней, т. е. прежде нее, лишь бесформенная, неограниченная, неопределенная сущность. Эта общая форма обнимает всякую частную форму.

Пример из области естествознания:

Неорганическая форма — химизм заключается в растительной протоплазме. Растительная форма — клетка-протоплазма заключается в животной. Другими словами: химизм проникает и растительную, и животную формы.

3. Из совокупности всеобъемлющей, всесодержащей потенциальной субстанции и всеобъемлющей общей формы, первого формирующего начала в ней потенциально содержащегося, из нее восставшего, оформляется впервые реальный универсальный механизм мироздания с его бесконечно разнообразными применениями. Результат применения его — бесконечное число определенных и ограниченных созданий.

4. Как наиболее близко к действительности представить себе абсолютную бескачественную, неограниченную и в то же время все наполняющую первосущность?

5. Вообразим себе математическую точку.

Как известно, она не имеет измерений. У нее нет протяженности, толщины, длины, ширины, высоты.

Она не занимает пространства.

Наиболее близкое к ней графическое изображение, доступное нашим несовершенным приборам, — это мельчайший укол, занимающий как можно меньше пространства.

6. Представим теперь эту точку постоянно развивающейся и распространяющейся во все стороны — как бы распухающей. Этот процесс представляется нам как бесконечно распухающий шар.

Пространство безгранично.

Шар бесконечно распухает.

Представим себе, что на пути распухания он обнял и поглотил нас, нашу планету, солнечную систему, звезды, миры — конца его распуханию нет. В своем развитии точка выполняет и обнимает все.

В точке, не имеющей измерений, очевидно, скрыты в потенциальности все измерения.

Неограниченное бесконечное недоступно нашему восприятию.

Другими словами, оно для нас нереально.

Чтобы стать реальностью, оно должно быть ограничено.

Единственный способ ограничения этого бесконечного распухания, очевидно, принятие возрастающего из центра — точки радиуса определенного, ограниченного размера.

Тогда мы получим определенного размера шар.

Шар древняя Мудрость устами наследника величайшего из посвященных классического мира Пифагора, устами ученика Платона, называет Совершеннейшим всеобъемлющим телом — это 3 мира (Бриа, Ецира, Асиа).

Бесконечно распухающая, развивающаяся точка передает точно механизм и содержание представления о бесконечности вселенной.

Представление о шаре близко к представлению об истинном объеме вселенной, воспринимаемом нашим разумом.

Будет ли это представление представлением о Первом Осязаемом в прямом смысле?

Нет!

Почему?

Что такое вещество? (Осязаемое надписано сверху. — А. А.)

То, что можно взвесить, измерить точно.

Что мы можем измерить точно?

Лишь прямолинейные протяженности.

Можно ли точно измерить окружность?

Нельзя.

Можно ли точно измерить объем шара?

Нельзя.

Почему?

Потому что между истинным размером и полученным стоит таинственная, не поддающаяся измерению величина.

Таинственное «л».

22/7.

Вы помните, что Великий Универсальный Круговорот Древней символики слагается в астрономии из трех матерей планет: Солнце, Луна, Земля, семи планет и 12 знаков Зодиака.

Это составит 22.

В механизме языка Великий Универсальный Круговорот слагается, как вы знаете из примера древнееврейского языка, из трех букв-матерей, 7 букв двойных и 12 простых.

Это составляет 22.

Все алфавиты древности: финикийский, греческий, древнелатинский, еврейский, египетский, химьяритский, магадхи, тибетский имеют ровно 22 основных буквы.

Эти алфавиты всегда считались священными.

Резюмируем результаты наших поисков:

Великий Универсальный механизм есть синоним Круговорота.

Как Круговорот — он в точности неизмерим.

Отражаясь в форме символической в древней астрономии и языке, он складывается из 22 символических элементов — планет и букв.

Буквы — запечатление символическое элементов речи.

Речь — реализация мысли в форме звуковых символов.

Сакраментальное 22, следовательно:

1. символ круговорота-круга, т. е. точно не измеримого.

2. простейшее воспроизведение числом истинного произношения таинственного неизносимого имени Божия в точном соответствии с указанием священной книги еврейской каббалы Сефер-Ецира.

Это воспроизведение:

777 — мысль-речь-действие.

Но отношение круговорота — ускользающего от конечного измерения к поддающемуся точному конечному измерению к прямолинейно протяженному к (пропуск) выражается формулой:

22/7.

Значит, Универсальный Механизм, поддающийся конечному измерению, следовательно, в своем развитии создающий поддающиеся конечному измерению, другими словами, вещественные создания, производящий все бесконечное разнообразие нас окружающих реальных форм, символизируются числом 7.

Почему?

И каков внутренний механизм этого таинственного Универсального Аппарата?

Как его применить в реальных формах?

И как, наконец, связать его с загадочным механизмом жалкой колоды карт — с загадочным Таро?

Попытаемся сделать и это.

Поставим вопрос ребром.

Как Тайная Доктрина символизирует графически проявление Божественного начала в реальные формы?

Как известно, каббалисты-философы все формы реальные, поддающиеся нашему чувственному восприятию рассматривают как проявление, как метаморфоз Единой Божественной Сущности последовательно в 3 мирах, нами только что рассмотренных.

Тайная Доктрина — я снова подчеркиваю это — не произвольные вымыслы, не догадки, не подтасовки. Тайная Доктрина — прежде всего сухая математика мысли. Примем же каждый из рассмотренных нами Каббалистических миров за одно из геометрических измерений для изображений графических. Применительно же к выражению наших спекуляций числами — за соответствующую алгебраическую степень.

Таким образом

Миру Божественного Творчества (бриах) — 1-е изм. и 1-я степень.

Миру Божественного Образования — формирования (Ецирах) — 2-е изм. и 2-я степень.

Миру Божественного Осуществления (Асиах) — 3-е и 3-я степень.

Как в рамках этой же схемы выразить проявлением Божественной Сущности в реальную форму воплощенного человека?

Мысль о Божестве как о Первопричине Сокровенной (Амон, Эн-Соф), непостижимой, недоступной анализу, Тайная Мудрость, как мы уже видели, представляет себя в виде математической точки, синонима нулевого измерения.

Математическая точка не имеет измерения.

Полноту могущества непроявленного неизмеримого Божества нетрудно себе представить в виде именно математической точки.

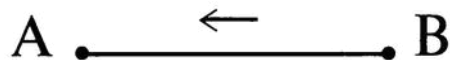
Для пояснения представим себе математическую пружинную спираль и станем ее закручивать:

Очевидно, в момент совмещения сточкой пружина приобретет максимум энергии напряжения.

Иначе:

представим себе из той же точки пружину, разряжающуюся не по кругу, а по прямой, радиально:

Станем ее нагнетать от точки В по направлению к точке А. Очевидно, максимум напряжения пружина приобретет в момент совмещения точки А с точкой В.

Числовой эквивалент непроявленного Всемогущества = 1.

Почему?

Потому что до 1 — нет чисел. Из единицы все числа.

Мы не можем воспринять неимеющегося измерения. Без проявления Всемогущего Скрытого — чувственного, подлежащего восприятию мира нет. По своей неизреченной благодати Божество помыслило, заблагорассудило проявиться.

Кроме него, не было ничего. Для проявления необходима объектизация. Божество раздвоилось. Математическая точка излучила из себя нечто, превратившись в 2 точки, рядом стоящие.

Графически это раздвоение как процесс, т. е. динамически, можно представить лишь кратчайшим расстоянием между 2 точками, т. е. прямой.

Цифровой эквивалент ее 2.

Прямая, не имеющая толщины, математическая линия, относится к 1-му измерению. Итак, Божество, впервые помыслив, раздвоилось. Статически же раздвоение это нами может быть воспринято в определенной форме только как троичность, ибо представление о нем складывается в целом из 2 элементов:

Раздвоение + Божество = 3 Бог + процесс проявления

2 1 Проявление Божества (Троица)

Божество заблагорассудило — иначе пожелало.

Понятие желания по существу активно (мне не хватает, я стремлюсь) и субъективно.

Желание мыслимо лишь в виде направленного на какой-то объект, т. е. на нечто воспринимающее.

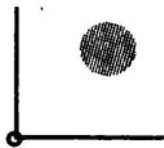
Но не было еще в мире ничего, кроме луча — желания Божества. Если бы этот луч направился только по одному направлению, он никогда бы не встретил на пути своем ничего воспринимающего геометрически.

Желание не встретило бы объект.

Мира как объективной реальности, вещественного мира не существовало бы.

Ибо, совмещаясь по одному направлению, линии не могут ограничиться — вещество же есть ограничение формой.

А так как мир существует, стало быть, Божественная Точка получила нечто по направлению иному — в схематическом виде — под прямым углом.

В точке две линии пересекаются. Пересечение есть ограничение. Ограничение — синоним вещественной формы.

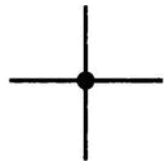
Получила объективное существование вещественная форма.

Но Божество вечно и бесконечно, как мы видели.

Излучения Божества бесконечны.

Бесконечность равнопротяженна в прошедшем и будущем — вперед и назад.

Значит, графически механизм объектизации, форменного ограничения создания реальности должен быть представлен:

Здесь точка в смысле пространственном есть неуловимая граница между началом и концом, между передом и задом.

В смысле времени эта математическая точка есть неуловимая граница между прошедшим и будущим.

Эта неуловимая точка — синоним настоящего — обманчивейшей из иллюзий, которыми тешит и гипнотизирует себя человечество. Графически эта схема слагается из 2-х прямых линий. Числовой эквивалент линии = 2.

Значит, числовой эквивалент Креста выразится:

$$2 + 2 = 4$$

Стало быть, Крест — символ создания, символ реализации, ограничения, т. е. символ сотворения мира.

Но сотворение мира — дарование жизни, притом связанное, как мы видели, для Божества-Точки с процессом отрыва от себя своей субстанции, ибо, кроме Божества, ничего не было — есть, очевидно, акт Божественной любви и самоотвержения.

Следовательно, 4-конечный Крест есть графическое изображение принципа Любви.

Численный эквивалент стремящегося ограничить, как мы видели, 3.

Это — животворящая Троица.

Численный механизм ограничиваемого, как мы видели, 4.

Механизм Божественного Творчества, стало быть, слагается из двух элементов: ограничивающего и ограничиваемого.

$$3 + 4 = 7$$

Его числовой эквивалент, стало быть, 7.

Каково его точное графическое воспроизведение?

Ограничивающее — вертикальный луч из точки в отрезке, эквивалентном 3.

Ограничиваемое — горизонтальный луч из нее в отрезке, эквивалентном 4.

Механизм этот действует в мире Божественного Творчества,

т. е. в мире 1-го геометрического измерения,

т. е. в мире 1-й алгебраической степени.

Попробуем проявить, проектировать этот механизм в мире 2-го геометрического измерения, т. е. на плоскость.

Выразим его применительно ко 2-й алгебраической степени:

$$3^2 + 4^2 = 5^2$$

Мы имеем всем нам известный священный треугольник, мистический треугольник Пифагора.

Мы имеем — припомните — Круговорот Божественной Жизни, созданный символически 22. В проекции на плоскость — это круг.

И мы имеем сейчас мистическое выражение механизма Божественного творчества, созданного 7. В проекции на плоскость это — треугольник.

Божество не поддается конечному измерению. Оно проявляется.

Вещество измеримо. Оно явлено.

Полнота Божества — это отношение проявляющегося, т. е. 22.

Графически — треугольник в круге.

Как Православная церковь изображает Полноту Бога? Посмотрите на фасад Казанского собора. Но механизм Божественного Творчества должен быть проявлен и в мире осуществления, в мире трех измерений.

Другими словами, должен проектироваться под прямыми углами в трех направлениях: в длину, широту и высоту.

Мы получили некоторую фигуру, ограничивающее пространство в 3 измерениях, т. е. тело.

Как называется это тело?

Пирамида.

Из чего она создалась?

Из точки.

Что говорит Тайная Мудрость про точку устами посвященного Арабского ученого Артефи, на которого ссылается такой авторитет, как Афанасий Кирхер?

Артефи утверждает: Ex puncto omnia[284].

Что говорит другой посвященный ученый Абенефии?

«Per ipsam figuram pyramidum signabant materiam primordiale[m]»[285].

Из каких элементов слагается механизм, создавший пирамиду?

1) Из активного начала Божества — его эквивалент 3.

2) Из слияния его с пассивным началом Божества — эквивалент этого слияния 3.

3) Из функции этих двух начал — эквивалент $3 \times 4 = 12$.

$3 + 7 + 12 = 22$

Механизм, лежащий в основе пирамиды, располагает в полном объеме всеми элементами старших арканов Таро. Его подвижного механизма.

Но где же 56 младших арканов? Где 56 исчерпывающих возможностей, 56 основных комбинаций, при помощи которых синтез символики распускается в роскошный цветок древней мудрости?

Мы не имеем права искать их вне пирамиды.

В пирамиде и не только в ней полнота посвящения.

Сосчитайте грани пирамиды.

Теперь возьмите ее мысленно в руки и рассматривайте все ее грани с точки зрения каждой одной.

Вам придется приложить глаз к каждой из 8 граней и 8 раз видеть по отношению к ней остальные 7 граней.

8 раз $7 = 8? 7 = 56$

(Зачеркнуто) Про эту пирамиду говорят, что она обладает чудесной силой, что знающий ее тайны решает задачу о квадратуре круга.

ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 7. Д. 12. Лл. 89–94.

Приложение 2

Мысли А. В. Барченко о медицине

(Из записок Э. М. Кондиайн)

Европейская медицина, как и вся европейская наука, аналитична. Она анализирует симптомы, признаки болезни, пытается лечить эти признаки болезни, в то время как Древняя Наука лечит человеческий организм. Человеческий организм — гармоничное целое, даже от состояния отдельной клетки зависит общее состояние организма. Специализация европейской медицины привела к тому, что узкий специалист, ведая только своей специальностью, забывает, что имеет дело с организмом, где все его части, все его органы взаимосвязаны и подчинены единым законам. Лечить надо не признаки болезни, а организм. Человеческий организм обладает всеми необходимыми свойствами, чтобы противостоять любой болезни, любой инфекции, для этого надо лишь, чтобы человек обладал здоровой, гармоничной аурой (электромагнитным полем). У нормально развитого человека, живущего в нормальных условиях, вдали от железа, окружающее его электромагнитное поле непроницаемо ни для каких микробов. Если все-таки человек заболел, то следует только помочь организму, укрепить его для борьбы с болезнью. Организм сам обладает всеми необходимыми возможностями побороть болезнь.

Первым безоговорочным условием и требованием А. В. было — убрать все железо из комнаты. Главное — железные кровати и пружинные матрацы. Железо размагничивает организм. А. В. сделал для себя с Олей деревянную кровать. Покрывл ее фанерой. Спали они на войлоках из овечьей шерсти.

Некоторые способы лечения А. В. Барченко

Весной 1922-го в Мурманске А. В. вылечил Колосова Григория Григорьевича от последней стадии туберкулеза. А. В. взял Колосова из больницы в безнадежном состоянии. Врач дал расписку, что он от больного отказывается. А. В. давал ему 10 свежих сырых куриных яиц и прописал солнечные ванны. Для этого клал его обнаженного на солнце при морозе в защищенном от ветра месте, во дворе, начиная с нескольких минут. Через месяц или полтора Колосов настолько поправился, что самостоятельно поехал в Крым долечиваться.

А. В. вылечил девочку анемичную, туберкулезную, очень слабую. Велел проветривать помещение, на весь день выносил ее на улицу, отменил диету. Давал морковный сок, 2 стакана в день, фрукты, ягоды, овощи, сырую воду. К концу лета девочка поправилась, бегала, собирала ягоды, цветы. Это было в Юрьевце, на Волге. Лида Маркова была туберкулезная, не могла лежать, даже спала в полусидячем положении. Она принимала солнечные ванны в красной кумачовой рубахе с «форточкой» на селезенке. Тоже морковный сок, фрукты, овощи, гимнастика. Она поправилась, только всегда была слабенькая.

В Костроме женщина теряла зрение. Она долго лечилась и очень много лекарств принимала, главным образом, глазные капли. А. В. все лекарства отменил и сказал: надо лечить организм. Глаза были сильно воспалены. Он заваривал *ochradia officinalis* (араука?) и делал примочки. У нее было большое

сердце и расстройство обмена веществ. (Давал ей) морковь с кожицей. Женщина стала видеть без очков. Стала чувствовать себя хорошо.

В 1919 или 1920 г. А. В. вылечил молодую женщину от саркомы легких. Она выплевывала куски легкого, была безнадежна. А. В. поселил ее на Алексеевской, и там она принимала летом солнечные ванны. Чем он ее еще лечил, не знаю. Но знаю, что она поправилась.

На Волге в селе Спасском жил дядя Ал. Вас., мужчина 50 лет, крестьянин. Болела рука, тыльная сторона. Около месяца лечился у врача. Сделалась гангрена. Рука отмирала, страшно гноилась. Врач собирался отнимать руку. А. В. взялся ее вылечить. Мужик приходил каждый день. А. В. обрабатывал руку, очищал, промывал и на улице, уложив руку неподвижно, освещал солнцем через лупу, начав с 1 минуты, довел минут до 10, постепенно приближая лупу. А. В. поставил условие — не пить, не курить и руку держать на перевязи в полном покое. Через 3 недели рана покрылась молодой кожей, боли прекратились. Вскоре мужчина стал работать в колхозе.

Лечение росой

Самым эффективным средством лечения А. В. считал росу.

С вечера на лужайке на 8 колышках натянуть 2 простыни, лучше полотняные, немного выше травы. До восхода солнца снять одну простыню, намочить росой, завернуть в нее больного с головой и тепло укутать. Больному пролежать так завернутому 2 часа. Вторую простыню отжать в чистую стеклянную посуду и дать выпить больному.

Приложение 3

Из донесений в ОГПУ К. К. Владимирова

Сводка 1

Довожу до Вашего сведения некоторые подробности и характеристики лиц, поселившихся в квартире астронома КОНДИАЙНИ, где проживает проф. БАРЧЕНКО.

В середине сентября прошлого года (т. е. 1924 — А. А.) поселилась у гр. Кондияйни гр. СПЕНДИАРОВА Татьяна, приехала она из Судака (Крым), где проживают ее родители в собственном имении, быв. миллионеры, имеющие до сих пор связь с белой эмиграцией и некоторыми контр-революционными элементами, находящимися на территории СССР. Приехала она в Ленинград с целью лечиться и поселилась у знакомых, т. е. КОНДИАЙНИ, т. к. семья КОНДИАЙНИ в прошлом году жила в Судаке и благодаря чему познакомилась с семьей КОНДИАЙНИ. Первые дни гр-ка СПЕНДИАРОВА вела себя как подбавляет лицу, пользующемуся гостеприимством чужой семьи, но в дальнейшем поведение ее сразу изменилось, она стала чрезвычайно внимательной, осторожной, как бы страдающ[ей] манией любопытства, сама старалась открывать двери всем проходящим, заговаривать с посторонними, настоятельно расспрашивала всех проходящих, кто они, с какой целью посещают А. В. Барченко и т. д. В первое время тов. БАРЧЕНКО подумал, что это пустое любопытство, но впоследствии выяснилось наоборот, что она занята исключительно информацией. Стараясь во что бы то ни стало ее расшифровать, он притворился лицом заинтересованным ею, после чего она стала за ним сильно ухаживать, стараясь войти в более или менее близкую связь, но, видя, что это ей не удастся, она переменила свою позицию и стала откровенно чернить Соввласть, высказывая чисто контр-революционные взгляды и т. д. Видя, что ее разговоры не действуют на БАРЧЕНКО, она стала входить в контакт с остальными членами семьи, стараясь нащупать почву, каковы их взгляды на современное положение и т. д.

Приблизительно около месяца тому назад она попросила тов. БАРЧЕНКО о разрешении познакомиться с одним из ее земляков гр. ЦУРИНОВЫМ, который также заинтересовался научными открытиями тов. БАРЧЕНКО в области доисторической культуры. Получив согласие, она передала свой разговор гр. ЦУРИНОВУ, который тотчас же написал письмо о желании поближе познакомиться с ним. Тов. БАРЧЕНКО также ответил, что он согласен его принять у себя, т. к. ему самому посетить его ввиду болезни невозможно. 27 января с. г., после приезда его из Москвы, он нашел письмо ЦУРИНОВА, который просил разрешения посетить его, после чего по истечении нескольких дней, явился сам ЦУРИНОВ, завел с ним разговор о белых, о Сов[етских] порядках, выражал свое неодобрение современной властью, а главное, выражал свое мнение о скором падении Советской власти, выражая большое удовольствие [от] принятия участия в расправе с большевиками. В ответ на антисоветские разговоры гр. ЦУРИНОВА тов. БАРЧЕНКО парировал, выражая противоположное мнение, с достаточными доказательствами выявляющими его отношение к современной власти. Видя, что склонить его нельзя на противную точку зрения, он попросил его, нельзя ли ему в следующее посещение пригласить еще одного молодого человека, который также заинтересован доисторической культурой, но более силен, чем он. Получив согласие на это, он ушел.

Заинтересованный социальным положением гр. ЦУРИНОВА, тов. БАРЧЕНКО зашел к нему на квартиру и поразился той роскоши, которая находилась у него. Оказывается, что гр. ЦУРИНОВ сумел сохранить на основании своих связей свое колоссальное богатство, живя на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Он говорил, что у него связь с границей, если необходимы ему деньги, то он их получает в любом размере. После ухода от гр. ЦУРИНОВА, по истечении нескольких дней, явился к тов. БАРЧЕНКО молодой человек, который представился лицом, заинтересованным доисторической культурой, ссы-

лаясь на рекомендаацию гр. ЦУРИНОВА. Означенное лицо имело чрезвычайно большое сходство с доктором ВЯЧЕСЛО. (Сведения о д-ре ВЯЧЕСЛО — см. старые мои сводки.) Означенный молодой человек сразу же выявил свое антисоветское лицо, стараясь всеми мерами выявить все отрицательные стороны современного государственного строя, выявив убедительное знание всех дефектов современной жизни, стараясь своим разговором выяснить позицию тов. БАРЧЕНКО, но, видя безуспешность своих попыток склонить на свою точку зрения, он выпалил в конце своего разговора, что «ведь Вы, Александр Васильевич, имеете со мной общего знакомого и друга, хорошо знающего Вас». Ал-др Васильевич удивился этому заявлению и спросил, кто же означенное лицо, тогда этот молодой человек сообщил, что этот общий их знакомый, который также заинтересован достижениями тов. БАРЧЕНКО в доисторической культуре, есть не кто иной как доктор ВЯЧЕСЛО. При этом он сообщил, что д-р ВЯЧЕСЛО чрезвычайно популярный, влиятельный в сферах, могущих многое сделать для проведения в жизнь желаний А. В. БАРЧЕНКО, одновременно заявив, что д-р ВЯЧЕСЛО ныне находится в Афганистане (г. Кабул), где занимает чрезвычайно ответственный пост и как знаток доисторической науки очень влиятелен и сможет помочь ему в чем-нибудь, если только он пожелает. Что именно он понимал под словом «многое устроить», он не пояснил.

После ухода его домашние тов. БАРЧЕНКО сразу заметили, что гр. СПЕНДИАРОВА, которая ранее всегда выявляла удивительное любопытство ко всем проходящим к тов. БАРЧЕНКО лицам, ныне чрезвычайно хладнокровно, стараясь не выявлять своего любопытства, повела тактику в противовес своему первоначальному поведению. Из всех ее поступков видно, что гр. СПЕНДИАРОВА, как рекомендовавшая тов. БАРЧЕНКО ЦУРИНОВА, прекрасно осведомлена о тех вопросах и о цели посещения гр. ЦУРИНОВЫМ БАРЧЕНКО, не стала более спрашивать о настоящем визите. Не касаясь вышеизложенного, в бытность тов. БАРЧЕНКО в Москве, при встрече с док-ом ВЯЧЕСЛО, последний сообщил ему, что у него имеется сын в Питере, быв. студент.

Вторым характерным явлением в семье КОНДИАЙНИ, это точно и персонально выяснено, что жена астронома КОНДИАЙНИ, по родству близкая знакомая недавно поселившегося у них в семье гр. МЕСМАХЕРА, находится в контакте с контр-революционным элементом, группирующимся в Ламайском храме (буддийский храм в Нов[ой] Дер[евне], где помещается Тибетская миссия. Означенный гр. МЕСМАХЕР недавно поселился у гр. КОНДИАЙНИ, по его словам, заявил, что он быв[ший] член РКП, занимал ответственный пост в Бухаре в должности какого-то комиссара, принужден был оставить службу ввиду каких-то проступков. Ныне же подыскивает службу, которую ему обещала гр. СПЕНДИАРОВА, с которой он познакомился на квартире у КОНДИАЙНИ. В первое время гр. МЕСМАХЕР избегал встреч с гр. СПЕНДИАРОВОЙ, но впоследствии стал за ней усиленно ухаживать. Означенный МЕСМАХЕР, быв[ший] сын проф. МЕСМАХЕР, ныне ведущий чрезвычайно странный образ жизни, уходит рано, возвращается поздно ночью, при вопросе во время возвращения, где он бывает, он ссылается, что после занятий он гуляет будто бы на Елагином Острове. Когда ему сказали, что ныне небезопасно гулять в такое позднее время, он улыбнулся и ничего определенного не сказал. Во время поздних приходов он подвергает себя тщательному обмыванию, точно после какой-то очень странной работы, чтобы не оставить никакого следа о своей деятельности на какой-то странной службе, о которой он абсолютно ничего не сообщает. Через гр-ку СПЕНДИАРОВУ МЕСМАХЕР входит в контакт с Тибетской миссией и информирует восточников (бурят, монголов и т. д.) — о всех новостях и о лицах, посещающих тов. БАРЧЕНКО. Передает он эти сведения некоему гр-ну БАРТЕЛЬСУ, быв[шему] сыну рижского губернатора, постоянно проживающему в Тибетской миссии. Гр-н БАРТЕЛЬС вхож в дом к родственникам КОНДИАЙНИ и в том числе знаком с КАТУНСКИМ — Зав[едующим] Секретным Отделом Радио-Электро-Вакуумного завода, помещ[ающегося] на Лопухинской ул., следовательно, имеющий возможность в любое время пользоваться радио для сношения с иностранцами. Этот инженер КАТУНСКИЙ пытался несколько раз войти в близкое знакомство с тов. БАРЧЕНКО, но, увидя безрезультатность своих попыток, стал как-то охладевать к нему и повел противоположную линию-тактику, ухаживания за его семейными, но, видя, что и здесь он потерпел фиаско, тогда стал просто чернить и распространять гнусные слухи, позорящие тов. БАРЧЕНКО. Гр-ка СПЕНДИАРОВА, кроме информационной работы, ведет еще большую переписку с границей. Каждый день она получает кипу писем из Парижа, Лондона, Берлина и др. городов. Отвечает на них тотчас же, часто уходит из квартиры <...>. (Конец текста утрачен — А. А.)

10 февраля 1925

Сводка 2

Получив рекомендательное письмо от гр. ПАЛИСАДОВА Сергея Владимировича[286] к гр. КИРИЧЕНКО-ОСТРОМОВУ (он же Ватсон)[287], я явился к нему на квартиру, помещающуюся на Московской ул. д.8, кв.9 в воскресенье, т. к. он только принимает в этот день, все остальное время он проживает в Д[етском] Селе у б[ывшего] сенатора ФРОЛОВА[288], также масона, работающего среди своих знакомых. На мой вопрос, много ли в Ленинграде есть приверженцев того масонского течения, которого он придерживается, он уклончиво ответил, что есть, но в большинстве случаев люди эти причастны к науке, как напр., Зав[едующий] Пуш[кинским] домом гр. МОДЗАЛЕВСКИЙ Борис Львович[289], проф. СТРУВЕ[290] и др. На мои указания, что МОДЗАЛЕВСКИЙ принадлежал ранее, как я знаю, к группе так наз. «Космос», где числился в свое время проф. Максим Максимович КОВАЛЕВСКИЙ[291], он подтвердил, что в данное время «Космос» является незначительной группой, объединяющей только литературную братию, и что к этой группе принадлежали высланные из РСФСР проф-ра ЛОССКИЙ[292], КАРСАВИН[293], а также ныне находящиеся в Ленинграде проф. МЕЙЕР[294], ПЕРГАМЕНТ[295] и др. Из его знакомых он мне не указал ни одного лица. На мой вопрос, к какой ориентации отнести ШАНДАРОВСКОГО, КИРИЧЕНКО, мне сообщил утвердительно, что ШАНДАРОВСКИЙ принадлежит к группе так наз. «Северных лож». На мой вопрос, не к тем «Северным ложам», которые были организованы в Финляндии выходцем

из Англии, неким гр-м КОРДИКОМ[296], он сказал — да. На мой вопрос, имеется ли кто-либо в этой группе в СССР, он сказал, что в Москве находится много его учеников, и в том числе указал на проф. ЗУБАКИНА[297], а в Ленинграде будто к этой группе принадлежит ШАНДАРОВСКИЙ. На мой вопрос, не знает ли он адрес ШАНДАРОВСКОГО, он ответил, что ШАНДАРОВСКИЙ Петр Сергеевич проживает на Пр. 25 Октября, д. 32, женат на артистке НИКОЛАЕВОЙ Зинаиде Николаевне (по сцене), будто он работает среди артистических групп, приняв горячее участие в организации так наз. «Артистической ложи Вольных Каменщиков», которая просуществовала недолго. Также он сообщил, что к этой ложе принадлежали такие крупные артистические силы, антисоветски настроенные, как Павел Михайлович САМОЙЛОВ, Мария Александровна ПОТОЦКАЯ, Нина Михайловна ЖЕЛЕЗНОВА, Мария Андреевна ВЕДРИНСКАЯ, а также Николай Николаевич ЕВРЕИНОВ[298], Николай Николаевич ХОДОТОВ[299] и др[угие], растлевающе действующие на всю артистическую среду. ЕВРЕИНОВ, ПОТОЦКАЯ были арестованы, ПОТОЦКАЯ за сношения и переписку с Вел[иким] Кн[язем] НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ, женой которого она была, и имеет в Ленинграде по сие время нелегальную вязь с эмигрантской средой. На мой вопрос, имеется ли в Ленинграде соответствующая литература и сохранилась ли она и где, он сообщил, что пока такие хранилища оберегаются тайно, и утвердительно сообщил, что около Н[овой] Ладоги имеется усадьба дальнего родственника знаменитого масона Шварца, также по фамилии ШВАРЦ Евгений Григорьевич. И что у него будто на чердаке скрыты старинные рукописи, грамоты и соответствующая масонская литература и атрибуты. На мое предложение поехать туда как-нибудь для моего знакомства с гр. ШВАРЦЕМ, он сообщил, что об этом подумает и просил зайти к нему в одно из ближайших воскресений. Зная ранее о том, что КИРИЧЕНКО Борис Викторович был учеником Г. О. М.[300] Я спросил о Г. О. М., он сообщил, что Г. О. М. чрезвычайно престарел, а потому ввиду преклонного возраста уже не принимает активного участия в работе, и что он с Г. О. М. разошелся по принципиальным вопросам. Указал он, что нынешняя сожительница Г. О. М. — НЕСТЕРОВА Мария Андреевна[301], его опутала, не допускает к нему посторонних лиц, боясь разных шпионов и т. д., сама же она ведет за него всю обширную работу. КИРИЧЕНКО одновременно сообщил, что быв[шая] жена Г.О.М. ИВАНОВА-НАГОРНАЯ, которая ныне работает в ГУБОНО на Казанской ул. в Отделе Дошкольного Воспитания, усиленно занимается организацией отдельных групп среди педагогов и что таких объединенных членов среди Ленинградской профессуры числится ок.1500 человек.

Из разговоров об Академии Наук и ее деятелях, как например, ОЛЬДЕНБУРГЕ и др., он сообщил, что некий ГРЕНСТРАНД (Зав[едующий] Торгово-Экспед[иционным] сектором) также принадлежит к какой-то ложе, но к какой, он не знает. Пообещав зайти к нему в одно из воскресений, я ушел.

К ложе «Космос» был причастен также знаменитый русский изобретатель-самоучка Яблочкин. Из академ. центров к этой группе принадлежат следующие профессора: ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ Израиль Григорьевич[302], прожив[ающий] на ул. Халтурина, д.5, ШИЛЕЙКО Владимир Казимирович[303], в том же доме проживающий, а в Москве проф. ЯНОВИЧ[304] — этнограф, проживающий по Никитскому бульвару, д. 17.

Узнав из некоторых источников о причастности проф. КОВАЛЕВСКОГО[305], ныне работающего в Наркомземе, я зашел к нему, представившись лицом, заинтересовавшимся масонством. Он встретил меня чрезвычайно дружелюбно и сообщил мне, что ему в такие годы трудно принимать горячее участие в ознакомлении с деталями нынешнего масонского течения. На мой вопрос, знаком ли он с неким гр. ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИМ, он сообщил мне, что этот ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИЙ чуть ли не ежедневно бывает у него, пользуется его гостеприимством, а иногда и его материальными средствами. Зная за этим гр. ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИМ (см. мои старые сводки) разные такие дела, в смысле сношения с Западом, я подошел к КОВАЛЕВСКОМУ очень осторожно, дабы он меня не расшифровал. После разных мелких расспросов о былой его жизни, встречах, я сразу перешел к большому вопросу и спросил, что ныне делает ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИЙ и имеет ли он по-старому связь с границей, он мне сообщил, что у ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКОГО (псевдоним) — настоящая его фамилия Грачев [306], как быв[шего] личного секретаря графа ОРЛОВА-ДАВЫДОВА-ДЕНИСОВА, с которым он по сие время еще находится в хороших отношениях, <...> и что он ныне оканчивает Географический Институт и одновременно Институт Живых Восточных Языков, думает этим своим преимущественным положением воспользоваться, дабы уехать за пределы СССР. КОВАЛЕВСКИЙ сообщил, что ГРАЧЕВ уже побывал в Монголии, чуть ли не прошел [всю ее] пешком, а потому его главная цель — опять вернуться туда и примазаться к Монгольскому правительству, с некоторыми членами которого он прекрасно знаком. Одновременно КОВАЛЕВСКИЙ сообщил, что ВАЛЕРО-ВАЛЕРСКИЙ имеет колоссальные связи с границей и при своих частых посещениях его часто меняет свой костюм, иногда приходит в роскошном одеянии, а иногда в простом, чуть ли не в лохмотьях, не давая никакого объяснения по поводу такого маскарада. На мой вопрос, знал ли он полковника ЕЛЬЦА, он сказал, что это был его хороший друг, ныне проживающий за границей и играющий большую роль среди русских эмигрантов. Он спросил, откуда я знаю ЕЛЬЦА, на что я ему ответил, что в свое время я как-то встретил ЕЛЬЦА у Г. О. М., когда он числился еще преподавателем Пажеского корпуса, был исключен из него за соращение молодых пажей в масонство, который сообщил мне о знаменитых векселях артистки ШАБЕЛЬСКОЙ, с подложными подписями, каковые векселя были представлены мне как эксперту для определения их подлинности. Видя, что я знаю его интимную старую жизнь, он более доверчиво стал мне сообщать о некоторых современных новостях, сообщил, что этот знаменитый полковник ЕЛЕЦ ныне проживает в Австрии в одном из имений экс-кронпринцев, со своим другом Хайме Бурбонским, и ведет определенную работу по инструктированию отправляемых в Россию молодых сотрудников от Ватикана для насаждения католичества среди русского духовенства. Своим отношением к иезуитству он объяснил тем, что полковник ЕЛЕЦ числится в чине гофмаршала Ватикана, за прежние услуги, оказанные по защите католического монастыря в Манчжурии во время нападения на этот монастырь Боксерских банд. Теперь же он работает среди поляков и, благодаря своему браку на гра-

фине ТЫШКЕВИЧ, имеет доступ в самые конспиративные польские центры. Ближайшим помощником, как он говорит, по слухам, является полковник ПАЛЬЧИНСКИЙ[307], ныне будто бы находящийся на Кавказе, раньше проживавший в Ленинграде и работавший среди профессуры Военно-Медицинской Академии, и будто этот ПАЛЬЧИНСКИЙ возглавляет так наз. ложу «Вега». КОВАЛЕВСКИЙ сообщил, что гр. ГРАЧЕВ имеет большие связи среди некоторых сотрудников Особого отдела и благодаря знакомству с ними отправляет через границу укрывающихся в СССР белогвардейцев. Выразив свое сомнение возможности подобного факта, он мне сообщил, что это бывшие офицеры, устроившиеся на службе, скрывающие свое прошлое. Кто эти сотрудники, мне неудобно было спросить. Быть может, в следующее мое посещение мне удастся узнать более подробно о них.

Машинопись, б\д

Архив УФСБ по СПб и Ленобласти. Дело П-21098 (эти и другие донесения К. К. Владимировой находятся в отдельном конверте).

Приложение 4

Из протокола допроса Г. И. Бокия от 17–18 мая 1937

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Расскажите о всех политических расхождениях, которые, по Вашим словам, привели Вас к внутреннему разладу.

БОКИЙ: Мои расхождения с партией начались еще в 1918 г. с периода Брестского мира, когда я поддался мелкобуржуазным настроениям и вместе с Бухариным и другими левыми коммунистами пошел против Ленина. В силу выработавшихся у меня традиций я тогда подчинился партийной дисциплине, но так как переубежден я не был, обстоятельство это оставило во мне неприятный осадок.

Это неприятное чувство усилилось, когда меня с партийной работы помимо моего желания перебросили на работу в ЧК, и в особенности, когда из-за конфликта с Зиновьевым отозвали из Ленинграда в Москву, затем послали в Ташкент, откуда я также вместе с другими членами Турккомиссии был отозван, вернее, снят с работы. К периоду профсоюзной дискуссии выросшая на почве изложенных выше неудач личная неудовлетворенность начала перерастать у меня в недовольство более общего порядка. В период дискуссии я стоял на позиции Ленина, но применявшиеся нами, на мой взгляд, демагогические методы борьбы отталкивали меня от нее и углубляли сложившееся у меня недовольство существующим положением. Неизгладимое впечатление произвели на меня Кронштадтские события. Я не мог примириться с мыслью, что те самые матросы, которые принимали участие в Октябрьских боях, восстали против партии и власти, и в поисках объяснения этого факта приходил к обвинению ЦК. При введении НЭП я, несмотря на образовавшийся у меня надрыв, не выступал против этого мероприятия партии. Нутром, однако, я воспринять НЭП не мог и признал его только потому, что не видел другого исхода.

Обстоятельство это привело к углублению внутреннего разлада во мне, и я начал отходить от партийной жизни.

Дискуссию с Троцким 1923–24-го гг. я воспринял уже по-партийному и хотя не разделял взглядов Троцкого, но был против той, на мой взгляд, излишней страстности, которая применялась в полемике против него. Решающее влияние в дальнейшем имела смерть Ленина. Я видел в ней гибель Революции. Завещание Ленина, которое мне стало известно, не помню от кого, мешало мне воспринять Сталина как вождя партии, и я, не видя перспектив для Революции, ушел в мистику. К 1927–27 гг. я уже отошел от партии настолько далеко, что развернувшаяся в это время борьба с троцкистами и зиновьевцами прошла мимо меня, и я в ней никакого участия не принял. Углубляясь под влиянием Барченко все более и более в мистику, я в конце концов организовал с ним масонское сообщество и вступил на путь прямой контрреволюционной деятельности.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Кто такой Барченко, откуда Вы его знаете и каким образом он вовлек Вас в масонскую организацию?

БОКИЙ: Барченко А. В., биолог, в настоящее время сотрудник ВИЭМ, куда я устроил его в 1935 г. Познакомили меня с Барченко в 1924 г. приезжавшие из Ленинграда бывш. сотрудники Ленинградской ЧК Лейсмейер-Шварц и Владимиров. Явившись ко мне в Спецотдел ОГПУ в сопровождении Барченко, они рекомендовали мне его как талантливого исследователя, сделавшего имеющее чрезвычайно важное политическое значение открытие, и просили меня свести его с руководством ОГПУ с тем, чтобы реализовать его идею. Барченко выдвигал теорию о том, что в доисторические времена существовало высокоразвитое в культурном отношении общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Общество это было коммунистическим и находилось на более высокой стадии социального (коммунистического) и материально-технического развития, чем наше. Остатки этого высшего Общества, по словам Барченко, до сих пор существуют в неприступных горных районах, расположенных на стыках Индии, Тибета, Кашгара и Афганистана и обладают всеми научно-техническими знаниями, которые были известны древнему обществу так называемой «Древней Науки», представляющей собой синтез всех научных знаний. Существование и Древней Науки, и самих остатков этого общества является тайной, тщательно оберегаемой его членами. Это стремление сохранить свое существование в тайне Барченко объяснял антагонизмом древнего общества с римским Папой. Римские Папы на протяжении всей истории преследовали остатки древнего общества, сохранившиеся в других местах, и, в конце концов, полностью их уничтожили. Себя Барченко называл последователем древнего общества, заявляя, что был посвящен во все это тайными посланцами его религиозно-политического центра,

с которыми ему удалось однажды вступить в связь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какие же это посланцы?

БОКИЙ: Барченко называл имена монголо-тибетских мудрецов Нага-Навана и Хаяна Хирва. Мудрецы эти входили в состав приезжавшей в 1918 г. в Ленинград и Москву Монголо-Тибетской делегации с тем, чтобы установить связь с Советами. Советским правительством делегаты приняты не были и, оскорбившись, уехали назад. Барченко, однако, во время их пребывания в Ленинграде имел возможность встречаться с ними, и они посвятили его в свои планы. Занимаясь сам в период встречи с Барченко познанием абсолютной истины (абсолютного понятия добра и зла), я заинтересовался его рассказом о существовании синтеза абсолютных научных знаний и пытался организовать Барченко в том же 1925 г. поездку в Афганистан с тем, чтобы войти оттуда в контакт с хранителями этой «Древней Науки». Предприятие наше, однако, сорвалось, т. к. против него запротестовал Чичерин.

Независимо от срыва моего предприятия, я, не отказываясь от намерения войти в контакт с хранителями «Древней Науки», организовал из числа сотрудников Спецотдела кружок по изучению этого мистического учения. Кружок этот работал под руководством посвященного в его тайны Барченко. Входили в кружок сотрудники Спецотдела ВЧК/ОГПУ Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гопиус, Плужницов. Вскоре после организации мною кружка, однако, выяснилось, что привлеченные мною в него лица из числа сотрудников Спецотдела не подготовлены к восприятию тайн Древней Науки. В связи с этим кружок распался и я привлек для изучения мистического учения Барченко новых лиц из числа своих старых товарищей по Горному Институту. Эти лица впоследствии и составили наше масонствующее сообщество.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Кто, кроме Вас, входил в состав этого сообщества?

БОКИЙ: Кроме меня и руководящего нашими занятиями Барченко, в состав нашей группы входили: Кастрькин (Кострикин — А. А.) Михаил Лаврентьевич, Миронов Александр Владимирович, Москвин Иван Михайлович и Стомоняков Борис Спиридонович. Непродолжительное время в группу входил Александр Яковлевич Сосовский.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какую связь Вы поддерживали с этими лицами помимо кружка?

БОКИЙ: Все эти лица, как я уже показывал, являются моими старыми товарищами по Горному Институту. Помимо собраний, на которых Барченко читал нам рефераты о своем мистическом учении, у нас были установлены традиционные встречи, так называемые «свидания друзей». Раза 3 или 4 в году я, Стомоняков, Кастрькин, Миронов собирались у старой знакомой Алтаевой и проводили вместе 2–3 часа, после чего расходились, не встречаясь между собой до следующего раза.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: С какой целью Вы производили эти сборища, что делали на них?

БОКИЙ: Мы собирались как старые друзья для того, чтобы просто провести время вместе. Никаких других задач мы не ставили.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы говорите неправду. К исследованию этого вопроса мы еще вернемся в дальнейшем. Сейчас уточните, к какому масонскому ордену принадлежало Ваше сообщество?

БОКИЙ: Название «Древняя Наука» я употребляю для нашего общества условно, как название, показывающее, что наше общество основной своей задачей ставило овладение мистическим учением, известным под названием «Древней Науки», и ориентировалось на религиозно-мистический центр, являвшийся его хранителем. Барченко, являвшийся наставником в нашем сообществе и установивший однажды контакт с этим центром, называл его Шамбала или Дюнхор, что в переводе с тибетского означает «семь кругов знания». По словам Барченко, Шамбала-Дюнхор является высшим масонским капитулом, с которым в прошлом были связаны все масонские ордена. В настоящее время этот капитул распространяет свое влияние главным образом на восточные страны, в частности, на Китай, Тибет, Синьцзян, Индию, Афганистан и даже Северную Африку. Влияние капитула в этих странах, по словам Барченко, настолько велико, что в Африке, например, им утверждается восшествие на престол новых эмиров. До переезда в Москву в 1925 г. у Барченко в Ленинграде произошел крупный конфликт с руководителями масонской организации, обвинявшими его в разглашении тайн ордена и грозившими ему уничтожением. Угроза эта от имени масонской организации была высказана ему в 1924 г. членом ордена акад. Ольденбургом. В связи с конфликтом с руководством организации Барченко отошел от ее ленинградского ядра и стал искать пути для непосредственной связи с высшим капитулом Шамбала-Дюнхор, объединяя вокруг себя различный масонствующий элемент. Таким образом и возникло наше мистическое сообщество, фактически самостоятельная ложа, ориентированная на непосредственную связь с высшим масонским капитулом Шамбала-Дюнхором. К какому ордену принадлежал до переезда из Ленинграда Барченко, я сказать затрудняюсь. Ввиду особых, конфликтных отношений Барченко с основным ядром масонской организации в Ленинграде никто из нас, группировавшихся вокруг Барченко в новой ложе, официального посвящения не прошел, и как не посвященным Барченко не мог рассказывать некоторых тайн ордена, к которому мы формально не принадлежали. По косвенным намекам Барченко и общим наблюдениям можно судить, что он посвящен в члены ордена Розенкрейцеров. Говорю я это на основании того, что на Розенкрейцеров Барченко определенно указывал как на орден, связанный с нашим центром Шамбала-Дюнхором. У Барченко в различного рода геометрических чертежах и многочисленных фотографических снимках предметов древности постоянно повторялись эмблемы Розы, Креста и Чаши, которые являются символами Розенкрейцеров. В настоящее время Барченко обладает печатью с общемасонскими эмблемами — двойного треугольника с символически изображенными на его сторонах Солнцем, Луной и

Чашей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Кого Вы знаете из числа членов масонской организации?

БОКИЙ: Кроме уже перечисленных мною Стомонякова, Москвина, Кастрыкина и Миронова, входивших в состав нашей ложи, со слов Барченко известны как члены масонской организации ленинградцы: Вячеслов — доктор, Забражнев — бывш. работник Наркоминдела, Кандиайн (масонский псевдоним Тамиил) — астрофизик и бывшие сотрудники Ленинградского ЧК-ППОГПУ — Лейсмейер-Шварц, Отто, Владимиров и Рикс. О Кондиайне и бывш. сотрудниках Ленинградского ЧК Барченко говорил мне не как о посвященных масонах, а как о своих учениках и последователях. Всех их я знаю лично и аналогичные заявления мне приходилось слышать и от них самих. Кандиайн, кроме того, по просьбе Барченко, однажды выступал с докладом на занятиях нашего кружка. Как о посвященном в тайны мистического учения Шамбалы-Дюнхор Барченко говорил мне о некоем Гурджиеве — директоре Института ритма в Париже[308], в свое время проживавшем в СССР. Учеником и последователем Гурджиева на территории СССР в прежнее время, по словам Барченко, являлся скульптор Меркуров. Гурджиев, как мне говорил Барченко, старался установить связь с его учеником Меркуровым, но он от этого по не известным для меня причинам уклонился. В качестве своих учеников и последователей Шамбалы-Дюнхора Барченко называл мне сотрудниц Лобач и Шишелову фиктивного мужа Шишеловой, и сотрудника Наркоминдела Королева. Наконец, мне еще до революции было известно о принадлежности к масонам акад. Ольденбурга, о котором я уже показывал выше.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Что за фиктивный муж у последовательницы Барченко Шишеловой?

БОКИЙ: Дело в том, что настоящая фамилия Шишеловой Маркова. Она дочь известного черносотенца — члена Гос. думы Маркова II. Желая изменить свою фамилию с тем, чтобы скрыть свое социальное происхождение, Маркова заключила брак с одним из последователей Барченко.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы показывали, что Ваша ложа ориентировалась на связь непосредственно с центральным капитулом. Расскажите, что Вы сделали для установления этой связи?

БОКИЙ: Для организации этой связи я устраивал Барченко поездки в различные районы Союза, в отношении которых у нас имелись данные о том, что там существуют какие-либо религиозно-мистические секты восточного происхождения, ориентирующиеся на Шамбалу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: На какие средства устраивались эти поездки?

БОКИЙ: На средства, незаконно отпускавшиеся мною Барченко из сумм пар. 9 и имевшегося у меня нелегального фонда. Вообще я полностью содержал Барченко с его семьей в течение 10 лет — с 1925 по 1935 гг. Незаконные выдачи денег Барченко я продолжал производить и в 1935 г. В этом году я выдал ему ок. 23 000 руб., из них из сумм пар. 9, а остальные 13–14 тысяч — из нелегального фонда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Что за нелегальный фонд, из которого Вы снабжали Барченко?

БОКИЙ: Это денежные суммы, поступающие в Спецотдел от различных учреждений за проданные нами нестораемые шкафы и выполнение работы по составлению кодов. Деньги эти мною обычно незаконно задерживались в кассе Спецотдела, и я расходовал их по своему усмотрению.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какие конкретные поездки вы устроили Барченко?

БОКИЙ: У меня в памяти следующие случаи: В 1925 г. мной была организована Барченко поездка на Алтай, где Барченко должен был установить связь с сектами «Беловодья» — религиозно-мистические круги в Центральной Азии, представляющие, по мистическому учению ближайшее окружение нашего центра Шамбала. В результате поездки Барченко среди местных сектантов были установлены лица, совершавшие регулярные паломничества в находящийся за кордоном мистический центр. В 1926–27 гг Барченко ездил в Крым — Бахчисарай, где установил связь с членами мусульманского дервишского ордена Саиди-Эддини-Джибави. Впоследствии он вызывал в Москву и приводил ко мне сына шейха (главы) этого ордена. Примерно в это же время он ездил в Уфу и Казань, где установил связь с дервишами орденов Пакш-Бенди и Халиди. Кроме этого, Барченко в различное время выезжал для связи с сектантами в Самарскую губернию и Кострому. В 1926 г. Барченко ездил в Кострому для встречи с представителем нашего ордена Шамбала, который должен был прибыть из-за границы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вам было известно, что все эти секты представляют социально и политически враждебные нам слои населения и насыщены шпионским элементом?

БОКИЙ: Да, я знал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Для какой же цели Вы искали связи с контрреволюционерами и шпионами?

БОКИЙ: Специально связей со шпионским элементом я не искал. На связь с указанными выше сектами я шел, будучи увлечен мистическим учением Барченко и ставя овладение его тайнами выше интересов партии и государства. Высокая задача овладения научно-мистическими тайнами Шамбалы в моих глазах оправдывала отход от марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе и связь с классовым врагом. Тем не менее специального вреда партии и советской власти я нанести не хотел, и никто из членов нашего ордена как шпион или человек, связанный со шпионами, известен не был.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Это неправда. Где в настоящее время находится Владимиров, рекомендовавший Вам в свое время Барченко?

БОКИЙ: Владимир в 1926 или 1927 г. был расстрелян за шпионаж в пользу Англии.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Как же Вы говорите, что не знаете никого из членов Вашего ордена, занимающихся шпионажем или связанных со шпионами?

БОКИЙ: Я признаю, что мне были известны факты, указывающие на шпионскую деятельность Барченко.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Почему же Вы не приняли мер для ареста и привлечения Барченко к ответственности, а помогали ему продолжать свою шпионскую деятельность?

БОКИЙ: Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа. Я терпел такое положение, потому что, как я уже говорил, поставил интересы нашего ордена выше интересов партии и государства и, наблюдая проявления контрреволюционной шпионской деятельности, закрывал на них глаза, оправдывая их теми же интересами нашего ордена.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: С кем еще, кроме Владимира, были связаны члены ложы по линии шпионажа?

БОКИЙ: Со слов Барченко, мне известно о связях нашего ордена с известным организатором английского шпионажа на Востоке, проживающим в настоящее время в Париже английским принцем Ага-Ханом. Ага-Хан входит в состав ордена Шамбала-Дюнхор и непосредственно связан с центром. Кроме того, у Барченко существовала связь с Польшей, через члена нашего ордена Кондиайна. В частности, Барченко мне рассказывал в 1925 г. о том, что Кондиайном были получены «под видом наследства» деньги из Польши.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Дайте подробные показания, в чем заключалась шпионская деятельность Барченко.

БОКИЙ: Шпионская деятельность Барченко в основном заключалась в создании разветвленного аппарата шпионажа. Работа эта велась им в двух направлениях — организация шпионской сети на периферии и проникновение в руководящие советские и партийные круги. Последнее делалось с той целью, чтобы овладеть умами руководящих работников и, по примеру масонских организаций в капиталистических странах, в частности, во Франции, направлять деятельность правительства по своему усмотрению. Для насаждения сети на периферии Барченко использовал различные религиозно-мистические секты восточного происхождения. Для этой цели он постоянно предпринимал поездки в различные районы Союза, устанавливая связь с местными сектантскими организациями, встречался с закордонными эмиссарами. В 1926 г., когда он выезжал в Кострому для встречи с представителями нашего ордена Шамбала, который должен был прибыть из-за границы, он был задержан местным отделом ОГПУ. Я, однако, имея в виду интересы ордена, приказал его освободить. Кроме Костромы, как я уже показывал, он выезжал на Алтай, в Крым, Казань, Уфу и Самарскую губернию. Для того чтобы проникать в руководящие круги советских работников, Барченко старался заинтересовать отдельных лиц своими «научными исследованиями», их значением для обороны страны и т. п. Заинтересовав кого-либо научной стороной вопроса, он постепенно переходил к изложению своего учения о Шамбале и, опутав жертву паутиной мистики, использовал ее в целях шпионажа. Таким образом он в свое время обработал меня и проник в ОГПУ. Впоследствии при моем участии был обработан Стомоняков, Москвин, Миронов, Кастрыкин. Удалось ему при моей помощи заинтересовать своим учением бывш. зав. подотдела нацменьшинств ЦК ВКПб Диманштейна и инженера Флаксермана, которые по моему приглашению два раза присутствовали на занятиях нашего кружка Древняя Наука. Не довольствуясь этим, Барченко просил меня свести его с Молотовым и Ворошиловым. Особенно настойчиво он стал добиваться встречи с Ворошиловым в последнее время. Действовал он совместно с Лейсмейером-Шварцем, который в свое время свел Барченко со мной. Лейсмейер специально для этого в начале 1936 г. приезжал из Ленинграда в Москву и носил Ворошилову написанный Барченко по настоянию Лейсмейера доклад. Ворошилов Лейсмейера, однако, не принял. После этого Лейсмейер уехал в Ленинград и прислал оттуда Барченко небольшую сумму денег (200 руб.), которую Барченко почему-то не принял и отослал обратно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какую шпионскую деятельность «Вы вели», какие конкретные шпионские задания получали от Барченко Вы лично?

БОКИЙ: Прямых заданий по шпионажу от Барченко я не получал. Моя роль в этом деле выражалась в том, что, будучи увлечен мистикой Барченко, я пренебрегал интересами государства и помогал ему вести шпионскую работу, закрывая глаза на характер его деятельности и покрывая ее именем Спецотдела ОГПУ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Это неверно. При занимаемой Вами должности Барченко не мог не стремиться использовать Вас в целях шпионажа более активно.

БОКИЙ: Причины сдержанности в этом отношении Барченко непонятны и для меня самого. Теперь, после обнаруженных под руководством наркома внутренних дел Ежова обстоятельств, я думаю, что шпионаж в органах ОГПУ-НКВД шел по другой линии. При самом активном использовании меня я не мог дать тех сведений, которые имели возможность давать другие арестованные лица, в частности Ягода. В связи с этим меня, очевидно, держали в резерве, не желая подвергать напрасно риску провала, сопряженному со всякой активной деятельностью, и довольствуясь тем общим содействием, которое я оказывал Барченко. К этому заключению меня приводит еще и следующее обстоятельство. Последние полтора-два года моя связь с Барченко значительно ослабела. Мы с ним не встречались, и он перестал обращаться ко мне с какими-либо просьбами и только после произведенных в последнее время арестов он, стараясь восстановить со мной прежнюю связь, вновь обратился ко мне с письмом. Полагаю, что здесь именно имеет место попытка включить меня в активный шпионаж, ввиду провала других линий.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Следствие Вам не верит. Стараясь увести следствие от расследования своей шпионской деятельности, Вы хотите направить его в дру-

тую сторону. Предлагаю Вам дать откровенные показания о Вашей шпионской работе.
БОКИЙ: К тому, что я уже показал, я больше ничего существенного добавить не могу.

Допрашивали:

Зам. наркома внутренних дел комиссар Госбезопасности 2 ранга Вельский

Ст. лейтенант Госбезопасности Али

Иллюстрации

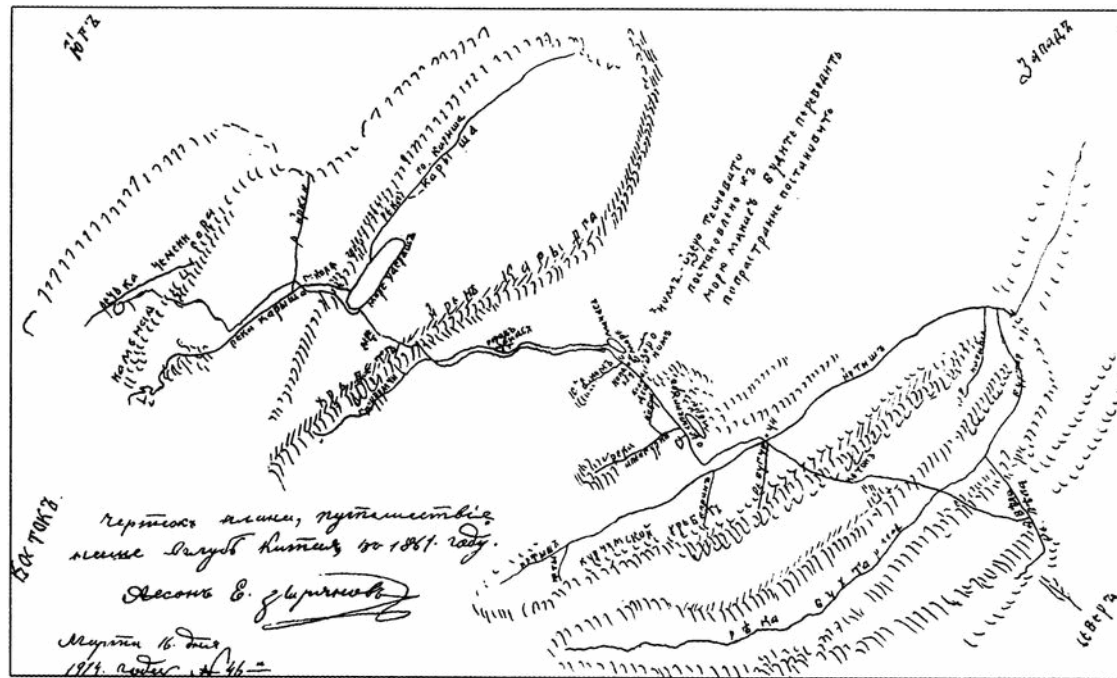
арство Шамбалы», монгольская «танга» (фрагмент), 19 в. (Из книги.: М. М. Rhie, R. A. Thurman. Wisdom and Compassion: The Sacred Art of Tibet. N. Y., 1991 г.)

«Д

Мистическая монограмма «Намчувангдан» — эмблема Калачакры. (Из книги Э. Бернбаума «Путь в Шамбалу»)

Путь в Беловодское царство. Маршрут путешествия А. Е. Зырянова в 1861 г.

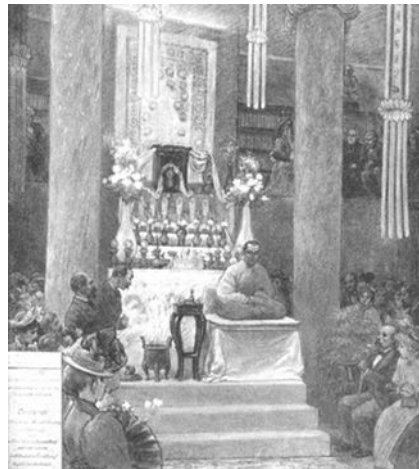

13-й Далай-лама Тибета (начало 20 в.). Фото из архива А. А. Терентьева

Потала — зимний дворец Далай-ламы в Лхасе. Фото из архива А. А. Терентьева

Посланец Далай-ламы к русскому царю бурятский лама Агван Доржиев (ок. 1900 г.)

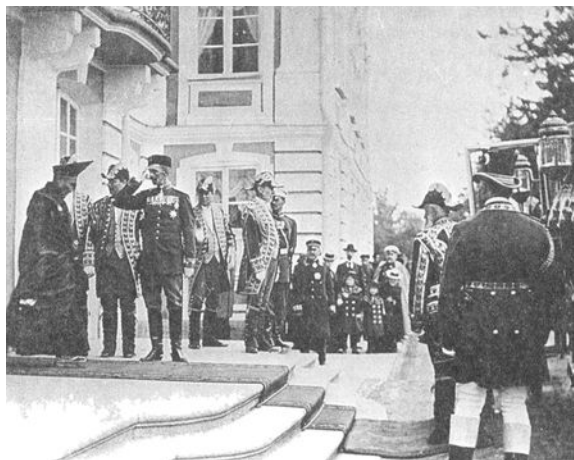

Буддийская служба в библиотеке Музея Гиме в Париже, 27 июня 1898 г. Лама на троне — А. Доржиев. (Репродукция с картины Феликса Регамея из собрания Музея Гиме)

Маркиз А. Сент-Ив д' Альвейдр

А. Доржиев выходит из Большого Петергофского дворца после аудиенции с Николаем II, 1901 г. Фото из архива А. А. Терентьева

А. В. Барченко (снимок периода 1-ой мировой войны)

Изобретенный Барченко шлем из медных и алюминиевых пластин для передачи и приема мыслей (1910 г.)

Этюд А. В. Барченко «Родная картинка» (Журнал «Русский Паломник», 1917 г.)

Буддийский храм в Старой деревне. (ЦГА КФФД, С.-Петербург)

Агван Доржиев в буддийском общежитии при храме, 1913 г (ЦГА КФФД)

А. В. Барченко (1922 г.). Архив семьи Кондаиных

А. А. Кондаин (1920 г.). Архив семьи Кондаиных

Э. М. Месмахер (жена А. А. Кондаина), Дерекой, 1927 г.

А. А. Кондаин с женой Э. М. Кондаин наблюдают солнечное затмение в Мурмане, 1921 г. Архив семьи Кондаиных

Лапландская экспедиция А. В. Барченко (1922 г.). Слева направо: лопарь-проводник, А. В. Барченко, Н. Барченко, Л. Н. Шишелова-Маркова, Ю. В. Струтинская, А. А. Кондаин, неизвестное лицо, Семенов (корреспондент «Известий»). Архив семьи Кондаиных

Одна из находок — камень-жертвенник (?). Архив семьи Кондаиных

Справа налево: проводник, А. В. Барченко, Н. Барченко, Л. Н. Шишелова-Маркова, Ю. В. Струтинская. Архив семьи Кондаиных

Елка в квартире Кондаиных на ул. Красных Зорь, 1923 г. Архив семьи Кондаиных

А. В. Барченко с учениками в Крыму (весна 1927 г.). Стоят: (справа налево) А. В. Барченко, О. П. Барченко, Н. Барченко, А. Д. Солдатов, жена Солдатов, А. А. Кондаин; Сидят: (слева направо) неизвестное лицо, Э. М. Кондаин, Л. Шишелова-Маркова, дочь Солдатовых, Олег Кондаин. Архив семьи Кондаиных

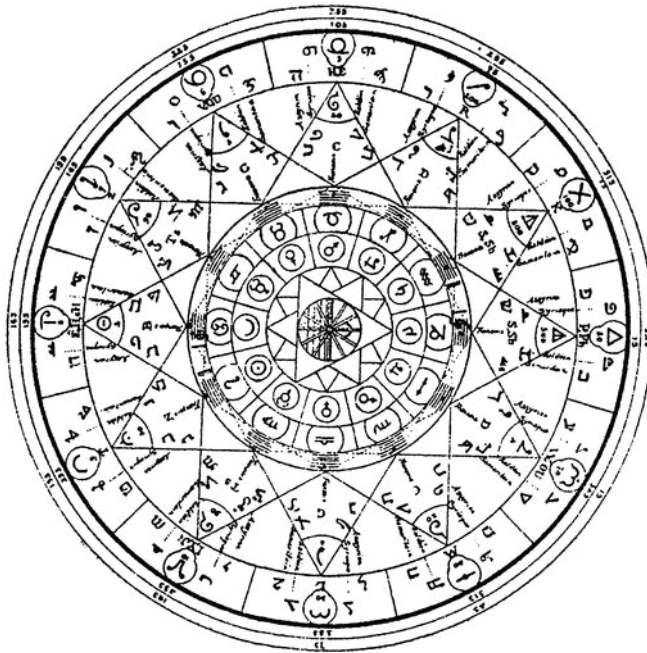

А. А. Кондаин в рабочем кабинете (конец 1920-х гг.). Архив семьи Кондаиных

9 0 7 2 5 Δ
I
2 4 2 5 5

«Тибетские идеограммы» костромского отшельника М. Т. Круглова: «Дзонхор» (вверху) и «Шамбала» (внизу)

Археометр А. Сент-Ива д'Альвейдра

Глава Спецотдела при ОГПУ Г. И. Бокий

А. В. Барченко, 1937 г. (снимок из следственного дела)